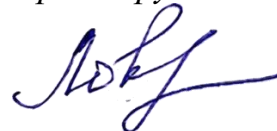

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

ЛОВЧИКОВА Анна Анатольевна

**ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКО-РУССКОГО
ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор О.А. Солопова

Челябинск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР	18
1.1. Теоретические основы двуязычной лексикографии.....	18
1.2. Дискурсивная лексикография как направление современных исследований	34
1.3. Политическая лексикография.....	41
1.4. Словари фигуративной лексики	45
1.5. Политическая метафора, метафорическое моделирование и принципы отбора единиц словника	66
Выводы по главе 1	74
ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «БРИКС» КАК ОСНОВА ОТБОРА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА ДЛЯ КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ.....	78
2.1. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политических дискурсах Китая и России	79
2.2. Общие метафорические модели со сферой-мишенью «БРИКС» в китайском и российском политических дискурсах	88
2.2.1. Метафорическая модель со сферой-источником «Путь»	88
2.2.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Дом».....	95
2.2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Механизм»	100
2.2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Родство»	103
2.2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Война»	107
2.3. Метафорические модели со сферой-мишенью «БРИКС» в китайском политическом дискурсе	109
2.3.1. Метафорическая модель со сферой-источником «Игра и спорт».....	109
2.3.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Физиология»	112
2.3.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных»....	115
2.3.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир неживой природы»	119

2.3.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Физические свойства»	121
2.3.6. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир растений»	123
2.3.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Артефакт»	126
Выводы по главе 2.....	128
ГЛАВА 3. МАКРОСТРУКТУРА И МИКРОСТРУКТУРА КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР	131
3.1. Макроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.....	131
3.2. Микроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.....	136
3.2.1. Зона входного слова (заголовочная единица)	136
3.2.2. Зона семантизации	138
3.2.3. Фонетическая зона	139
3.2.4. Морфемная зона	139
3.2.5. Этимологическая зона	140
3.2.6. Зона лингвокультурологического комментария	141
3.2.7. Зона иллюстративных примеров	144
3.2.8. Зона дискурсивных смыслов.....	146
Выводы по главе 3.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157
ПРИЛОЖЕНИЕ А	192
ПРИЛОЖЕНИЕ В	193

ВВЕДЕНИЕ

Создание дискурсивных словарей в современной лексикографии связано с необходимостью отразить особенности функционирования языковых единиц в определенной коммуникативной сфере, что позволяет отследить не только значения отдельных единиц, но и специфику формирования дополнительных смыслов в структуре значения. Отмечаемый учеными «лексикографический бум» [Козырев, Черняк, 2014, с. 5] отражает появление различных лексикографических направлений, среди которых можно отметить лексикографию не только авторскую [Шестакова, 2011; Шестакова, 2019], компьютерную [Загоровская, 2012; Маммедова, 2018 и др.], онтолингвистическую [Гридина, 2011], цитатную [Казак, Смирнова, 2019] и др., но и политическую лексикографию [Маник, 2018; Руженцева, 2017]. Об этом свидетельствует появление таких словарей, как «Словарь современных политических лозунгов России и Германии “Дайте миру шанс!”» [2016], «Словарь русских политических метафор» [Баранов, Караулов, 1994], «Актуальные термины политической лингвистики: словарь-справочник» [Семкин, 2021], «Словарь современных политических ярлыков» [Сковородников, Копнина, 2022], «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России» [Скляревская, Ткачева, 2004], «Словарь избирательной кампании» [Тарасенко, 2016]. В этой связи видится **актуальной** разработка принципов создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор, целесообразность создания которого обусловлена целым рядом факторов:

- недостаточной изученностью концептуальных метафор на материале китайского языка, несмотря на их активное употребление в политическом дискурсе на протяжении длительного времени;
- потребностью в наиболее полном описании языка политики; отсутствием в лексикографической практике китайско-русских словарей политических метафор;

- тесными отношениями России и Китая, стратегических партнеров, которые рассматривают двусторонние отношения как один из главных приоритетов в дипломатии, в частности, в рамках объединения БРИКС;

- усилением роли БРИКС как одного из основных акторов формирующегося многополярного мира.

БРИКС представляет собой интеграционное объединение, играющее значимую роль на международной арене в условиях формирования нового мирового порядка. Название объединения БРИКС (BRICS) сформировано от первых букв стран участниц на английском языке (Brazil, Russia, India, China, South Africa). На данный момент (2025 год) в БРИКС входят 11 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет, Индонезия, Саудовская Аравия, такой формат стран часто называют БРИКС+. Страны БРИКС сотрудничают по вопросам экономики, политики, безопасности, финансовой системы, культурной и гуманитарной сфер. Каждая страна по очереди отвечает за координацию работы стран-участниц, так как БРИКС не имеет устава, генерального секретаря и постоянного офиса. Наблюдаемый рост влияния БРИКС подтверждается возрастающей привлекательностью объединения для новых членов. Китай и Россия – одни из четырех государств, изначально входивших в состав БРИК (Brazil, Russia, India, China), с учетом их политического веса и активного участия в формировании повестки БРИКС становится особенно актуальной разработка китайско-русского словаря политических метафор.

Объект исследования – двуязычный дискурсивный словарь политических метафор как тип лексикографического издания.

Предмет исследования – принципы построения китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.

Цель исследования – определение принципов создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор и их практическая реализация при составлении словаря.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи:**

1. Проанализировать теоретико-методологические основы создания дискурсивного двуязычного словаря политических метафор и принципы построения словаря такого типа.
2. Сформировать и систематизировать иллюстративные корпуса текстов китайского и русского политических дискурсов, выявить метафоры со сферой-мишенью «БРИКС», провести сопоставительный анализ с указанием общих черт и особенностей.
3. Разработать макроструктуру словаря: определить принципы формирования словника, тематической организации материала, распределения словарных единиц по разделам и системы навигации между ними.
4. Разработать микроструктуру словаря: определить принципы организации словарной статьи, установить состав и последовательность представления элементов лексикографического описания метафорической единицы.
5. Выполнить лексикографическое и дискурсивное описание репрезентативных метафорических единиц на материале китайского политического дискурса с переводом на русский язык.
6. Разработать китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор со сферой-мишенью «БРИКС».

Источником материала выступил корпус текстов на китайском языке (1000 текстов) и на русском языке (1000 текстов), извлеченных из новостных сайтов и авторитетных электронных средств массовой информации Китая и России. При формировании корпусов использовалась процедура целевого отбора источников: учитывались институциональный статус издания, регулярность публикаций по международной тематике и наличие материалов о БРИКС; внутри выбранных источников применялась сплошная выборка релевантных текстов по ключевым номинациям. Поисковый запрос на

китайском языке – «金砖国家», на русском языке – «страны БРИКС» (тексты отсортированы корпусным менеджером по релевантности). Хронологические рамки исследования включают период с 2006 года по настоящее время. Нижняя граница обусловлена тем, что 2006 год фиксируется как начало регулярных контактов формата БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) на уровне министров иностранных дел.

Материалом исследования выступили 164 метафорические единицы на китайском языке и 102 метафорические единицы на русском языке. Для подготовки материала исследования применялись автоматизированные инструменты AntConc и Voyant Tools, что позволило обработать корпус текстов, определить частотность лексем и выделить контексты с потенциально метафорическими значениями.

Теоретико-методологическая база. Для достижения поставленной цели и решения задач необходимо рассмотрение положений следующих научных направлений:

- *двуязычной лексикографии*: Ю.Д. Апресян, В.П. Берков, Ван Юджин, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, В.В. Дубичинский, Л. Згуста, Ю.Н. Караулов, О.М. Карпова, В.В. Морковкин, М. Ранделл, А.В. Садиков, Б.Т. Сью Аткинс, Хуан Цзяньхуа, Чжан Ихуа, Чэн Яочэнь, Л.В. Щерба и др.;

- *дискурсивной лексикографии*: Б.Ю. Городецкий, Ван Ли, Н.Д. Голев, Ю.И. Леденев, Люй Шусян, Н.Н. Кошкарлова, А. Рей, О.А. Солопова, О.П. Фесенко и др.;

- *специализированной (политической) лексикографии*: А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, С.Б. Козинец, Г.А. Копнина, Н.Н. Кошкарлова, Н.Б. Руженцева, Л.И. Скворцов, А.П. Сковородников, О.А. Солопова, Т.Н. Хомутова и др.;

- *специализированной (фигуративной) лексикографии*: Вэнь Дуаньчжэн, В.И. Горелов, Дай Муцзинь, Н.Н. Коротков, А.М. Котов, Ма Гофань, М.И. Михельсон, Ни Баоюань, Чжоу Хунмин, Яо Пэнцы и др.;

- *политической лингвистики*: Э.В. Будаев, М.Р. Желтухина, Д.С. Гальчук, Р.И. Зарипов, Г.Б. Кошарная, Н.Н. Кошкарлова,

Н.А. Красильникова, О.А. Солопова, А.А. Хабаров, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Ян Кэ и др.;

- *теории метафоры*: Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, М. Джонсон, Р.И. Зарипов, А.В. Игнатенко, О.И. Калинин, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.

В процессе работы наряду с общенаучными методами наблюдения, анализа, синтеза использованы такие **методы, методики и приемы**, как автоматизированная обработка материала, ручная обработка материала, дистрибутивный анализ, описательный метод, дефиниционный анализ, методика интегрированного лексикографического описания, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы, метод метафорического моделирования, сопоставительный метод, приемы количественной обработки данных.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрены особенности создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор и разработаны принципы построения словаря такого типа. В исследовании предложена модель лексикографического описания политической метафоры, ориентированная не только на фиксацию отдельных метафорических единиц, но и на анализ их функционирования в политическом дискурсе. В работе представлен первый опыт системного лексикографического описания метафор, формирующих образ БРИКС в китайском политическом дискурсе. В отличие от традиционных (немногочисленных) словарей метафор, ориентированных преимущественно на семантизацию отдельных единиц, разработанный словарь включает контексты употребления метафор, их интерпретацию и дискурсивные смыслы. Такой подход позволяет проследить специфику репрезентации БРИКС в китайском политическом дискурсе и выявить устойчивые модели метафорической концептуализации образа объединения. Сопоставительный анализ систем метафорических моделей в китайском и русском языках позволяет выявить универсальные и культурно-специфические способы

концептуализации БРИКС, а также обеспечивает более точный подбор переводных эквивалентов при передаче политических метафор.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории лексикографии (двуязычной лексикографии, дискурсивной лексикографии, политической лексикографии), теории метафоры и теории политического дискурса. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления о принципах дискурсивного описания метафорических единиц в политической лексикографии.

Практическая ценность работы заключается в создании дискурсивного китайско-русского словаря политических метафор, который может быть использован как в переводческой практике, так и в образовательном процессе высшей школы: в преподавании китайского языка, стилистики, лексикологии, семантики, спецкурсов по лексикографии, политическому дискурсу. Словарь закладывает основу для дальнейших исследований в лексикографической практике и когнитивной метафорологии на материале китайского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепция дискурсивного китайско-русского словаря политических метафор основывается на тематическом, частотном и хронологическом принципах отбора и организации материала. Тематический принцип позволяет систематизировать метафорические единицы со сферой-мишенью «БРИКС» по сферам-источникам; частотный принцип обеспечивает включение в словник наиболее репрезентативных и устойчивых метафор в политическом дискурсе; хронологический принцип дает возможность ограничить материал исследования периодом с 2006 года по настоящее время и фиксировать изменения / неизменность в способах его концептуализации в китайском политическом дискурсе.

2. Принципы отбора и систематизации материала китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор предусматривают учет общих метафорических моделей, выявленных в политических дискурсах Китая и

России, которые служат основой для установления межъязыковых соответствий и подбора переводных эквивалентов. В двух дискурсах БРИКС концептуализируется с помощью метафор сферы-источников «Путь», «Дом», «Механизм», «Родство» и «Война», при этом доминантными выступают модели «Путь» и «Дом». Совокупность данных моделей формирует многомерный образ БРИКС: как объединения, движущегося к общей цели и участвующего в формировании многополярного мира; как устойчивой институциональной структуры, основанной на защищенности, прочности и единстве; как согласованно функционирующего механизма международного взаимодействия; как сообщества государств, связанных доверительными и долгосрочными отношениями; как субъекта, способного противостоять внешним вызовам и защищать интересы развивающихся стран.

3. Принцип учета национально-культурной специфики при создании китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор реализуется с помощью фиксации специфичных для китайского политического дискурса метафорических моделей. К ним относятся метафоры со сферами-источниками «Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений» и «Артефакт». Анализ специфичных моделей показывает, что в китайском дискурсе о БРИКС преобладают положительно окрашенные метафоры, формирующие образ объединения как созидательной, устойчивой и перспективной силы международного развития.

4. Макроструктура дискурсивного китайско-русского словаря политических метафор определяется системой выявленных метафорических моделей и строится по тематическому и частотному принципу. Словарь включает 13 разделов, каждый из которых соответствует отдельной сфере-источнику метафорической экспансии. Основной корпус словаря составляют 102 наиболее репрезентативные метафорические единицы китайского политического дискурса: 94 единицы распределены по 12 метафорическим моделям, 8 единиц отнесены к разделу «другие сферы-источники».

Последовательность разделов определяется частотностью моделей, количеством входящих в них метафорических единиц, числом иллюстративных контекстов и степенью репрезентативности в политическом дискурсе КНР. Внутри разделов заголовочные единицы расположены по алфавиту в соответствии с латинской транслитерацией пиньинь, что обеспечивает удобство поиска и практическую применимость словаря.

5. Микроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор строится на принципах комплексности описания, последовательности и единообразия представления словарных зон, обеспечивающих системное описание метафоры как концептуальной, культурно маркированной и дискурсивно значимой единицы. Словарная статья открывается заголовочной единицей в иероглифической записи и русским переводным эквивалентом, после чего последовательно представлены основные словарные зоны: семантизация метафорического значения, фонетическая зона с указанием пиньинь, морфемная зона, этимологическая справка, лингвокультурологический комментарий, иллюстративные примеры из китайского политического дискурса и зона дискурсивных смыслов. Такая структура позволяет не только дать переводной эквивалент, но и раскрыть внутреннюю форму, культурно-исторические основания, контекст употребления и ценностно-смысловой потенциал политической метафоры в дискурсе о БРИКС.

Достоверность результатов исследования обеспечивается комплексным характером теоретико-методологической базы, опорой на современные труды отечественных и зарубежных исследователей в области когнитивной лингвистики, политической метафорологии, лексикографии и переводоведения; репрезентативностью эмпирического материала; применением комплекса взаимодополняющих методов анализа, соответствующих цели и задачам исследования, включая современные цифровые методы и инструменты обработки информации; системностью процедуры отбора, классификации и интерпретации метафорических единиц;

сопоставимостью принципов анализа китайского и русского политических дискурсов; а также апробацией основных положений исследования в докладах на научных конференциях и публикациях автора.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (Челябинск, 2024, 2026), изложены в докладах на 20 мероприятиях: ежегодная научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2024, 2025, 2026), ежегодный научно-методический семинар кафедры лингвистики и перевода ЮУрГУ (Челябинск, 2024, 2025, 2026), научная конференция профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ (Челябинск, 2024), Всероссийская научная конференция с международным участием «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2024), II Международный симпозиум «Лексикография цифровой эпохи» (Москва, 2024), V Всероссийская научно-практическая конференция «Восточный калейдоскоп» (Москва, 2024), IV Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика» (Москва, 2025), IX Всероссийский (с международным участием) научно-практический форум «Наука и общество в XXI веке» (Москва, 2025), XV Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2025), Международная научно-практическая конференция «Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы “Один пояс, один путь”» (Челябинск, 2025), XIII Международная конференция по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025), Международная научная конференция «II Научные филологические чтения, посвященные 95-летию со дня рождения профессора О.И. Блиновой» (Томск, 2025), Международная университетская премия в области искусственного

интеллекта и больших данных «Гравитация 2025» (Москва, 2025), I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Трансформация иноязычной подготовки в вузе в эпоху ИИ: субъектный подход» (Челябинск, 2026), XIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Пятигорск, 2026), Межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (Челябинск, 2026). Материалы и результаты работы отмечены грамотой «Лучший научный доклад» (Челябинск, 2026).

По теме диссертации опубликовано 14 работ в научных журналах и сборниках научных трудов, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:

1. Ловчикова, А.А. Дискурсивная лексикография: перспективы изучения политической метафоры / А.А. Ловчикова, О.А. Солопова. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2024. – Т. 21. № 2. – С. 28–35.

2. Ловчикова, А.А. Язык власти: политические метафоры в дискурсе стран БРИКС (на материале китайского языка) / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1–1 (62). – С. 716–719.

3. Ловчикова, А.А. «Образ БРИКС: анализ метафорических конструкций в китайских медиа» / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 219–225.

4. Ловчикова, А.А. Образ Индии в медиадискурсе Китая: политические метафоры / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2026. – № 1 (66). – С. 324–327.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Ловчикова, А.А. Дискурсивная лексикография: о проекте китайско-русского словаря политических метафор / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Материалы 76-й научной конференции ППС. Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: ЮУрГУ, 2024. – С. 241–246.
6. Ловчикова, А.А. Принципы компиляции исследовательского корпуса на китайском языке / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Научный поиск. Материалы шестнадцатой научной конференции аспирантов и докторантов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2024. – С. 121–124.
7. Ловчикова, А.А. Словарь политических метафор: от концепции к реализации (на материале китайского языка) / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Лексикография цифровой эпохи. Сборник материалов II Международного симпозиума. – Томск: ТГУ, 2024. – С. 46–49.
8. Ловчикова, А.А. Словарная статья: метафора пути в дискурсе стран БРИКС / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Материалы докладов и сообщений V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов. – Москва: РУДН, 2025. – С. 358–363.
9. Ловчикова, А.А. Образ БРИКС в медиадискурсе Китая / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // IX Всероссийский (с международным участием) научно-практический форум «Наука и общество в XXI веке». – Москва: Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, 2025. – С. 147–152.
10. Ловчикова, А.А. Словарная статья: метафора игры в дискурсе Китая / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы «Один пояс, один путь». Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Челябинск – Хэнань: ЮУрГУ, 2025. – С. 744–749.
11. Ловчикова, А.А. Словарная статья: метафора строительства в политическом дискурсе Китая / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный

// Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук. материалы 77-й научной конференции. – Челябинск: ЮУрГУ, 2025. – С. 273–276.

12. Ловчикова, А.А. Китай и ЮАР: артефактные метафоры стран-участниц БРИКС в китайском политическом дискурсе / А.А. Ловчикова. – Текст : непосредственный // Материалы докладов и сообщений VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов. – Москва: РУДН, 2026. – С. 504–508.

Лексикографические издания:

13. Ловчикова, А.А., Солопова, О.А. Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор / А.А. Ловчикова, О.А. Солопова. – Текст : непосредственный. – М.: Издательский дом ВКН, 2026. – 170 с.

14. «БРИКС: дискурсивные метафоры» (полиязычный словарь) / сост. Е.В. Голубцова, М.С. Каган, О.И. Калинин, Н.Н. Кошкарлова, А.А. Ловчикова, А.А. Любяницкая, Н.С. Нагаев, О.А. Солопова; под общ. ред. О.А. Солоповой, Н.Н. Кошкарловой. – Текст : непосредственный. – М. : Издательский дом ВКН, 2026. – 400 с.

Материалы и результаты работы прошли апробацию **в рамках проекта РНФ** (№ 24-18-00049 «Моделирование образа России в медиадискурсе стран БРИКС: фреймы, метафоры, стереотипы», <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении диссертации раскрывается актуальность исследуемой проблемы, описываются объект, предмет, цель и задачи работы, особое внимание уделяется теоретико-методологическим основам, методам, научной новизне, теоретической и практической значимости исследования, сведениям об апробации работы.

В первой главе «Теоретические основы создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор» представлен обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных проблематике

исследования: рассмотрены понятия двуязычной, дискурсивной, политической и фигуративной лексикографии; представлены принципы составления словарей и определена возможность их применения к разрабатываемому китайско-русскому дискурсивному словарю политических метафор. Освещены вопросы, связанные с понятием политической метафоры и ее функционированием в политическом дискурсе.

Во второй главе «Сопоставительное исследование политических метафор со сферой-мишенью «БРИКС» как основа отбора и систематизации материала для китайско-русского дискурсивного словаря» подробно описываются методика анализа и материал исследования, связанные с принципами отбора, группировки и лексикографического описания метафорических единиц. В главе представлена система общих метафорических моделей в дискурсах Китая и России, рассмотрена фрейм-слотовая структура доминантных моделей в двух дискурсах, а также описаны специфичные для китайского политического дискурса метафорические модели, что позволяет обосновать тематическую организацию словаря и структуру его словарных статей.

В третьей главе «Макроструктура и микроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор» обоснована макроструктура словаря: организация словника строится на систематизации метафорических единиц по сферам-источникам с учетом их частотности и репрезентативности в китайском политическом дискурсе о БРИКС. Раскрыты принципы отбора заголовочных единиц, их распределения по разделам словаря и расположения внутри разделов. Особое внимание уделено микроструктуре словарной статьи, включающей заголовочную единицу, переводной эквивалент, транскрипцию, морфемную характеристику, этимологическую справку, лингвокультурный комментарий, иллюстративные примеры и описание дискурсивных смыслов. Тем самым в главе показано, каким образом теоретические положения и результаты сопоставительного

анализа получают практическую реализацию в структуре китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические выводы и практические результаты работы, намечаются перспективы дальнейшего изучения политических метафор в дискурсе о БРИКС на материале других языков и разработки принципов лексикографического описания и составления словарных статей для метафор на материале других национальных дискурсов.

В приложении А приводится оглавление словаря «Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор»; в **приложении В** для примера представлены две словарные статьи из каждого раздела, наглядно демонстрирующие типовую структуру и содержание статей лексикографического издания.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР

1.1. Теоретические основы двуязычной лексикографии

Двуязычная, или переводная, лексикография имеет многовековую традицию и представлена значительным массивом словарей, предназначенных для сопоставительного описания и перевода языковых единиц. Библиографический указатель В. Цаунмюллера, охватывающий период с 1460 по 1958 год, включает сведения приблизительно о 5600 словарях, однако, как отмечает В.В. Веселитский, данный перечень не может считаться исчерпывающим даже в рамках указанного хронологического диапазона [Zaunmuller, 1958; Веселитский, 1962].

Двуязычная лексикография исследует принципы составления и использования двуязычных словарей, которые обеспечивают перевод и объяснение лексических единиц между двумя языками. Теоретическая основа двуязычной лексикографии включает в себя несколько ключевых аспектов: определение и классификацию лексикографических единиц, особенности перевода значений и способов их языкового выражения, а также взаимодействие культурных и языковых систем. Основной задачей двуязычных словарей является обеспечение точности и адекватности перевода, что требует учета как лексических, так и грамматических особенностей языка оригинала и языка перевода. Важно учитывать контекстуальные значения единиц, поскольку одно слово может иметь несколько значений в зависимости от ситуации. Современная двуязычная лексикография опирается на когнитивные и прагматические подходы, что позволяет более точно передавать значения в рамках взаимодействующих языковых систем. Составление двуязычных словарей требует глубокой лексикографической теории,

включающей описание и анализ лексических единиц, а также функциональных принципов, на которых основаны методики перевода.

В настоящем исследовании под принципами составления словаря понимаются исходные теоретико-методологические установки, определяющие отбор материала, его систематизацию, построение макроструктуры и микроструктуры словаря. В соответствии с этим принципы рассматриваются не как разрозненные требования, а как система решений, обеспечивающих создание китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор. Макроструктура и микроструктура представляют собой разные уровни организации словаря. Макроструктура понимается как структура словаря в целом, включающая состав словника, способ расположения заголовочных единиц, последовательность основных разделов и соотношение компонентов словаря; при этом она не сводится только к перечню заголовочных единиц [Nielsen, 1990; Wiegand, 1996]. Микроструктура определяет внутреннюю организацию отдельной словарной статьи, то есть состав и последовательность информационных зон, с помощью которых описывается конкретная единица [Nielsen, 1995; Hartmann, James, 1998]. В исследовании макроструктура и микроструктура не отождествляются с принципами составления словаря: они выступают структурными уровнями, на которых реализуются эти принципы.

Вопросами лексикографии, в том числе и двуязычной, занимались такие российские ученые, как Ю.Д. Апресян, В.П. Берков, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, О.М. Карпова, И.А. Мельчук, В.В. Морковкин, В.К. Мюллер, А.В. Садиков, Л.П. Ступин, Н.И. Сукаленко, Л.В. Щерба и др.

Среди зарубежных лингвистов можно выделить работы Х.Э. Виганда, Ду Цзяли, Л. Згусты, Х. Касареса, С. Ландау, М. Ранделла, С. Сапорты, Б.Т. Сью Аткинс, У.Ф. Хаусхолдера, Г. Хенша и его коллег, Хуан Цзяньхуа, Чжан Ихуа, Чэн Яочэня и др. Серьезными лексикографическими трудами принято считать англо-русские словари БАРС и НБАРС, французско-русский

словарь ФРСАТ и немецко-русский словарь НРСРО [Медникова, Апресян, 1993, 1994; Гак, Триомф, 1991; Городникова, Добровольский, 1998].

Несмотря на огромный вклад ученых, двуязычная лексикография недостаточно описана и изучена [Piotrowski, 1989]. Как утверждает лингвист и лексикограф А.В. Садиков: «существовала только история практической деятельности двуязычной лексикографии, на протяжении тысячелетий не было никакой теории; в предисловиях к словарям, в личных заметках или в переписках лексикографов можно было увидеть разрозненные суждения относительно теоретической деятельности в данной области» [Садиков, 2019, с. 62]. По утверждению И.В. Балканова, существует проблема отсутствия единой структуры словарной статьи и критериев отбора лексических единиц [Балканов, 2017]. В.П. Берков также поднимал вопрос о проблеме оптимального словника; затрагивал тему о критерии, руководствуясь которым составитель включает или, наоборот, не включает единицу в словник [Берков, 2004, с. 21]. Чтобы прояснить перечисленные выше моменты, обратимся к понятию и основным положениям двуязычной лексикографии.

Двуязычная лексикография, по определению лексикографического словаря, – это комплекс исследований, посвященный изучению практики составления словарей, их структуры и пользования ими [Hartmann, 1998. с. 15; Hausmann, 1991]. Отправной вехой в развитии двуязычной лексикографии в России считают труд Л.В. Щербы. Л.В. Щерба в соавторстве с М.И. Матусевич и М.Ф. Дуссом создал новый, оригинальный тип двуязычного словаря – «Русско-французский словарь», принципы построения которого в дальнейшем были положены в основу других двуязычных словарей [Щерба, 1936]. Особенность словаря Л.В. Щербы и соавторов заключается в том, что помимо перевода слов с одного языка на другой в нем объясняется, когда и как следует употреблять те или иные варианты перевода. Это значительно облегчает работу переводчикам и изучающим иностранный язык. В основу предложенной Л.В. Щербой типологии положены шесть лексикографических оппозиций, позволяющих разграничивать словари по характеру описания

материала, способу организации словника, типу семантической информации и назначению словаря:

- 1) словарь академического типа – словарь-справочник;
- 2) энциклопедический словарь – общий словарь;
- 3) словарь-тезаурус – обычный (толковый или переводной) словарь;
- 4) обычный (толковый или переводной) словарь – идеологический словарь;
- 5) толковый словарь – переводной словарь;
- 6) неисторический словарь – исторический словарь [Щерба, 1940].

Вопросы типологии словарей рассматривались также в работах лингвиста В.П. Беркова, который, вслед за Л.В. Щербой, обращался к проблеме классификации лексикографических изданий. В своей работе «Двухязычная лексикография» он выделяет общие и специальные двухязычные словари; среди специальных преобладают отраслевые или терминологические, кроме того, к специальным словарям относятся словари, охватывающие нетерминологические единицы различного характера: фразеологические словари, словари крылатых слов [Берков, 2004, с. 12–13]. Вклад ученого в лексикографию заключается в разработке принципов организации общей микроструктуры словарной статьи. Он предложил выделять заглавное слово или лемму, разделять словарную статью на разделы, содержащие фонетическую, грамматическую, отсылочную зоны, зону эквивалентов [Берков, 2004, с. 80]. Кроме того В.П. Берков обосновал необходимость использования графических иллюстраций для визуализации реалий, размещая их в приложениях с перекрестными ссылками из основного корпуса словаря. Ученый отмечал, что, во-первых, «все более или менее серьезные словари включают в себя отдельные факты страноведческих знаний, но делается это в основном несистематически, и, во-вторых, целесообразно не только полно описывать эти факты, но и комментировать случай расхождения фактов культуры» [Берков, 2004].

Для настоящего исследования эти положения важны прежде всего как основание для разработки микроструктуры словаря: словарная статья должна иметь устойчивую композицию и включать зоны, необходимые для описания метафорической единицы, ее значения, перевода, дискурсивного функционирования и культурно обусловленных смыслов. Под принципами организации микроструктуры в настоящей работе понимаются правила внутреннего построения словарной статьи: последовательность зон, состав обязательной и факультативной информации, способ представления китайской единицы, перевода, контекста, семантизации, этимологического, лингвокультурного комментариев и др. Для авторского словаря этот принцип является оптимальным, поскольку метафорическая единица требует не только переводного соответствия, но и развернутого объяснения ее дискурсивного функционирования. Таким образом, микроструктура в работе не выступает самостоятельным принципом; принципом является способ ее организации, обеспечивающий единообразное описание каждой метафорической единицы.

Исследования В.П. Беркова, посвященные структурным аспектам лексикографии, стали отправной точкой для более масштабных теоретических построений. Так, согласно исследованиям В.В. Морковкина, теория двуязычной лексикографии охватывает следующие направления:

- 1) анализ ключевых аспектов лексикографии – объема, содержания и структуры дисциплины;
- 2) классификацию жанров и типов словарей, включая их функциональные и структурные особенности;
- 3) изучение элементов и параметров словарных статей – от фонетических помет до семантических пояснений;
- 4) разработку принципов лексикографического конструирования, включая применение компьютерных технологий для обработки данных;
- 5) исследование традиционных словарных материалов и методов их систематизации;

6) планирование и организацию словарной работы – от этапов создания до внедрения в образовательные процессы;

7) формирование универсальных правил лексикографирования [Морковкин, 1990, с. 7].

В применении к разрабатываемому словарю принципы лексикографического конструирования конкретизируются как правила формирования словника, организации словарной статьи, расположения материала и соотнесения китайской метафорической единицы с русским переводным и интерпретационным эквивалентом.

Советский и российский лингвист и лексикограф В.В. Морковкин внес значительный вклад в развитие двуязычной лексикографии, уделяя особое внимание практической применимости словарей. Работы В.В. Морковкина и соавторов, такие как «Словарь сочетаемости слов русского языка» [Денисов, Морковкин, 1983] и «Русский тематический словарь» [Морковкин, Богачева, Ольховская, 2024], стали образцами функционального подхода, в котором теоретические принципы адаптировались под нужды изучающих язык. Например, в словарях для иностранцев он вводил контекстные примеры («*оказывать помощь*», но не «*оказывать совет*»), что снижало риск интерференции. Такой акцент на практику позволил его трудам стать основой для учебных программ в российских и зарубежных вузах. В основе разработки словарей В.В. Морковкина лежала идея о том, что словари должны быть многофункциональными. Ученый усилил нормативно-обучающий аспект, вводя в словарные статьи культурологические комментарии. Например, в статьях к словам *борщ* или *матрешка* он указывал не только перевод, но и страноведческие реалии, что соответствовало идеям Л.А. Девель о роли словарей в межкультурной коммуникации.

Как отмечает Л.А. Девель, двуязычный словарь, как и любой другой, выполняет четыре ключевые функции [Девель, 2011, с. 26]: справочная – быстрый доступ к переводу и грамматическим параметрам (ударение в слове *догово́р*); учебная – формирование навыка корректного употребления

(помета «не смешивать с «одевать/надевать»»); систематизирующая – отражение связей между лексическими единицами (синонимические ряды: красивый – прекрасный – живописный); нормативная – фиксация языковых стандартов (запрет формы «*ихний*»).

Нормативно-обучающий аспект не является ведущим для двуязычного дискурсивного словаря политических метафор, однако может учитываться опосредованно: словарь такого типа не столько предписывает единственно возможный перевод, сколько показывает способы понимания и передачи единицы одного языка средствами другого языка.

Классификация Л.А. Девель, охватывающая справочные, учебные, систематизирующие и нормативные функции, позволяет рассматривать двуязычный словарь как практический инструмент, ориентированный на разные типы пользовательских задач. Однако для настоящего исследования особое значение имеет функциональная модель Л.П. Ступина, непосредственно связанная с процессом межъязыковой коммуникации.

Как подчеркивает Л.П. Ступин, анализ словаря через призму переводческих задач позволяет выделить три ключевые функции:

- а) интерпретационную, связанную с декодированием смысла текста на иностранном языке;
- б) репродукционную, обеспечивающую точную передачу содержания адресату;
- в) переводческую, предполагающую творческую адаптацию с учетом семантических и культурных нюансов [Ступин, 1985].

Для двуязычного дискурсивного словаря политических метафор особенно значимы интерпретационная и переводческая функции. Пользователь такого словаря должен не только получить переводное соответствие, но и понять образную основу метафорической единицы, ее культурную обусловленность и особенности функционирования в политическом дискурсе. Поэтому микроструктура словаря такого типа может включать не только зону переводного эквивалента, но и элементы

семантического, контекстуального, лингвокультурного и дискурсивного описания.

В.В. Виноградов в работе «Русский язык: Грамматическое учение о слове» обосновал принципы семантико-стилистического анализа лексики, показав, что словарное описание не может ограничиваться фиксацией прямых переводных соответствий. Для двуязычного словаря особенно важно учитывать смысловые оттенки, стилистическую принадлежность слова, его оценочные и культурно обусловленные компоненты [Виноградов, 1947]. Такой подход имеет особое значение при описании метафорических, политически и идеологически маркированных единиц, поскольку их перевод требует не только лексической точности, но и передачи дискурсивного и культурного содержания.

Идеи Л.В. Щербы заложили основы функционального понимания словаря: словарь стал рассматриваться не как перечень эквивалентов, а как инструмент, помогающий пользователю правильно употреблять языковые единицы в конкретных коммуникативных ситуациях [Щерба, 1940]. В.П. Берков внес существенный вклад в описание структуры двуязычного словаря и словарной статьи, предложив системную модель организации лексикографической информации [Берков, 2004]. В.В. Морковкин, в свою очередь, развил представление о словаре как о многофункциональном издании, сочетающем справочные, нормативные, учебные и культурологические задачи [Морковкин, 1990].

Положения В.В. Виноградова и Л.В. Щербы учитываются при разработке авторского словаря как общие методологические ориентиры. Для настоящего исследования значима мысль В.В. Виноградова о необходимости многоаспектного описания значения языковой единицы, не сводимого к прямому соответствию. Это положение особенно важно при лексикографировании политических метафор, значение которых часто раскрывается с помощью контекста и дискурсивной интерпретации. Функциональное понимание словаря Л.В. Щербы позволяет рассматривать

словарь как инструмент, ориентированный на пользователя и на решение практических задач понимания и перевода.

В работе «Теоретическая и практическая лексикография» В.В. Дубичинский, систематизируя области лексикографических исследований, подчеркивает, что основная задача переводной лексикографии – не просто механическое сопоставление слов, а многоуровневое описание языковых единиц через призму межъязыковой эквивалентности [Дубичинский, 1998, с. 66]. Описывая проблему эквивалентности, В.В. Дубичинский акцентирует ее диалектическую природу, которая, будучи заимствованной из логики и философии, проявляется в трех ключевых вариантах:

а) полная эквивалентность (слово «веранда» – это крытый балкон или терраса, расположенная вокруг дома либо вдоль одной из его стен, – совпадает в английском «*veranda*», французском «*Veranda*» и испанском «*Veranda*», образуя устойчивый интернациональный лексический эквивалент).

б) частичная эквивалентность (слова «букет» и исп. «*buqué*» являются интернациональными в значении «совокупность ароматических и вкусовых свойств какой-либо жидкости», однако в значении «цветы, красиво подобранные и собранные в пучок» их эквивалентность отсутствует: в испанском для этого используется слово «*ramo*»).

в) ложная эквивалентность (безэквивалентность) (русское слово «аспирант» – «лицо, проходящее подготовку к научной или преподавательской деятельности в вузе или научном учреждении» – не имеет прямых эквивалентов в английском, французском и испанском языках. Английское «*aspirant*» означает «претендент, кандидат на должность», тогда как русскому понятию соответствует термин «*post-graduate (student)*». Во французском «*aspirant*» также передает значение «кандидат» или «подпоручик», в то время как для обозначения аспиранта используется «*boursier de thèse*». В испанском «*aspirante*» означает «соискатель, претендент», но не научного звания, а должности; корректный аналог русского

«аспиранта» – «posgraduado») [Дубичинский, 1998, с. 69–71]. Анализ трех типов эквивалентности демонстрирует, насколько сложной является задача переводной (двуязычной) лексикографии.

Таким образом, отечественная традиция двуязычной лексикографии выработала теоретические принципы, в рамках которых переводное соответствие понимается не изолированно, а во взаимосвязи с семантикой, стилистикой и условиями реального употребления слова. Эти положения особенно актуальны для современных дискурсивных словарей, описывающих метафорику в широком культурном и идеологическом контексте.

Существенную роль в формировании современных представлений о словаре, его структуре, функциях и принципах составления сыграли зарубежные исследователи, работы которых во многом определили методологические основания современной лексикографии.

Одной из наиболее значимых фигур является чешский лингвист Л. Згуста (Ladislav Zgusta). Его труд *Manual of Lexicography* [Zgusta, 1971] стал одним из первых системных описаний лексикографии как самостоятельной области лингвистического знания. В данной работе лексикография рассматривается как научно организованная деятельность, имеющая цели, методы и принципы. Ученый подробно описывает процесс создания словаря: от определения его назначения и адресата – до отбора языкового материала, разработки словарной статьи, редактирования и представления лексикографической информации.

Особенно важным является положение Л. Згусты о том, что словарь не может быть результатом механического накопления лексических единиц. Он создается как продуманная система, в которой каждый элемент подчинен общей задаче издания. В связи с этим исследователь уделяет большое внимание микроструктуре словарной статьи: способам формулирования определений, подбору иллюстративных примеров, использованию грамматических и стилистических помет, а также представлению переводных эквивалентов. Автор выступает против интуитивного, недостаточно

обоснованного подхода к составлению словарей. Существенным для дальнейшего развития лексикографии стало его требование опираться на реальные речевые данные – письменные тексты и устную коммуникацию, что позднее получило развитие в корпусной лексикографии.

Для двуязычной лексикографии идеи Л. Згусты имеют принципиальное значение. Подбор переводных соответствий, согласно данному подходу, должен основываться не на внешнем или формальном сходстве единиц, а на анализе их реального функционирования в речи. Это особенно важно в тех случаях, когда между языками отсутствует полное смысловое совпадение. Исследователь также показывает, что двуязычные словари прошли длительный путь развития: от простых списков слов и переводных глоссариев до сложных справочно-обучающих систем. Современный двуязычный словарь, в таком понимании, должен выполнять не только переводческую, но и объяснительную функцию, помогая пользователю понять прагматические, культурные и дискурсивные особенности языковой единицы. Особенно актуально это при описании слов и выражений, не имеющих прямых эквивалентов вследствие различий в культурной и концептуальной картинах мира.

Важное место в зарубежной теории и практике лексикографии занимают работы Б.Т.С. Аткинса (B.T.S. Atkins) и М. Ранделла (M. Rundell). В работе *The Oxford Guide to Practical Lexicography* [Atkins, Rundell, 2008] исследователи предложили целостную модель словарного проектирования, в центре которой находится пользователь. Данный подход, обозначаемый как *user-centred lexicography*, исходит из необходимости учитывать адресата словаря, его запросы, уровень языковой подготовки, ситуации обращения к словарю и практические задачи, которые словарь должен решать. Тем самым словарь рассматривается не только как источник лингвистической информации, но и как инструмент, ориентированный на конкретные коммуникативные потребности пользователя.

Значимый вклад в развитие теоретических оснований двуязычной лексикографии внесли Г. Хенш, Л. Вольф, С. Эттингер и Р. Вернер – авторы труда *La lexicografía. De la lingüística teórica a la lexicografía práctica* («Лексикография: от теоретической лингвистики к практической лексикографии»). В этой работе лексикография представлена как область, объединяющая теоретическое описание языка с практикой создания словарей. Исследователи рассматривают вопросы отбора и организации лексического материала, способы интерпретации значения, а также принципы представления языковой информации в словарной статье. Для двуязычной лексикографии особенно существенно их положение о том, что словарь должен не просто предлагать переводной эквивалент, но и раскрывать семантические, прагматические и культурно обусловленные особенности лексической единицы [Haensch et al., 1982].

Как справедливо отмечают авторы, двуязычные словари, аналогично одноязычным, могут быть классифицированы на семасиологические (толковые) и ономасиологические (идеографические). Хотя данное разделение остается дискуссионным, из него вытекает важный тезис, актуальный для теории лексикографии: ключевые теоретические сложности при создании и применении двуязычных словарей принципиально не отличаются от проблем, характерных для одноязычных лексикографических ресурсов. Это объясняет, почему в научных работах по двуязычной лексикографии акцент смещается на функциональный аспект – такие словари рассматриваются преимущественно как инструмент перевода. Основная проблема при этом связана с несовпадением лексических систем разных языков, что определяет специфику составления переводческих словарей. Как подчеркивают ученые, именно данное несоответствие структур делает вопросы эквивалентности и межъязыковой соотнесенности центральными в контексте двуязычной лексикографии [Haensch et al., 1982, 285–286].

Обозначенные теоретические положения значимы для описания русско-китайской и китайско-русской лексикографической традиции, поскольку

русский и китайский языки существенно различаются по своей структурной организации, способам номинации и семантической категоризации. В связи с этим проблема межъязыковой эквивалентности с самого начала была одной из ключевых задач русско-китайской и китайско-русской лексикографической практики.

Русско-китайская/китайско-русская лексикография начала развиваться с 1712 года при династии Цин, когда Петр I отправил первых миссионеров в Поднебесную. В этот период миссионеры (Н.Я. Бичурин, П.И. Кафаров, А.Л. Леонтьев, И.К. Россохин и др.) проделали большую работу по составлению первых русско-китайских словарей [Гао, 2019, с. 120].

Позже появился первый двуязычный словарь, составленный китайцем Чэн Яочэнем (程耀辰), – «Китайско-русский коммерческий словарь» (华俄合璧商务大字典). Чэн Яочэнь, выдающийся китайский русист начала XX века, своим трудом 1917 года завершил эпоху доминирования русско-китайских словарей, которые со времен династии Цин составлялись преимущественно российскими экспертами. Это событие положило начало новой эре лексикографии: авторами словарей стали сами китайцы. Особую роль сыграл «Полный китайско-русский словарь» (华俄大字典) под авторством Чэн Яочэня, одобренный министерством образования и выпущенный в 1925 году [Янь, 2010, с. 16].

В 1956 г. был издан первый русско-китайский словарь, включающий базовую лексику, фразеологические единицы, толкования, примеры употребления – «Русско-китайский словарь» в двух томах (俄华大词典), подготовленный коллективом авторов под общей редакцией Ван Юджин [王语今, 1956]. Более поздняя версия этого словаря – «Русско-китайский словарь. Исправленное издание» (俄华大词典修订本). Этот словарь внес существенный вклад в развитие лексикографии, однако имел и ряд недостатков [Гао, 2019, с. 122]: нечеткое разграничение значений слов при омонимии и многозначности; неточности в переводах, затрудняющие

понимание значений единиц для носителей китайского языка; неполнота и неоднозначность некоторых дефиниций. Эти критические замечания подчеркнули необходимость дальнейшего совершенствования методологии двуязычной лексикографии. В 1985 г. на факультете русского языка Хэйлунцзянского университета был начат масштабный проект по составлению «Большого толкового русско-китайского словаря» (大俄汉详解词典). Результатом этой работы стало издание в 1998 г. словаря, который вошел в историю как крупнейший русско-китайский словарь, созданный в КНР. Он не только систематизировал лексику, но и содержал развернутые толкования, примеры употребления единиц, а также отражал динамику развития языка под влиянием культурных и политических изменений конца XX века. Проект стал символом научного сотрудничества и профессиональной преемственности в китайской лексикографии.

Что касается китайско-русских словарей, то здесь стоит отметить ленинградских китаеведов из Академии наук СССР. В конце 1920-х годов они начали работу над масштабным проектом – созданием полного китайско-русского словаря, интегрирующего новые подходы советской лексикографии. Руководитель проекта, академик В.М. Алексеев, опирался на теоретические разработки Л.В. Щербы, что позволило достичь высокой методологической строгости как в структуре словаря, так и в его содержании [Сафронов, 1988, с. 104]. Однако после образования КНР в 1949 году прежние словари, ориентированные на традиционную китайскую культуру, утратили актуальность. Требовался новый лексикографический труд, отражающий изменения в языке, связанные с политическими и социальными преобразованиями. В 1952 году под редакцией советского китаиста И.М. Ошанина был издан «Китайско-русский словарь» (華俄辭典) [Ошанин, 1952], основанный на современной лексике, включая тексты из антологии Мао Цзэдуна и периодических изданий того времени. Источниками также послужили китайские словари 1940-х годов [Сафронов, 1988, с. 105]. Словарь

И.М. Ошанина «стал рубежным событием в истории советского китаеведения», как писал востоковед и синолог В.Г. Дацышен [Дацышен, 2018, с. 863]. Несмотря на значимость, к 1980-м годам словарь И.М. Ошанина устарел. Причиной стали масштабные реформы в Китае:

- 1) стандартизация путунхуа как государственного языка;
- 2) упрощение иероглифики;
- 3) внедрение системы пиньинь для транскрипции.

Эти изменения затронули графику, фонетику и семантику языка, что потребовало создания обновленного лексикографического ресурса. В 1980 году под редакцией Б.Г. Мудрова вышел «Китайско-русский словарь» (汉俄词典), составленный на основе анализа современной литературы и прессы [Мудров, 1980]. Этот труд стал ответом на запросы советских китаеведов, нуждавшихся в актуальном инструменте для работы с обновленным языковым стандартом КНР.

В 1983 г. под редакцией И.М. Ошанина вышел его фундаментальный лексикографический труд – первый том «Большого китайско-русского словаря» (華俄大辭典) или сокращенно БКРС [Ошанин, 1983]. Написание словаря завершилось в 1984 году. БКРС состоит из четырех томов и включает 16 тысяч гнездовых иероглифов и около 250 тыс. словарных статей. Словарь охватывает современную лексику, архаизмы и вэньянизмы.

Большой вклад в развитие китайской двуязычной лексикографии внесли такие ученые, как Чжан Ихуа (章宜华), Хуан Цзяньхуа (黄建华) и др. Их работы охватывают широкий спектр направлений: от создания специализированных словарей до теоретических исследований в области когнитивной лингвистики и цифровых технологий. Чжан Ихуа предпринимал первые попытки систематизировать медицинскую терминологию с учетом англо-китайских различий в своих работах «英汉药学词典» (англо-китайский фармацевтический словарь) и «英汉 - 汉英医学词典» (англо-китайский/китайско-английский медицинский словарь) [王晓鹰, 章宜华,

2008; 王晓鹰, 章宜华, 2010]. Хуан Цзяньхуа в книге «英俄德法西日语文词典研究» (Исследование английских, русских, немецких, французских, испанских и японских словарей) проводил сравнительный анализ европейских и азиатских лексикографических традиций [黄建华, 1992]. В 1999 году написал учебник «双语词典学导论» (Введение в двуязычную лексикографию), ставший основой для подготовки специалистов в области двуязычной лексикографии [黄建华, 1992].

В настоящее время работы китайских лексикографов связаны со следующими направлениями:

1) разработка ИИ-платформ для автоматизации процессов (например, анализ корпусов текстов, генерация словарных статей, выявление неологизмов);

2) создание «умных» двуязычных словарей с функциями контекстного поиска, адаптации к уровню пользователя и динамического обновления данных. Пример: проекты в рамках темы «AI 赋能的双语词典编纂与使用研究» (Исследования по применению ИИ в создании и использовании двуязычных словарей);

3) создание словарей, объединяющих текст, аудио-, видео- и интерактивные упражнения. Например, платформы для изучения китайского как иностранного с интегрированными словарными модулями «融媒双语词典设计与编纂平台研发»;

4) проектирование учебных словарей для поддержки программ международного преподавания китайского языка «汉语国际教育»;

5) разработка отраслевых словарей с акцентом на точность перевода терминов «双语词典与翻译实»;

6) исследование макро- и микроструктуры двуязычных словарей «双语词典宏观与微观设计特征研究» [中国辞书学会].

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных подходов к двуязычной лексикографии показывает, что современный двуязычный словарь не сводится к перечню переводных эквивалентов. Он представляет собой специально организованное лексикографическое издание, в котором переводное соответствие может сопровождаться элементами дискурсивного, контекстуального и культурно-этимологического описания. Это позволяет учитывать не только межъязыковую соотнесенность единиц, но и специфику их функционирования в реальном употреблении. Для разрабатываемого китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор данные положения значимы на двух уровнях. На уровне макроструктуры они определяют принципы отбора заголовочных единиц и их системного расположения в соответствии с задачами словаря. На уровне микроструктуры они обуславливают состав словарной статьи: наряду с переводным эквивалентом в нее должны входить зоны, раскрывающие значение метафорической единицы, ее употребление в политическом дискурсе, лингвокультурную специфику и интерпретационный потенциал.

1.2. Дискурсивная лексикография как направление современных исследований

Классическое определение лексикографии, фокусирующееся на теории и практике составления словарей, в современной лингвистической парадигме подвергается переосмыслению. Лексикография все чаще трактуется как теория и практика представления знаний о мире [Кошкарова, Солопова, 2021]. Словари, таким образом, выступают в роли статических моделей, отражающих динамические языковые процессы и социокультурные изменения. По мнению ученых, словари «откликаются на все изменения в жизни и в обществе, в статичной форме демонстрируя картину динамических языковых процессов» [Козырев, Черняк, 2015, с. 6]. Лексикографическая практика вышла на новый уровень и из текстоцентричного направления

лингвистики все больше становится антропо- и социоцентричной [Кошкарова, Солопова, 2021].

В этом контексте дискурсивная лексикография приобретает особое значение, поскольку она акцентирует внимание на взаимодействии языка и дискурса, исследуя, как лексические единицы и их значения реализуются в конкретных ситуациях общения. Дискурсивная лексикография развивает идею о том, что словарь должен отражать реальное употребление языка и быть предназначенным для конкретного пользователя [Ловчикова, Солопова, 2024]. Впервые понятие *дискурсивный словарь* вводит О.П. Фесенко [Фесенко, 2015, с. 52]; по мнению ученого, словарь такого типа может «демонстрировать не столько язык, сколько речь, т. е. особенности смысловых изменений слов / фразеологизмов в употреблении». В своей работе «Лексикография языка, речи и дискурса» автор описывает критерии для выделения дискурсивного словаря как отдельного типа и выявляет основные проблемы его создания [Фесенко, 2015, с. 52]. В работе О.П. Фесенко акцентируется внимание на особенностях структуры и содержания дискурсивных словарей. Ученый считает, что «1) в них фиксируется семантика единицы (представляется значение, а также отмечаются дополнительные коннотации, возникающие в контексте); 2) подобные лексикографические источники являются описательными (дескриптивными); 3) в словарной статье может фиксироваться мотивированность лексемы и дополнительная металингвистическая информация, значимая для интерпретации смыслов, возникающих при функционировании языковой единицы в дискурсе; 4) в дискурсивных словарях отражается контекстуальная реализация описываемых лексем в максимальном объеме» [Фесенко, 2015, с. 53–54].

Несмотря на то, что дискурсивная лексикография находится в стадии становления, ученые активно работают над созданием словарей, основанных на ее принципах. В современной лексикографии можно отметить появление словарей дискурсивной направленности. Подобные лексикографические проекты отражают переход от традиционного описания языковой единицы как

относительно автономного элемента системы к ее рассмотрению в контексте реального употребления: с учетом коммуникативной ситуации, дискурсивных особенностей, жанровых, стилистических характеристик текста, функциональной специфики речевой практики.

Одним из таких проектов является «Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материале Рунета)». В работе анализируется функционирование диалектной лексики, зафиксированной в предшествующих исследованиях, в современной языковой среде [Голев, 2019]. Российский интернет (Рунет) рассматривается как репрезентативный источник данных, отражающий употребление диалектизмов в различных функциональных стилях и дискурсивных практиках.

Иной тип дискурсивно ориентированного лексикографического описания представлен в проекте «Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем Пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря» [Фесенко, 2016]. В данном словаре учитываются особенности функционирования фразеологизмов в эпистолярном жанре, показывается, как они использовались в различных коммуникативных ситуациях и типах дискурса.

Еще один пример – цифровой «полиязычный словарь метафор», учитывающий современные дискурсивные и лингвокультурологические направления в лексикографии, в котором материал представлен на четырех языках (русский, английский, итальянский, казахский) [Герасимова, 2020; Юрина, 2021].

Следующим значимым проектом в области дискурсивной лексикографии выступает полиязычный словарь «БРИКС: дискурсивные метафоры» [Солопова, Кошкарлова, 2025]. Словарь включает материал на пяти языках (португальский, русский, хинди, китайский, английский), что соответствует языковому составу стран-участниц объединения. В словаре представлены универсальные метафоры для всех пяти дискурсов,

моделирующие образ БРИКС, а также идиоэтнические метафоры, специфичные для двух, трех, четырех дискурсов.

В дополнение к этому следует отметить словарь В.А. Курдюмова [Курдюмов, 2023]. В научной статье «Система дискурсивных понятий тайваньской реальности. Опыт создания краткого толкового словаря» [Курдюмов, 2023] автор представляет опыт формирования минимального набора дискурсивных понятий, которые отражают специфику языковой среды жителей Тайваня, говорящих на гоюй 国语 (китайский язык, стандартизированный в период правления Гоминьдана, в отличие от путунхуа, официального языка в КНР) [БКРС].

Ярким примером дискурсивного словаря может служить словарь «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» [Мелерович, Мокиенко, 2010]. Словарь предлагает многогранный анализ функционирования идиом в литературных произведениях. Авторы указывают стилистическую окраску, социолингвистические особенности, историко-этимологические корни и индивидуально-авторское преломление фразеологизмов. Если словарь А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко показывает, как фразеология функционирует в художественном дискурсе, то специалист по общему и русскому языкознанию Ю.И. Леденев распространил подобный подход на служебные слова, доказав, что их прагматика также требует детального анализа в контексте коммуникации [Леденев, 2008]. Ю.И. Леденев специализировался на изучении дискурсивных особенностей неполнозначных слов (союзы, предлоги, частицы). В своей статье «Дискурсивный подход к лексикографии неполнозначных слов» [Леденев, 2008] он представил инновационную модель словаря, ориентированную на практическое использование этих языковых единиц в коммуникации.

Б.Ю. Городецкий, выдающийся советский и российский ученый, внес значительный вклад в теорию лексикографии, уделяя особое внимание анализу дискурса. В монографии «Проблемы и методы лексикографии» [Городецкий, 1983] он утверждает, что лексикографические описания должны

учитывать не только структуру языка, но и то, как единицы функционируют в реальной коммуникации. Это положение стало ключевым для формирования дискурсивного подхода в составлении словарей.

О.А. Солопова и Н.Н. Кошкарлова рассматривают дискурсивную лексикографию как направление, ориентированное на описание языковых единиц с учетом особенностей их функционирования в различных лингвокультурах и типах дискурса. По мнению исследователей, словарь, построенный по принципам дискурсивной лексикографии, позволяет систематизировать языковой материал и представить его в единстве семантических, дискурсивных и культурно обусловленных характеристик [Солопова, Кошкарлова, 2024].

В Китае развитие лексикографического направления связано с именем Ван Ли (王力), которого относят к числу основоположников современной китайской лингвистики. В его работах рассматриваются вопросы фонологии, грамматики, исторической лексикологии, диалектологии и лексикографии. К числу наиболее известных лексикографических трудов ученого относится «Словарь иероглифов древнего китайского языка» (王力古漢語字典) [王力, 2000]. В исследованиях Ван Ли важное место занимает изучение исторического развития лексической системы и семантических сдвигов: ученый показывает зависимость семантических изменений от культурно-исторических условий функционирования языка.

К числу ведущих представителей китайской лингвистической школы относится Люй Шусян (吕叔湘), первый редактор «Словаря современного китайского языка» [吕叔湘, 1978]. Автор указывает на необходимость включения социокультурных характеристик в лексикографическое описание языковых единиц и предлагает способы их фиксации в микроструктуре словаря. В его ключевом труде «Словарь современного китайского языка» (现代汉语辞典) акцент делается не только на семантике лексем, но и на их функционировании в различных дискурсах: от традиционной конфуцианской

системы представлений до современных политико-идеологических контекстов [吕叔湘, 1978]. При составлении «Словаря современного китайского языка» Люй Шусян стал пионером в установлении принципов отбора слов, способов обработки грамматической информации, порядка расположения заголовочных единиц, а также метода фонетической записи. Люй Шусян подчеркивал, что словарные статьи должны отражать культурно-обусловленные коннотации, например, специфику употребления терминов, таких как «和谐» héxié «гармония», в публичном дискурсе КНР, в котором они несут идеологическую нагрузку. Его подходы легли в основу современных проектов, таких как «Большой словарь китайских идиом» 中华成语大词典, в котором фиксируется связь фразеологизмов с историческими и социальными практиками [中华成语大词典, 2014].

В современной англоязычной лексикографии представлены коллокационные словари, в том числе «Словарь коллокаций английского языка для студентов» (Oxford Collocations Dictionary for Students of English [Oxford, 2003]) и «Словарь коллокаций и тезаурус» (Longman Collocations Dictionary and Thesaurus [Pearson Education, 2013]). В рассматриваемых словарях описаны типичные модели сочетаемости единиц и устойчивые синтагматические связи лексем. Словари демонстрируют функционирование единиц в контексте. Единицы сопровождаются примерами из разных типов дискурсов. «Словарь коллокаций английского языка для студентов» включает 250 тыс. часто используемых словосочетаний для существительных, глаголов и прилагательных.

Возможности коллокационных словарей расширяются за счет включения в них тезаурусных данных, примером служит «Словарь коллокаций и тезаурус» (Longman Collocations Dictionary and Thesaurus [Pearson Education, 2013]). Если Oxford Collocations Dictionary фокусируется на фиксации типичных сочетаний [Oxford, 2003], то Longman Collocations Dictionary and Thesaurus дополняет их синонимическими рядами и

прагматическими комментариями, указывая на частотность и контекстуальные ограничения употребления. Особенность словаря Longman Collocations Dictionary and Thesaurus заключается в его ориентации на активное усвоение языка: каждая словарная статья структурирована по семантическим полям, что позволяет изучающим язык подбирать коллокации в соответствии с целевым дискурсом [Pearson Education, 2013].

Таким образом, дискурсивная лексикография переосмысливает традиционные подходы к словарному описанию, смещая фокус с изолированной языковой единицы на ее функционирование в конкретной коммуникативной среде. Рассмотренные лексикографические проекты показывают, что дискурсивный словарь должен отражать не только значение единицы, но и ее контекстуальные реализации, интерпретационный потенциал, культурно обусловленные характеристики и связь с определенным типом дискурса. При этом большинство рассмотренных дискурсивных словарей ориентировано на описание материала одного языка. В связи с этим особое значение приобретает разработка двуязычного дискурсивного словаря политических метафор, в котором метафорическая единица рассматривается в контексте ее дискурсивного функционирования и соотносится с переводным эквивалентом в другом языке.

Такой подход позволяет учитывать дискурсивные смыслы метафоры, ее роль в моделировании политической реальности и особенности подбора переводного соответствия в двуязычном словаре. Для разрабатываемого словаря это означает, что его дискурсивный характер проявляется в отборе материала из реальных контекстов китайского и российского политических дискурсов, а на уровне микроструктуры – в возможности включения иллюстративных примеров, дискурсивных смыслов и комментариев, необходимых для интерпретации метафорической единицы.

1.3. Политическая лексикография

Особое место в современной лексикографии занимает политическая лексикография, ориентированная на описание единиц, функционирующих в политическом дискурсе и участвующих в репрезентации политических субъектов и событий. В связи с этим принципиальное значение имеет уточнение самого понятия политического дискурса. В настоящем исследовании политический дискурс понимается как разновидность институционального общения, содержание которого относится к сфере политики и связано с борьбой за власть, репрезентацией политических субъектов, формированием общественного мнения и воздействием на политическое сознание адресата. Такое понимание опирается на подход В.И. Карасика, определяющего цель политического дискурса как «завоевание и удержание власти» [Карасик, 2002], на определение Е.И. Шейгал, согласно которому в широком смысле к политическому дискурсу относятся «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 15], а также на концепцию А.П. Чудинова, рассматривающего политическую лингвистику как область, изучающую политическую сферу коммуникации и способы речевого воздействия на политическое сознание общества [Чудинов, 2006].

Объектом политической лексикографии являются не только собственно политические термины, но и устойчивые речевые формулы, лозунги, ярлыки, метафоры и иные единицы, значимые для интерпретации политической коммуникации.

Словарь Г.Н. Складневской и И.О. Ткачевой «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник» ориентирован на описание политического языка современной России и включает 717 слов и устойчивых выражений, распределенных по тематическим разрядам. Его структура показывает значимость тематического,

дефиниционного и справочного принципов при описании актуальной политической лексики [Скляревская, Ткачева, 2004].

Специализированным изданием, ориентированным на предвыборный формат политического дискурса, является «Словарь избирательной кампании» Т.П. Тарасенко [Тарасенко, 2016]. Он включает лексику избирательных технологий, политической агитации, политического PR, аббревиатуры, жаргонные и заимствованные единицы. Для данного словаря особенно важны жанрово-дискурсивный, тематический и прагматический принципы, поскольку единицы описываются с учетом их функционирования в условиях избирательной коммуникации.

Значимым примером описания общественно-политической лексики является «Словарь перестройки (1985–1992)» под редакцией В.И. Максимова [Словарь перестройки, 1992]. Ограничение материала указывает на важность хронологического принципа: словарь фиксирует лексику, связанную с определенным этапом общественно-политических трансформаций. Для настоящего исследования этот опыт показателен, поскольку разрабатываемый словарь также предполагает ограничение материала заданным периодом и учет динамики политического дискурса.

К современным двуязычным проектам политической лексикографии относится «Англо-русский словарь политически корректного языка» А.В. Вахрушевой и Е.В. Волковой [Вахрушева, Волкова, 2023]. Его материал основан на текстах ведущих американских СМИ 2020–2022 гг. Задача словаря состоит в подборе актуальных англо-русских соответствий в сфере политически корректного языка. Данное издание демонстрирует значимость двуязычного, дискурсивного и переводного описания политически маркированных единиц.

В англоязычной традиции показательным примером является «Safire's Political Dictionary» У. Сэфайра, представляющий политический язык США и включающий устойчивые выражения, политические реалии, жаргонизмы и прецедентные формулы [Safire, 2008]. Этот словарь показывает, что

политическая лексикография может быть ориентирована не только на терминологию, но и на широкую область словоупотреблений, связанных со сферой политики, включая образные, оценочные и культурно обусловленные единицы.

Дальнейшее развитие политической лексикографии связано с описанием малых жанров политического дискурса. Так, словарь «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии», подготовленный российско-германским коллективом исследователей, представляет опыт лексикографического описания политических лозунгов как устойчивых речевых формул малой формы [Дайте миру шанс, 2016]. Словарь включает российский и немецкий сегменты, что определяет его сопоставительную направленность. В его основе лежат жанровый, тематический, лингвокультурный и сопоставительный принципы. Жанровый принцип проявляется в отборе именно лозунговых единиц; тематический – в их соотношении с политически значимыми сферами; лингвокультурный – в описании национальной специфики лозунга; сопоставительный – в представлении материала двух политических и языковых традиций. Словарная статья включает сведения о происхождении лозунга, тематической отнесенности, структурных особенностях, жанровой принадлежности, лингвокультурном контексте и фиксации единицы в справочных источниках.

Иной тип издания в области политической лексикографии представляет справочник М.А. Семкина «Актуальные термины политической лингвистики: словарь современных медиа» [Семкин, 2022]. В отличие от словарей, ориентированных на образные и оценочные единицы политического дискурса, данное издание имеет терминографическую направленность. Его макроструктура организована по алфавитному принципу, что обеспечивает удобство поиска терминов политической лингвистики и медиадискурса. Микроструктура статьи включает дефиницию, английский эквивалент, пояснение термина и, в ряде случаев, обращение к работам исследователей политической коммуникации. Единицы в словаре располагаются в

алфавитном порядке, снабжаются авторскими определениями и английскими эквивалентами, что делает словарь инструментом не только для анализа современного медиадискурса, но и для междисциплинарного научного общения.

Еще один пример современной политической лексикографии – «Словарь современных политических ярлыков» А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной [Сковородников, Копнина, 2022]. Он посвящен описанию словесных ярлыков, активно функционирующих в современном политическом дискурсе как средство информационно-психологического воздействия. Словарь является толково-иллюстративным: политические ярлыки располагаются в алфавитном порядке, сопровождаются толкованиями, иллюстративными контекстами, сведениями о словообразовательных производных и филологических комментариями. Особое значение в словаре играет прагматический принцип, поскольку политический ярлык рассматривается не только как номинативная единица, но и как инструмент оценки, дискредитации, идеологического позиционирования и манипулятивного воздействия.

Иной ракурс на прагматическую сторону политического языка демонстрирует «Словарь обыденных толкований политических терминов: лексикографический опыт: 50 слов-стимулов» (СОТПТ) под ред. Н.Д. Голева [СОТПТ, 2019]. В словаре фиксируются толкования политических понятий, данные рядовыми носителями языка, что позволяет выявить расхождения между официальным политическим словарем и его обыденным восприятием. Такой подход важен для понимания механизмов формирования общественного мнения. Словарь показывает, как одни и те же термины могут нести разную смысловую и оценочную нагрузку в соответствии с точкой зрения адресата.

Рассмотренные словари показывают, что политическая лексикография развивается в нескольких направлениях: жанровом, терминографическом, прагматическом. При этом каждый тип словаря опирается на собственную систему принципов отбора и описания материала. Для разрабатываемого

китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор наиболее значимым оказывается опыт тех лексикографических проектов, в которых политическая единица описывается не изолированно, а с учетом ее функционирования в политическом дискурсе. На уровне макроструктуры это подтверждает необходимость тематического и хронологического ограничения материала, а на уровне микроструктуры – целесообразность организации словарной статьи таким образом, чтобы метафорическая единица была представлена не только через переводное соответствие, но и через сведения, необходимые для понимания ее значения и специфики функционирования в реальных контекстах употребления.

1.4. Словари фигуративной лексики

Фигуративная лексика, включающая метафоры, метонимии, идиомы, фразеологизмы и другие средства образного выражения, составляет один из наиболее сложных и насыщенных пластов любого языка. Особенность фигуративной лексики заключается в том, что значение таких единиц не выводится напрямую из значения составляющих их слов, а формируется в рамках устойчивых культурно обусловленных моделей мышления. Именно поэтому словари фигуративной лексики играют ключевую роль в переводе, лингвокультурологии и преподавании иностранных языков – они не просто фиксируют значения, но и раскрывают когнитивные и культурные механизмы, лежащие в основе образного языка.

Этот массив словарей принято обозначать термином *«фигуративная лексикография»*. Данный термин ввела Е.А. Юрина: в нем прилагательное «фигуративная» по смыслу тождественно слову «образная» и восходит к английским эквивалентам *figurativeness* – «образность» и *figurative language* – «образный язык» [Юрина, 2015].

Для настоящего исследования это положение задает принцип отбора материала: в словарь включаются не любые номинации, а единицы,

обладающие образной природой и участвующие в метафорическом моделировании политической реальности.

Фигуративная лексикография представляет собой самостоятельное направление в русистике, посвященное разработке и анализу словарей, фиксирующих и систематизирующих образные языковые единицы, составляющие художественно-выразительный строй русского языка [Юрина, 2015, с. 80]. Фигуративная лексикография охватывает словари самого разного назначения и построения, которые объединяет общий признак – фиксация языковых единиц образной природы. Эти единицы характеризуются метафорической внутренней формой и служат средством выражения мыслей и представлений в переносном, иносказательном виде, опираясь на образность и выразительность языка.

К числу лексикографических трудов фигуративной лексикографии относятся дискурсивный словарь политических метафор [Баранов, Караулов, 1994], лингвокультурологические словари [Брилева, Вольская, 2004; Гудков, Ковшова, 2007; Складеревская, 2008; Юрина, 2015], словари образных слов и выражений [Аристов, Ковшова, 1995; Блинова, 2001; Блинова, Юрина, 2007; Огольцев, 2001], словари пословиц и поговорок [Жуков, 2000; Зимин, 2008], словари поэтических образов [Иванова, Иванова, 2004; Павлович, 1999].

Исторической вехой в области фигуративной лексикографии принято считать труд М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», описывающий образные лексические и фразеологические единицы русского языка в их единстве [Михельсон, 1912]. Уникальность издания заключалась в синтезе различных пластов: от отдельных метафор до фразеологизмов, литературных цитат и народных пословиц. Более 11 тысяч словарных статей, сопровождаемых примерами из отечественной и мировой классики, заложили фундамент для будущих исследований, хотя сам подход почти столетие оставался невостребованным.

На протяжении десятилетий различные формы языковой образности – от метафор и устойчивых сравнений до фразеологизмов и паремий – получали фрагментарное освещение в лексикографии. Эти элементы языка рассматривались изолированно в рамках словарей общего типа или двуязычных изданий, где их представление носило эпизодический характер. Ограниченное количество подобных единиц в словниках сопровождалось лаконичными, зачастую схематичными пояснениями. Отсутствие единых стандартов приводило к разному в методиках: одни издания давали краткие дефиниции, другие ограничивались контекстуальными примерами, третьи предлагали дословные переводы без учета культурного подтекста. Такая разрозненность подходов создавала сложности как для системного изучения образности, так и для практического использования словарей.

Стоит отметить, что в настоящее время современная фигуративная лексикография переживает этап качественной трансформации. Эволюция этого направления демонстрирует переход от поверхностной фиксации образных выражений к их многоаспектному анализу в рамках лексикографических проектов. Если ранние издания ограничивались перечислением метафор и идиом, то сегодняшние работы воплощают целостные научные подходы, раскрывающие связь языка с культурой и мышлением.

Лексикография XXI века кардинально изменила методологию: вместо кратких дефиниций авторы предлагают комплексное исследование единиц. В фокусе внимания – не только прямое значение, но и исторические трансформации, этнокультурные ассоциации, символические слои. Например, в словаре современной русской фразеологии анализ фразеологизмов включает реконструкцию их происхождения, стилистические, семантические, грамматические свойства фразеологизмов, а также культурологические и этимологические справки [Жуков, Жукова, 2023]. Авторы приводят примеры из наиболее авторитетных газетных изданий последних лет, чтобы показать, как фразеологизмы функционируют в современной речи [Там же].

Инновационным прорывом стало внедрение цифровых инструментов. Использование электронных корпусов и больших данных позволяет обрабатывать миллионы текстовых фрагментов, выявлять закономерности употребления, систематизировать материал с беспрецедентной точностью. Это дает возможность создавать динамичные словари-базы, в которых каждая статья подкреплена сотнями контекстов разных стилей и периодов. Таким образом, фигуративная лексикография превратилась в междисциплинарную область, синтезирующую традиционную лингвистику, культурологию и компьютерные технологии. Современные словари стали не просто справочниками, а интерактивными платформами.

На современном этапе наиболее развитым направлением в области лексикографического описания образных языковых единиц является *фразеография*. Насчитывается более 100 фразеологических словарей, среди которых особым образом выделяют: «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А.Н. Тихонова [Тихонов, Ломов, Королькова, 2004], «Словарь современной русской фразеологии» [Жуков, Жукова, 2015], «Словарь фразеологических единиц древнерусского языка» [Васильев, 2011], «Универсальный фразеологический словарь русского языка» под ред. Т. Волковой [2000], «Фразеологический словарь пермских говоров» [Прокошева, 2002], «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина» [Байрамова, Денисов, 1991], «Фразеологический словарь языка И.А. Бунина» [Васильев, 2011], «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Мокиенко [2009], «Словарь фразеологических омонимов современного русского языка» под ред. Н.А. Павловой [2010], «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко, 1997], «Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» [Алефиренко, Золотых, 2008], «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телия [2009] и др.

Классификация фразеологических словарей базируется на трехмерной модели, включающей: 1) объект описания: литературный язык, диалекты,

идиолекты; 2) объем словника: от компактных изданий на 800 единиц, например, «Учебный фразеологический словарь русского языка» [Быстрова, Окунева, Шанский, 1984], до фундаментальных сводов, охватывающих 12 000 фразеологизмов – «Фразеологический словарь русского литературного языка: более 12 000 фразеологических единиц» [Федоров, 1997]; 3) аспект исследования: синонимия, омонимия и т.д.

Современная русская фразеология, сформировавшаяся как самостоятельная область лексикографии, берет начало в фундаментальных трудах второй половины XX века. Пионерским проектом, заложившим методологические основы систематизации фразеологизмов, стал «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [Молотков, 1986]. Данный труд содержит свыше 4 000 словарных статей, систематизированных в алфавитном порядке. В процессе его создания была разработана масштабная картотека. По мнению авторов, фразеологический словарь отражает национальные особенности языка, его самобытность. Дальнейшее развитие фразеологии связано с деятельностью научных школ, каждая из которых внесла уникальный вклад в методологию описания идиоматики.

Московская фразеологическая школа под руководством В.Н. Телия актуализировала лингвокультурологический подход, доказав, что семантика фразеологизмов неразрывно связана с культурной коннотацией. Результатом этой работы стал «Словарь образных выражений русского языка» под редакцией В.Н. Телия [Аристова, Ковшова, Рысева, 1995], включающий актуальные для обиходно-политического дискурса единицы.

Сотрудники Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН занимаются разработкой лексикографических проектов, направленных на описание идиоматических выражений русского языка. Российские лингвисты А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский создали «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [Баранов, Добровольский, 2009] с оригинальным

иллюстративным материалом, основанным на анализе текстовых массивов, что позволило описать 1000 идиом в 2000 значениях без дублирования традиционных словарей.

Новгородская фразеологическая школа разработала «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Жукова [Жуков, Сидоренко, Шкляров, 1987], который охватывает 730 синонимических рядов, демонстрирующих функционально-стилистическое варьирование идиом в литературе XIX–XXI вв.

Белгородская школа под руководством Н.Ф. Алефиренко в рамках когнитивно-семиологической лингвокультурологии разработала когнитивно-культурологический «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» [Алефиренко, Золотых, 2008], описывающий 365 фразеологизмов с античными, библейскими и историческими реалиями, что раскрывает культурно-познавательный потенциал русской идиоматики через призму прецедентных текстов.

Следующий пласт фигуративной лексикографии составляют словари крылатых слов – устойчивых выражений, которые обладают особой выразительностью и образностью и получили широкое распространение в языке, будучи заимствованными из литературных произведений, публицистических текстов, философских трактатов, фольклора и других культурных источников.

Среди лексикографических работ можно выделить «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В.В. Серова, включающий более 4 тыс. словарных статей. В словаре собраны как известные выражения из русской классики (например, из романа М.Ф. Булгакова «*Рукописи не горят*»), так и заимствованные выражения (фр. *Cherchez la femme*), ставшие неотъемлемой частью отечественной культуры [Серов, 2005].

Дополняет список «Большой словарь крылатых слов русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2000]. В словарной статье представлена заголовочная единица с обозначением ударения, указан источник

происхождения, дано толкование значения, а также приведены примеры использования в литературных произведениях, публицистике и разговорной речи. Если крылатые выражения, восходящие к письменным источникам, отражают преимущественно авторскую образность, то паремиологический пласт фигуративной лексикографии накапливает коллективный опыт, зафиксированный в пословицах и поговорках. Эти единицы укоренены в устной традиции и служат культурными символами. Примером словаря служит «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [Жуков, 2000], в который входит 1200 пословиц и поговорок русского языка.

Словари устойчивых сравнений также входят в группу лексикографических изданий, посвященных образным словам и выражениям. Одним из первых в этой области лексикографии стал «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [Огольцев, 2001], который описывает около 1500 наиболее распространенных единиц. В фокусе исследования – универсальные сравнения, функционирующие в литературном языке, имеющие фольклорное или книжное происхождение. Лексикографическая база словаря включает картотеку из 60 000 примеров, извлеченных из художественных текстов, публицистики, мемуаров и писем, охватывающих период от эпохи А.С. Пушкина до современности.

Наиболее масштабным проектом в этой сфере остается «Большой словарь русских народных сравнений» В.М. Мокиенко, объем которого превышает 45000 единиц [Мокиенко, 2008]. Уникальность издания обусловлена широтой источниковой базы: диалектные и литературные словари, устная речь, пословицы, СМИ, художественная литература. Это позволило включить в словарь сравнения разного статуса – от литературно-книжных и диалектных до просторечных и жаргонных.

Параллельно с исследованиями устойчивых сравнений развивалась лексикография, ориентированная на поэтический язык. Знаковым изданием стал «Поэтический словарь» А.П. Квятковского – справочник по теории стиха, объединивший около 670 терминов из русской и мировой поэтики

[Квятковский, 1966]. В нем анализируются не только формы отечественной поэзии (от фольклора до Серебряного века), но и античные, европейские, восточные традиции, что делает его энциклопедией метрики, ритмики и жанровых особенностей.

Фундаментальным трудом считается «Словарь поэтических образов», написанный ведущим научным сотрудником экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН Н.В. Павлович [Павлович, 1999]. Это лексикографический труд, посвященный систематизации ключевых образов русской художественной литературы XVIII–XX вв. В нем описано около 40000 образов, представленных в произведениях более 600 авторов.

Особый интерес представляет «Словарь языка русской поэзии XX века», включающий 1335 статей. Его уникальность – в фокусе на конкретные единицы в контексте стихотворных строк десяти авторов (А.А. Ахматова, А.А. Блок, В.В. Маяковский, М.И. Цветаева и др.) [Шестакова, Кулева, Гик, 2021].

Однако изучение поэтической образности не ограничивается рамками одного столетия, примером того служит «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой. В данном словаре собраны примеры образных средств, используемых в поэзии (более 4500 образных слов и выражений). Это слова и устойчивые выражения, которые в контексте стихотворений обретают специфический эстетический смысл и повышенную экспрессивность. Поэтические единицы классифицированы по темам (например, «о тумане», «о человеке», «о фортуне») и представлены в виде словарных статей, упорядоченных по алфавиту [Иванова, Иванова, 2004].

Исследование образности языка закономерно привело к появлению специализированных словарей метафор, в которых акцент смещается на механизмы переноса значений и их роль в создании художественного смысла. В настоящее время существует немало лексикографических проектов, посвященных индивидуальным стилям писателей, например, работы

Н.А. Тураниной: «Словарь метафор В. Маяковского» [Туранина, 1997], «Словарь метафор А. Блока» [Туранина, 1997], «Словарь образных средств С. Есенина» [Туранина, 1998], «Словарь метафорических образов М. Пришвина», разработанные Н.А. Тураниной и А.Н. Чумаковым [Туранина, Чумаков, 2007].

Особого внимания заслуживает «Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой. Этот масштабный лексикографический проект включает три выпуска: 1) «Птицы» (2000); 2) «Звери, насекомые, рыбы, змеи» (2010); 3) «Растения» (2015) [Кожевникова, Петрова, 2000; 2010; 2015]. Словарь построен на основе группировки образных выражений (тропов) по их смысловым полям (тезаурусному принципу), авторы стремились охватить их как можно полнее. Помимо смысловой организации, материал также упорядочен по диахроническому принципу. Это позволяет проследить, как образные средства русской литературы связаны с представлением о мире и как они менялись со временем. Внутри каждой статьи материал дополнительно разделяется по формальным и синтаксическим типам конструкций, в которых используются ключевые слова образных выражений. К ним относятся метафоры (в том числе метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления), сравнения, параллелизмы и метаморфозы.

В «Словаре словообразовательных метафор русского языка», автором которого является С.Б. Козинец, рассматриваются более 1000 единиц. Под словообразовательными метафорами автор понимает «производные слова, реализующие только переносное значение» [Козинец, 2011, с. 3]. С.Б. Козинец подробно описывает способы возникновения словообразовательных метафор и структуру словаря. Каждая словарная статья в словаре содержит: «заголовочное слово, грамматическую, экспрессивно-стилистическую и функциональную характеристику слов; толкование; мотивирующее(-ие) слово(-а), снабженное(-ые) толкованием; иллюстрации» [Козинец, 2011, с. 18].

Одним из уникальных лексикографических трудов можно назвать словари «Русской пищевой метафоры». На материале русского языка были созданы лингвокультурологический словарь «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» (РПТ 2014), три тома «Словаря русской пищевой метафоры» (СРПМ Т. 1: 2015; Т. 2: 2017; Т. 3: 2019) и два тома идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» [Юрина, 2022, с. 198]. Рассмотрим более подробно первый том «Словаря русской пищевой метафоры. Блюда и продукты питания». По мнению авторов, данный словарь выделяется среди других, так как не является нормативным, «его нельзя использовать для проверки написания слов, постановки ударения, выяснения этимологии и других практических задач» [Боровкова, Грекова, Живаго, Юрина, 2015, с. 7]. Словарь носит не предписывающий, а описательный и интерпретационный характер. Он фиксирует и анализирует широко распространенные в современной речи образные выражения, которые называют явления окружающего мира, проводя параллели с продуктами питания, блюдами и процессами, связанными с едой. Отличие от классических толковых словарей заключается в том, что данный словарь концентрируется на языковых единицах с переносными и символическими значениями, которые становятся основным объектом исследования. В нем образная лексика и фразеология представлены в единстве, с акцентом на их семантическую и структурную взаимосвязь. Такой подход позволяет: 1) системно описать фрагмент языковой картины мира, связанный с метафоризацией пищевых понятий; 2) показать, как гастрономические образы (напр., «суши сухари», «как будто лимон съел») переосмысляются в контексте культуры. Формирование основного словаря осуществлялось на базе опубликованных словарей современного русского языка, а также словарей фразеологизмов, пословиц и поговорок. Контекстный материал был получен из электронного ресурса «Национальный корпус русского языка».

Особо стоит отметить «Словарь русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [Баранов, Караулов, 1994]. Словарь

посвящен анализу образных средств в политическом дискурсе эпохи перестройки и раннего постсоветского периода. Объектом описания стали не только классические метафоры («скоростная магистраль прогресса», «идеологический наркоз»), но и метонимия, синекдоха, а также развернутые сравнения (например, «представители коммунистов щеголяют подобно рокерам в кожаных тужурках») [Баранов, Караулов, 1994, с. 6]. Авторы сознательно расширили понимание метафоры, объединив эти разнородные явления на основе их общей функции – создания эмоционально заряженных образов, служащих для манипуляции общественным мнением или оценки политических процессов. От традиционных словарей данный труд отличается отказом от жестких структурных принципов (алфавитного, тематического), которые, по мнению авторов, не способны отразить динамику и контекстуальную природу политической метафоры. Вместо этого материал организован так, чтобы подчеркнуть взаимосвязь между риторикой и идеологией, характерную для эпохи радикальных социальных трансформаций. Источники словаря включают стенограммы съездов народных депутатов (особенно Первого съезда), телевизионные выступления политиков, а также публикации в СМИ, охватывающих весь идеологический спектр – от прокоммунистических («Правда», «Советская Россия») до либеральных («Независимая газета», «Московские новости») и национал-патриотических («Наш современник», «Молодая гвардия»). Это позволило зафиксировать метафоры, используемые как профессиональными журналистами и политиками («подмостки политической сцены»), так и новыми участниками публичной сферы, чья речь отличалась стилистической «неискушенностью» («послать демократию в нокаут»). Уникальность словаря заключается в отражении языкового хаоса переходной эпохи. Метафора становится инструментом демонтажа советской риторики (дурдомская система координат) и формирования новой политической реальности. Обороты вроде «тряской езды по историческим ухабам» или «обочины политической жизни» – не просто иллюстрация образности языка. За этими

примерами угадывается глубокий культурный сдвиг, когда прежние смыслы потеряли силу, а новые еще не обрели четкости [Баранов, Караулов, 1994, с. 6–7]. Таким образом, словарь фиксирует не только лингвистические, но и историко-политические процессы, что делает его ценным источником для изучения языка как зеркала общественных трансформаций.

Стоит отметить китайские словари фигуративной лексики, а именно словари фразеологизмов, которые отражают национально-культурную специфику. Фундаментальной характеристикой современного состояния китайской лексикографии является обширный корпус фразеологических словарей различного типа, включая двуязычные лексикографические издания. Данное явление представляет собой объективное свидетельство высокого уровня развития лексикографической науки в Китае и отражает устойчивую тенденцию к систематизации фразеологических единиц. Многообразие фразеологических справочников демонстрирует не только значительные достижения в области лексикографического описания языка, но и подтверждает постоянный научный и общественный интерес к исследованию фразеологии как важнейшего компонента языковой системы.

Из наиболее известных ученых-лингвистов, чьи труды по фразеологии китайского языка внесли весомый вклад в развитие науки, следует назвать Вэнь Дуаньчжэна (温端政), Ма Гофаня (马国凡), Ни Баоюаня (倪宝元), Чжан Чжигуна (张志公), Яо Пэнцы (姚鹏慈) и др. [Войцехович, 2007, с. 16]. Проблематика фразеологии получила всестороннее освещение в трудах ведущих отечественных специалистов по китайской лингвистике, среди которых особое место занимают исследования В.И. Горелова, Н.Н. Короткова, А.М. Котова, А.А. Торопова, А.А. Хаматовой и других ученых [Там же].

Ма Гофань занимает лидирующую позицию среди китайских ученых в области исследования фразеологизмов. Разработанная им система классификации, базирующаяся преимущественно на этимологическом и стилистическом критериях, получила широкое признание в научном

сообществе. Данная методология особенно ценится представителями «традиционного подхода» в синологии. Среди последователей этого направления можно выделить таких исследователей, как Ван Лися, И.В. Войцехович, Чжан Цюньсянь и другие ученые.

Классификация фразеологизмов представлена следующим образом:

- 1) 成语 Чэньюй – идиомы (瓜田李下 «давать повод к подозрению; можно заподозрить» (букв. «идти по тыквенному полю, проходить под сливовым деревом»));
- 2) 谚语 Яньюй – пословицы (上有天堂, 下有苏杭 «на небесах рай, на земле – Сучжоу и Ханчжоу»);
- 3) 歇后语 Сехоуэй – недоговорки-иносказания (白萝卜扎刀子一不出血的东西 «скряга; жадина; зимой снега не выпросишь» (букв. «воткнуть нож в редьку – вещь, из которой кровь не течет»));
- 4) 惯用语 Гуаньюньюй – привычные выражения (炒冷饭 «повторять избитые истины» (букв. «поджаривать остывший рис»); 碰钉子 «нарваться на неприятность» (букв. «напороться на гвоздь»));
- 5) 俗语 Суюй – поговорки (在家靠父母, 出门靠朋友 дома опираться на родителей, а на улице на друзей; дома родители помогают, а за его пределами друзья).

Рассмотрим каждый фразеологизм несколько подробнее. Обратимся к толкованию термина чэньюй. Чэньюй (成语) – готовое выражение – «представляет собой явление в китайской фразеологии, обладающее целым рядом типологических особенностей и признаков, обусловленных структурно-семантическими характеристиками и принципами фонетического строя, историей развития китайского языка» [Войцехович, 2007, с. 18]. История происхождения чэньюй берет начало в глубокой древности, а их основным источником выступает богатое наследие китайской классической литературы, включающее каноны, философские трактаты, исторические хроники и художественные произведения. Подавляющее большинство чэньюй состоят

из четырех односложных слов [Войцехович, 2007, с. 28]. Лексикографическая традиция Китая характеризуется значительным количеством специализированных изданий, посвященных чэньюй. Словарь китайских идиом (汉语成语词典) 1998 года включает более 14 000 чэньюй. Лексикографический труд базируется на комплексной методологии отбора материала, включающей как архаические (1), так и современные языковые примеры (2):

1) идиома 安富尊荣 ān fù zūn róng «добиваться спокойствия для народа, богатства для государства и пользоваться уважением и славой (о благородном человеке)». Первоначально это выражение относилось к высокопоставленным чиновникам, живущим стабильной и богатой жизнью, занимающим высокое положение. Позже оно также стало обозначать жизнь в комфорте и удобстве. Пример: идиома 安富尊荣 функционирует как устойчивый речевой оборот в классическом романе «Сон в красном тереме», написанном в XVIII веке. Глава 2: 如今人口日多, 事务口露, 主仆上下, 都是安富尊荣 «В наши дни население растет, дела становятся все более многочисленными и очевидными, все – от высших до низших, от господ до слуг стремятся к благосостоянию, почету и уважению» [汉语成语词典, 1998, с. 4].

2) идиома 爱莫能助 ài mò néng zhù «сочувствовать, но быть бессильным помочь». Для первых двух иероглифов в словаре представлен разбор: 爱: 怜惜, 同情 «любить, жалеть, сочувствие, симпатия»; 莫: 无, 不 «без, не». Пример: 对于你的困难, 我实在是爱莫能助 «К моему искреннему сожалению, я не могу вам помочь» [汉语成语词典, 1998, с. 3].

Переходя к анализу другого фундаментального лексикографического источника, следует отметить словарь 汉语成语词典 2004 года, который представляет собой комплексное исследование китайских чэньюй. Этот словарь содержит более 10 000 идиом, каждая из которых сопровождается

подробными комментариями с указанием пиньинь, значения, источника, примеров, синонимов, антонимов [汉语成语词典, 2004]. Пример из словаря с переводом:

魑魅魍魉 *«чудища лесов и гор; нечисть; перен. негодяй, абсолютно дурной (дрянной) человек»*

【注音】 chīmèi wǎngliǎng 【Произношение】

【释义】魑、魅、魍、魉：都是传说中的妖魔鬼怪。比喻各种各样的坏人。【Значение】Чи, Мэй, Ван, Лян: это все злые духи и бесы. Служит метафорой, образным выражением для всякого рода плохих людей.

【出处】汉·张衡《西京赋》：“禁御不若，以知神奸，魑魅魍魉，莫能逢旃。”【Источник】Династия Хань. «Ода Западной столице» Чжан Хэна. Современный интерпретационный перевод: *«Тот, кто не умеет правильно управлять и ограничивать себя, может через постижение высших истин обрести такую силу духа, что никакие темные силы не смогут причинить ему вред».*

【例句】要想识别一切～，必须真正掌握马列主义、毛泽东思想的精神实质。【Пример】Чтобы распознать всех этих злодеев (негодяев), мы должны по-настоящему постичь духовную сущность марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна.

【近义】牛鬼蛇神 妖魔鬼怪【Синонимы】牛鬼蛇神 *«бычий демон и змеиный дух (обр. в знач.: а) отвратительный, омерзительный, чудовище; б) низкий человек»*; 妖魔鬼怪 *оборотни и бесы; нечистая сила.*

【反义】志士仁人 正人君子【Антонимы】志士仁人 *принципиальные и достойные люди; люди высоких идеалов и морали* 正人君子 *человек высокой морали, благородный человек* [汉语成语词典, 2004, с. 124].

Современный словарь китайских идиом, содержащий около 3500 единиц, сохраняет преемственность с более поздними изданиями [汉语成语词典, 2019]. Структура словарной статьи включает следующие компоненты: основное значение идиомы, синонимы, антонимы, примеры употребления. Особую ценность представляет система маркировки эмоциональной окраски идиом. Для части чэньюй в словаре дополнительно указывается: 贬义 (biǎnyì) – отрицательный оттенок значения; 褒义 (bāoyì) – положительный оттенок значения. Такая система позволяет:

- 1) быстро определить эмоциональную окраску выражения;
- 2) правильно использовать идиому в контексте;
- 3) избежать коммуникативных ошибок.

Пример идиомы с отрицательным оттенком значения: 东施效颦 dōngshī xiàorín (贬义) «жалкое подражание, неумелое копирование; обезьянничать», досл. Дун-ши хмурит брови в подражание [красавице Си-ши]. 很多人学写毛笔字, 基本功尚未扎稳就东施效颦, 结果是笔画凌乱, 软弱无力 Многие люди учатся каллиграфическому письму, не имея прочной базы, но пытаются подражать другим, что приводит к неряшливым, слабым штрихам [汉语成语词典, 2019, с.111].

Пример идиомы с положительным оттенком значения: 毛遂自荐 máo suì zìjiàn (褒义) «как Мао Суй; самому рекомендовать себя и выдвинуться; (Мао Суй напросился сопровождать своего хозяина-посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатическую работу и оказал услугу своему княжеству) 2) обр. представиться, отрекомендоваться, предложить свои услуги». 老高毛遂自荐, 当了这个样子的车间主任 Лао Гао вызвался стать руководителем мастерской [汉语成语词典, 2019, с. 307].

Переходя к другому важному направлению китайской фразеологии, рассмотрим словари поговорок. Поговорки представляют собой богатейший пласт народной мудрости, сформированный многовековым опытом

китайского народа. Благодаря своей краткости, меткости и выразительности они широко используются как в бытовой речи, так и в художественных произведениях, сохраняя свою актуальность и востребованность в современном языке. Маленький словарь поговорок (俗语小词典) 2005 года включает 3000 наиболее распространенных и устойчивых выражений, отличающихся выразительностью и образностью, а также современные фразеологические единицы, отражающие актуальные тенденции развития языка. Словарь организован по фонетическому принципу с многоуровневой системой сортировки: 1) основной принцип – расположение слов согласно их фонетическому звучанию (пиньинь); 2) первая ступень сортировки – группировка слов по звучанию первого иероглифа; 3) вторая ступень – внутри групп с одинаковым первым иероглифом слова упорядочены по звучанию второго иероглифа. Рассмотрим примеры устойчивых выражений, где наглядно продемонстрирована система сортировки двух сочетаний иероглифов: 两人 (два человека) и 两条 (здесь: две ноги). 1. 两人合穿一条裤子 **liǎng rén hé chuān yī tiáo kùzi** «*досл.* два человека носят одну пару штанов; *обр.* спеться, быть заодно». Пример устойчивого выражения в предложении: 别戏耍人了! 到是你们俩好得穿一条裤子。 *Не разыгрывайте меня! Вы двое заодно!* 2. 两条腿走路 **liǎng tiáo tuǐ zǒulù** «*досл.* две ноги идут по дороге; *обр.* уверенно шагать, твердо идти вперед». Например, 办教育要两条腿走路, 注意普及, 又注意提高。 *Образование должно строиться на двух принципах: популяризация и совершенствование!* (фраза Дэн Сяопина 邓小平) [俗语小词典, 2005, с. 209].

Помимо традиционных чэньюй, пословиц и поговорок, в китайской языковой культуре особое место занимают недоговорки или сехоуэй. Сехоуэй представляют собой уникальный фольклорный жанр. Российский филолог-лингвист И.В. Войцехович определяет недоговорки как «речение с усеченной концовкой», представляющее собой особый тип фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой [Войцехович, 2007, с.

130]. Отметим, что сехоуэй не имеет аналогов ни в восточных языках, ни в западных языковых системах, что подчеркивает самобытность и уникальность недоговорок в языковом пространстве. Этот феномен вызывает значительный научный интерес как в китайской лингвистике, так и в зарубежной фразеологии, где его изучение сопряжено с определенными дискуссиями относительно толкования и классификации. Структура сехоуэй достаточно сложная, так как состоит из двух частей. Первая часть представляет собой иносказательную загадку, а вторая выступает в роли ее толкования и раскрывает истинный смысл образного выражения. Вторую часть в недоговорках можно опускать. Например, 老寿星吃砒霜 —— 活得不耐烦了 lǎoshòuxīng chī pīshuāng – huó de bù nàifánle «тоска смертная! жить не хочется! жить надоело! букв. «бог долголетия принял мышьяк – жить надоело» [Войцехович, 2007, с. 131].

Охарактеризуем словарь 中国歇后语大词典, составленный лингвистом Вэнь Дуаньчжэном (温端政) в 2002 году; он содержит около 4000 общеупотребительных сехоуэй. Каждая словарная статья включает:

- 1) подробное объяснение смысла недоговорки;
- 2) примеры использования в классической и современной литературе, включая такие произведения, как «Сон в красном тереме» (红楼梦) и «Цветы сливы в золотой вазе» (金瓶梅);

- 3) пример сехоуэй с переводом, 狗撵鸭子 —— 呱呱叫 gǒu niǎn yāzi – guāguājiào «досл. собака догоняет утку. Обр. здорово, замечательно, превосходно; потрясающе; необычайно; классно (обычно используется в качестве комплимента)»;

- 4) объяснение смысла недоговорки: 本指鸭子被狗追赶时发出“fú xī”的叫声, 转以用来称赞某人或某事物好得很 первоначально это слово обозначало звук «фу си», который издает утка, когда за ней гонится собака. Со временем оно стало использоваться для похвалы кому-либо или чему-либо за превосходство;

5) пример использования сехоуэй в предложении, 他是七级烧焊师傅, 人称“建厂无勋”, 论技术是“狗赶鸿子, 呱呱叫”的, 可就是脾气有点怪癖 *«Он мастер седьмого разряда по сварке, многое сделал для завода, работает просто превосходно, но характер у него немного странный»* [中国歇后语大词典, 2002, с. 300].

Обращаясь к следующей категории фразеологических единиц китайского языка, целесообразно рассмотреть лексикографические источники, посвященные устойчивым выражениям – «привычным выражениям» или гуаньюньюй. Гуаньюньюй на протяжении многих десятилетий оставались вне поля зрения лингвистов. Ситуация изменилась лишь после 1949 года – до этого периода в Китае полностью отсутствовали специализированные научные работы, посвященные изучению данного феномена. Более того, в языковедческой практике того времени даже не существовало термина для обозначения подобных языковых единиц. Само понятие «гуаньюньюй» появилось в китайской лингвистической науке лишь в 1960-х годах. Этот термин был введен для обозначения устойчивых языковых конструкций, преимущественно состоящих из трех слогов. Словарь «привычных выражений» (惯用语词典) составлен современным ученым Дай Муцзинем (戴本金) и впервые опубликован Сычуаньским народным издательством в 1986 году. Словарь содержит более 1760 гуаньюньюй. Цитируемые материалы охватывают такие классические произведения, как «Сон в красном тереме» (红楼梦), «Речные заводи» (水浒传), произведения современных писателей, таких как Лу Синь (鲁迅) и Мао Дунь (茅盾). Типовая структура словарной статьи гуаньюньюй включает: фонетическую транскрипцию, этимологическое значение, контекстуальную иллюстрацию. Гуаньюньюй 碍手脚 àishǒujiǎo «мешаться, сковывать действия других, вертеться под ногами (досл. мешать рукам, затруднять ноги)». 只有她和我两个去, 我心里明白, 这不是请我去看电影, 这是嫌我在家里碍手脚 Мы

пошли вдвоем, и в глубине души я осознавал: она зовет меня в кино не из особого желания, а просто чтобы я не болтался под ногами [惯用语词典, 1986, с. 4].

Лексикографическая систематизация китайской фигуративной лексики предполагает более широкий спектр лексических единиц, нежели обозначенный ранее. В частности, корпус лексикографических источников существенно расширяется за счет включения специализированных словарей метафор: 1) метафоры часто включаются в общие словари как часть более широких категорий; 2) особое внимание уделяется историческим и культурным контекстам возникновения метафор; 3) широко представлены примеры использования в классической литературе; 4) систематизация часто проводится в рамках тематических групп; 5) многие метафорические выражения зафиксированы в виде устойчивых сочетаний – чэньюев (成语).

Изучение метафоры в китайском языке имеет долгую историю, однако традиционно основное внимание исследователей было сосредоточено на поэтической метафоре, созданной конкретными авторами. В древнейшем литературном памятнике Китая – «Книга песен» (诗经) – уже были заложены основы теории языковых средств выразительности. В предисловии к этому сборнику были выделены три ключевых художественных приема: 赋 (фу), 比 (би) и 兴 (син). «Наиболее близким аналогом метафоры можно назвать 兴 син, аллегорический зачин, который в иносказательной форме поясняет, о чем пойдет речь в песне» [Курдюмов, Семенова, 2022, с. 94].

Рассмотрим «比喻辞典» «Словарь метафор», написанный Чжоу Хунмином (周宏溟) в 1998 г. [周宏溟, 1998]. Методологическая основа данного лексикографического труда базируется на систематизации метафорических единиц, извлеченных из широкого спектра китайских и зарубежных литературных источников, включая произведения массовой литературы и современные художественные тексты. Книга структурирована

по тематическому принципу, охватывает пять основных групп, в каждой из которых выделены подгруппы:

- 1) 人 человек (脸面 лицо, 眼睛 глаза, 眉 брови, 鼻子 нос, 耳朵 ухо, 下巴 подбородок и т.д.);
- 2) 景 пейзаж (山水 горы и реки, 天象 астрономические явления и т.д.);
- 3) 物 вещи (植物 растения, 自然物 объекты природы, 建筑物 здания и т.д.);
- 4) 事物特征 характеристики вещей (颜色 цвет, 味道 вкус, 声音 звук и т.д.);
- 5) 抽象事物 абстрактные вещи (道德 нравственность, 修养 воспитание и т.д.).

Принципы, используемые в китайской фигуративной лексикографии, могут быть учтены при разработке двуязычного дискурсивного словаря политических метафор избирательно и с учетом задач такого типа лексикографического описания. Тематический принцип сохраняет методологическую значимость, однако требует уточнения: метафорические единицы целесообразно систематизировать не столько по общим тематическим классам, сколько по сферам-источникам или метафорическим моделям. Этимологический и фонетический параметры при этом не выступают самостоятельными основаниями макроструктуры словаря, но могут использоваться на уровне микроструктурного описания: этимологическая информация – как средство раскрытия внутренней формы и культурной обусловленности единицы, фонетическая – как вспомогательный элемент идентификации китайской заголовочной единицы для русскоязычного адресата.

Проведенный анализ показывает, что словари фигуративной лексики представляют собой комплексные научные издания, отражающие не только семантику образных единиц, но и их культурно-исторический контекст, этимологию, образную основу и функционально-стилистические особенности

употребления. Из опыта фигуративной лексикографии принципиально для нашей работы важны тематическая систематизация образного материала и многоаспектное описание единицы в словарной статье. Вместе с тем специализированные китайско-русские словари метафор не представлены в лексикографической практике, что подтверждает необходимость разработки двуязычного дискурсивного словаря политических метафор и уточнения принципов его макро- и микроструктуры.

1.5. Политическая метафора, метафорическое моделирование и принципы отбора единиц словника

Изучение политической метафоры занимает особое место в современной метафорологии, поскольку в политическом дискурсе особенно отчетливо проявляется способность метафоры не только образно представлять действительность, но и участвовать в ее концептуализации, оценочной интерпретации и речевом воздействии на реципиента. Для настоящего исследования принципиально важно не общее описание метафоры как таковой, а те положения метафорологии, которые позволяют рассматривать метафору в политическом дискурсе как средство репрезентации политических субъектов, институтов и явлений, а также как единицу последующего лексикографического описания.

Метафорология как научное направление имеет длительную историю, насчитывающую свыше двух тысяч лет. За этот период накоплен колоссальный объем научных исследований – от фундаментальных трудов Аристотеля до современности. Широкий спектр научных взглядов на природу метафоры представлен в сборнике «Теория метафоры», ответственным редактором которого выступила Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990]. Отечественная лингвистическая школа представлена такими выдающимися учеными, как Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, Р.И. Зарипов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, О.А. Солопова,

А.П. Чудинов и др. Международное научное сообщество внесло существенный вклад в развитие метафорологии благодаря трудам М. Блэка, Д. Дэвидсона, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Ф. Уилрайта и др.

Важнейшим этапом в развитии когнитивного направления стала теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980]. Именно эта теория положила начало масштабным исследованиям концептуальной метафоры, включая ее применение в политической коммуникации. Концептуальная метафора, в отличие от языковой, представляет собой явление ментального порядка. Это означает, что ее невозможно исследовать напрямую – лишь через анализ языковых проявлений. Именно поэтому моделирование занимает центральное место в когнитивном исследовании политической метафоры. Для словарного описания это положение имеет методологическое значение: заголовочная единица фиксируется в языке, однако ее интерпретация осуществляется с помощью реконструкции концептуальной связи между сферой-источником и сферой-мишенью.

В рамках современной когнитивной лингвистики исследователи (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов и др.) определяют метафору как «основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [Чудинов, 2003, с. 5]. Р.И. Зарипов придерживается широкого понимания метафоры: «... фактически метафорой может называться любая лексема, употребленная в переносном смысле» [Зарипов, 2015, с. 53]. По мнению Н.В. Бугаковой, под политической метафорой понимается «любая метафора, присутствующая в политическом дискурсе» [Бугакова, 2014, с. 245]. Такое понимание политической метафоры является значимым для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать в качестве материала анализа широкий круг метафорических единиц, функционирующих в китайском и русском политическом дискурсе о БРИКС. Вместе с тем в целях

лексикографического описания данные единицы анализируются не изолированно, а в составе метафорических моделей.

Вслед за А.П. Чудиновым под метафорической моделью в настоящей работе понимается существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которая может быть представлена формулой «X – это Y» [Чудинов, 2003, с. 70]. При этом отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как отношение подобия: X подобен Y. В структуре метафорической модели выделяются сфера-мишень, то есть та область действительности, которая подвергается метафорическому осмыслению, и сфера-источник, из которой заимствуются признаки для ее интерпретации. Внутренняя организация модели описывается с помощью фреймов и слотов: фрейм представляет собой относительно самостоятельный смысловой участок сферы-источника, а слот конкретизирует отдельный элемент или аспект данного фрейма. Так, в метафорической модели «БРИКС – это ПУТЬ» сферой-мишенью выступает БРИКС, сферой-источником – путь, фреймами могут быть направление движения, препятствие, продвижение, этапы пути, а слотами – дорога, маршрут, поворот, барьер, шаг и другие частные элементы модели. Такое понимание метафорической модели позволяет описывать не единичные образные употребления, а систему связанных метафорических единиц, репрезентирующих устойчивый способ концептуализации политического объекта.

Основная функция политической метафоры заключается в осуществлении речевого воздействия для формирования определенного отношения общества к политическим субъектам, институтам и явлениям (политикам, партиям, программам, мероприятиям). При этом спектр применения политических метафор практически безграничен, что обусловлено их влиянием на человеческое мышление. В политической сфере метафора выступает важнейшим инструментом поиска решений сложных проблем. Она создает множество альтернативных вариантов выхода из

кризисных ситуаций, которые впоследствии анализируются и оцениваются политическими деятелями в процессе выработки управленческих решений [Там же]. Очевидным образом возникает вопрос о функции метафоры в политических текстах. К числу основных функций метафоры относятся когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая [Чудинов, 2013, с. 18]. Когнитивная функция позволяет осмысливать сложные политические явления через знакомые образы; коммуникативная функция облегчает передачу идей и делает их более доступными для аудитории; прагматическая – нацелена на формирование оценок, эмоций, а эстетическая функция придает речи выразительность, усиливая общее влияние сообщения. При составлении дискурсивного словаря данные функции важны потому, что они определяют интерпретацию словарной единицы: метафора описывается не только как языковая единица, но и как средство репрезентации политической оценки, аргументации и идеологического позиционирования.

Понимание многофункциональности политической метафоры естественным образом приводит к необходимости определения методов ее анализа. На сегодняшний день в российской науке о политической метафоре доминируют четыре методологических направления: когнитивное, риторическое, семиотическое и дискурсивное [Будаев, Чудинов, 2020, с. 105]. В исследованиях А.П. Чудинова и Э.В. Будаева было отмечено, что ведущее место занимает когнитивное исследование политической метафоры [Чудинов, Будаев, 2007, 2012]. Как отмечают ученые, «особенность данного подхода заключается в рассмотрении политической метафоры в качестве ментального феномена» [Будаев, Чудинов, 2020, с. 105], то есть как способа концептуализации политической реальности с помощью других, более конкретных и освоенных человеком сфер опыта.

Риторическое исследование политической метафоры сосредоточено на изучении политической метафоры как инструмента речевого воздействия на аудиторию [Beer, De Landtsheer, 2004; Charteris-Black, 2005; Mio, 1997; Musolff, 2017]. Его главная задача – исследовать, как политики используют

метафору в качестве стилистического приема для достижения своих целей в борьбе за власть. В рамках этого направления метафора рассматривается не как структура мышления, а как один из ключевых элементов системы политического убеждения, который работает в комплексе с другими риторическими средствами. Особое внимание уделяется изучению того, как метафорические единицы помогают достичь желаемого эффекта в политическом дискурсе.

Семиотическое исследование политической метафоры связано с рассмотрением метафоры как элемента знаковой системы политической коммуникации. В рамках данного направления внимание исследователей сосредоточено как на вербальных способах метафорической репрезентации, так и на тех случаях, когда политические смыслы создаются при взаимодействии различных кодов: языкового, визуального, цветового, графического, композиционного и др. Такой подход активно используется при анализе политической карикатуры, поликодового политического текста, электоральной символики и др. Например, в работах Е.И. Шейгал заложены общие основания семиотического описания политического дискурса [Шейгал, 2004]; М.Б. Ворошилова рассматривает политический креолизированный текст как целостное знаковое образование [Ворошилова, 2013]; Ю.В. Рогозинникова и Е.В. Шустрова анализируют визуальную репрезентацию политических лидеров в карикатуре [Рогозинникова, 2018; Шустрова, 2014]; М.В. Ларионова и С.К. Мосина исследуют визуальную метафору как поликодовый знак в электоральном дискурсе [Ларионова, Мосина, 2024]. В зарубежной традиции близкие проблемы разрабатываются в исследованиях Э. Эль Рефаи и Ч. Форсвилла, посвященных визуальной и мультимодальной метафоре в газетной и политической карикатуре [El Refaie, 2003; Forceville, 2024].

Дискурсивное исследование политической метафоры занимает важное место в науке [Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко, 2021; Калинин, 2018, 2020; Кондратьева, 2019; Ли, Солопова, 2021; Солопова, Салтыкова, 2019]. Понимание многофункциональности политической метафоры естественным

образом приводит к необходимости определения конкретных методов ее анализа. В зависимости от цели исследования анализ политической метафоры может осуществляться с опорой на отдельную метафорическую единицу, сферу ее функционирования, сферу-источник метафорической экспансии или на определенный тип политического дискурса. В последнем случае объектом анализа становится совокупность метафорических единиц, функционирующих в рамках конкретного дискурса и отражающих особенности его идеологической, аксиологической и прагматической организации. Субъектами такого дискурса могут выступать отдельные политики, политические организации, средства массовой информации, политические партии или группы, объединенные общими политическими взглядами. Данный подход значим для настоящей работы, поскольку источником материала для составления словника является политический дискурс о БРИКС.

Стоит отметить, что ведущим направлением в российской политической метафорологии стал синтез достижений когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа — когнитивно-дискурсивная теория метафоры [Чудинов, 2004, с. 91]. Данный подход принимается в настоящем исследовании как основной, поскольку он позволяет одновременно учитывать ментальную природу политической метафоры, ее языковую реализацию и дискурсивные условия функционирования. Особенно важно, что в рамках когнитивно-дискурсивного подхода языковые явления рассматриваются в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами: историческими обстоятельствами, политической ситуацией, институциональными изменениями, составом участников политической коммуникации и актуальной повесткой. Для настоящего исследования это положение определяет не только интерпретацию метафор, но и хронологические границы материала: анализируются тексты периода существования объединения БРИКС как политико-экономического формата, поскольку именно в этот период формируется и развивается соответствующий дискурс.

В настоящее время в изучении политических метафор применяются следующие основные методики: 1) анализ отдельных концептуальных метафор; 2) анализ метафор, объединенных общей сферой-источником метафорического переноса; 3) анализ метафор, сгруппированных по общей сфере-мишени метафорической экспансии; 4) анализ метафорических проекций в смешанных концептуальных пространствах [Будаев, Чудинов, 2020, с. 105]. Для целей нашей работы наибольшее значение имеют вторая и третья методики. Анализ по сфере-мишени позволяет ограничить материал политическим дискурсом о БРИКС, тогда как анализ по сфере-источнику обеспечивает тематическую группировку метафорических единиц и непосредственно связан с формированием словника.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода метод метафорического моделирования выступает одним из основных способов системного описания политической метафоры. Под метафорическим моделированием в настоящей работе понимается реконструкция устойчивых способов осмысления политической реальности с помощью проекции признаков одной понятийной области на другую. Метафорическая модель представляет собой относительно устойчивую схему такой проекции, включающую сферу-источник, сферу-мишень, фреймы и слоты. Например, при осмыслении БРИКС через сферу-источник «Путь» политическое объединение может быть представлено как субъект движения, развитие сотрудничества – как продвижение, а препятствия международного взаимодействия – как барьеры или повороты. Следовательно, метафорическая модель позволяет описывать не единичное образное употребление, а систему связанных метафорических единиц, организующих определенный фрагмент политического мира.

Метод метафорического моделирования позволяет перейти от фиксации отдельных языковых употреблений к выявлению устойчивых моделей концептуализации БРИКС в китайском и русском политических дискурсах. В связи с этим принципы макроструктуры словаря получают методологическое

обоснование именно в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и теории метафорического моделирования.

Тематический принцип реализуется на двух уровнях. Во-первых, все отбираемые метафоры объединены общей сферой-мишенью БРИКС: в словник включаются метафорические единицы, которые репрезентируют объединение, его участников, институциональное развитие, направления сотрудничества, экономическое и политическое взаимодействие. Во-вторых, внутри этого тематически ограниченного материала метафоры группируются по сферам-источникам и соответствующим метафорическим моделям. Такой способ организации позволяет показать, какие области опыта используются в политическом дискурсе для осмысления БРИКС, и тем самым определяет тематическую макроструктуру словаря.

Частотный принцип связан с выявлением доминантных метафорических моделей и репрезентативных единиц словника. В рамках когнитивно-дискурсивной теории метафоры рассматриваются основные признаки доминантной метафоры, которые включают, в частности, высокую частотность использования, развернутость метафоры, ее рассредоточенность, использование индивидуально-авторских образов. Необходимо подчеркнуть, что доминантой может быть как сама метафорическая модель, так и отдельный фрейм или слот. Для лексикографического описания это означает, что частотность является важным, но не единственным основанием включения единицы в словник: учитываются также ее дискурсивная значимость, развернутость, способность формировать устойчивый образ объединения и связь с другими единицами той же модели.

Хронологический принцип также связан с когнитивно-дискурсивным подходом, поскольку политическая метафора рассматривается в зависимости от конкретных исторических и социально-политических условий ее функционирования. В настоящем исследовании хронологические границы материала задаются не произвольно, а соотносятся с периодом существования БРИКС как субъекта мировой политики и одновременно объекта

политической репрезентации в китайском и российском дискурсах. Такой подход позволяет учитывать условия формирования метафорического образа объединения и фиксировать в словаре не случайные образные употребления, а единицы, значимые для дискурсивного осмысления БРИКС.

Таким образом, в настоящей работе политические метафоры изучаются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и теории метафорического моделирования. Выбор данного подхода обусловлен целью исследования – разработать принципы составления китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор. Метафорическое моделирование обеспечивает переход от выявления отдельных метафорических единиц в корпусе к их системной тематической группировке, определению доминантных моделей и отбору репрезентативных заголовочных единиц для словника. Именно поэтому тематический, частотный и хронологический принципы макроструктуры словаря рассматриваются не как внешние технические приемы, а как следствие принятого в работе когнитивно-дискурсивного подхода к анализу политической метафоры.

Выводы по главе 1

В главе 1 рассмотрены теоретические основания создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор: положения двуязычной, дискурсивной, политической и фигуративной лексикографии, а также подходы к изучению политической метафоры. Анализ этих направлений позволил уточнить, какие принципы могут быть положены в основу макроструктуры и микроструктуры разрабатываемого словаря.

Двуязычная лексикография рассматривает словарь не как механический перечень эквивалентов, а как систему межъязыкового описания, в которой переводная соотнесенность единиц должна дополняться семантической, прагматической и культурной или иной информацией. Для нашей работы это положение определяет переводной и интерпретационный характер словаря: на уровне микроструктуры словарная статья должна включать не только русский

эквивалент китайской метафорической единицы, но и сведения, необходимые для ее понимания и адекватной передачи средствами другого языка.

Дискурсивная лексикография смещает фокус с изолированной языковой единицы на ее функционирование в реальном употреблении. Дискурсивный характер разрабатываемого словаря определяет необходимость описания метафорической единицы в связи с реальными контекстами ее функционирования. В отличие от традиционного двуязычного словаря, ориентированного преимущественно на установление переводного соответствия, двуязычный дискурсивный словарь политических метафор должен учитывать контекстуальные реализации единицы, ее дискурсивные смыслы и интерпретационный потенциал. Это обуславливает отбор материала из реальных контекстов китайского и российского политических дискурсов и включение в микроструктуру словарной статьи такой зоны, которая позволяет представить метафору в конкретном дискурсивном контексте.

Анализ словарей политической лексики подтверждает необходимость тематического и хронологического ограничения материала на уровне макроструктуры, а также такой организации словарной статьи, при которой переводное соответствие дополняется сведениями, необходимыми для понимания значения метафорической единицы и особенностей ее употребления в политическом дискурсе. Политический дискурс понимается как разновидность институционального общения, содержание которого связано со сферой политики, борьбой за власть, формированием общественного мнения и воздействием на политическое сознание адресата.

Обобщение опыта фигуративной лексикографии позволяет рассматривать словари образной лексики как издания, ориентированные на многоаспектное описание единицы: ее семантики, этимологии, образной основы, культурного, исторического контекста, особенностей употребления и др. Для нашей работы принципиально значимы тематическая систематизация образного материала и развернутая структура словарной статьи. Отсутствие специализированных китайско-русских словарей метафор подтверждает

необходимость разработки двуязычного дискурсивного словаря политических метафор и уточнения принципов его макро- и микроструктуры. Политическая метафора в работе рассматривается как метафорическая единица, функционирующая в политическом дискурсе и участвующая в концептуализации, оценочной интерпретации и репрезентации политической реальности.

Рассмотренные подходы к изучению политической метафоры – когнитивный, риторический, семиотический и дискурсивный – показывают многоаспектность данного явления. Для настоящего исследования основным является когнитивно-дискурсивный подход, поскольку он позволяет одновременно учитывать ментальную природу метафоры, ее языковую реализацию, дискурсивные условия функционирования и связь с экстралингвистическими факторами. Метод метафорического моделирования позволяет рассматривать метафорические единицы не как разрозненные образные употребления, а как элементы метафорических моделей, то есть устойчивых схем переноса признаков из сферы-источника в сферу-мишень. Внутренняя структура метафорической модели раскрывается через фреймы и слоты: фрейм обозначает более общий смысловой участок модели, а слот – его частную конкретизацию. В связи с этим принципы макроструктуры словаря получают методологическое обоснование в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и теории метафорического моделирования.

Теоретический анализ, проведенный в главе, позволяет обосновать три принципа макроструктуры китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор. Тематический принцип задает общую сферу-мишень (БРИКС) и группировку единиц по сферам-источникам и метафорическим моделям; частотный принцип обеспечивает выявление доминантных моделей и репрезентативных заголовочных единиц; хронологический принцип ограничивает материал периодом существования БРИКС как субъекта мировой политики и объекта репрезентации в китайском и российском политических дискурсах.

Рассмотренные в главе теоретические положения позволили определить общую концепцию китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор. Переход к его практическому созданию предполагает последовательное решение ряда задач: формирование эмпирической базы, отбор метафор со сферой-мишенью «БРИКС», сопоставительное описание китайского и русского материала для установления переводных эквивалентов и разработку структуры словарной статьи. Эти этапы работы с материалом рассматриваются в последующих главах.

ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «БРИКС» КАК ОСНОВА ОТБОРА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА ДЛЯ КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ

Работа над китайско-русским дискурсивным словарем политических метафор осуществляется поэтапно. В основу описания этапов положено представление о лексикографии как о теории и практике создания словарей, включающей определение принципов лексикографирования, макро- и микроструктуры словаря, а также способов представления языкового материала в словарной статье [Дубичинский, 1998].

На первом этапе определяется лексикографическая концепция словаря. В настоящем исследовании создается двуязычный дискурсивный словарь политических метафор, ориентированный на описание метафорических единиц, репрезентирующих БРИКС в китайском политическом дискурсе, а также на представление их переводных эквивалентов на русском языке. На втором этапе формируется эмпирическая база исследования: определяются источники материала, хронологические рамки, принципы отбора текстов и объем корпусов. На третьем этапе проводится первичная обработка материала с помощью автоматизированных инструментов и ручной отбор единиц анализа. В качестве таких единиц рассматриваются метафорические номинации со сферой-мишенью «БРИКС», выявленные в китайском и русском политических дискурсах. На четвертом этапе определяются сферы-источники, выявляются метафорические модели, описывается их фреймово-слотовая организация и устанавливаются дискурсивные смыслы, актуализируемые в каждом из сопоставляемых дискурсов. На пятом этапе проводится сопоставительный анализ китайского и русского материала. Его задача состоит в выявлении общих и специфических метафорических моделей, определении совпадающих и культурно маркированных способов концептуализации БРИКС, а также установлении переводных соответствий

между китайскими и русскими метафорическими единицами. На шестом этапе формируется словник, то есть определяется состав заголовочных единиц, и разрабатываются принципы их расположения в макроструктуре словаря. На седьмом этапе разрабатывается микроструктура словарной статьи: определяется состав зон, их последовательность и способ представления информации. На восьмом этапе осуществляется редактирование и унификация словарных статей. Проверяется единообразие структуры статей, корректность переводных эквивалентов, последовательность терминологического аппарата, соответствие иллюстративного материала заявленным критериям, а также общая согласованность макро- и микроструктуры словаря.

2.1. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политических дискурсах Китая и России

Для составления словника дискурсивного китайско-русского словаря политических метафор необходимо провести анализ китайского и российского политических дискурсов. Это позволит выявить наиболее частотные метафорические образы в китайском дискурсе и возможные переводные эквиваленты в русском языке, опираясь на их репрезентацию в российском политическом дискурсе.

В качестве источника материала выбраны популярные новостные сайты Китая и России, которые отличаются высоким тиражом и общенациональным охватом. Кроме того, в выборку включены авторитетные электронные средства массовой информации.

Источники представлены публикациями ведущих китайских СМИ, среди которых «北京日报» «Пекин Дэйли»; «财新网» деловой новостной портал и журнал «Цайсин»; «参考消息网» Reference News (ежедневная газета, издаваемая в Китае информационным агентством «Синьхуа»); «光明日报» газета «Гуанмин жибао»; «环球时报» ежедневная газета на базе People's Daily; «每日经济新闻» национальная деловая газета; «人民网» интернет-версия

«Жэньминь жибао»; «南方周末» китайская еженедельная газета; «新华网» официальный новостной портал агентства «Синьхуа»; «中国青年报» газета «Китайская молодежь»; «中国日报» государственная ежедневная газета КНР и др.

Российские источники представлены публикациями таких изданий, как Деловая газета «Взгляд»; «Известия»; «ТАСС»; РИА Новости; Сетевое издание «Вести. Ру»; РСМД («Российский совет по международным делам»); газета «Завтра. Ру»; «Правда. Ру»; «Московский комсомолец»; ТВ БРИКС; RuNews 24.

Источниками послужили статьи, посвященные тематике БРИКС и его деятельности, ориентированные на массовую аудиторию. Хронологические рамки исследования включают период с сентября 2006 года по 2025 год включительно. Нижняя граница обусловлена тем, что 2006 г. фиксируется как начало регулярных контактов формата БРИК (BRIC) на уровне министров иностранных дел.

Отбор материала для исследования состоит из нескольких этапов. На первом этапе ключевые слова на русском языке «страны БРИКС» и на китайском языке «金砖国家» вводятся в поисковый менеджер новостных сайтов с целью сплошной выборки статей. Результатом первого этапа являются два корпуса текстов, отсортированных по релевантности, объем каждого – 1000 текстов.

На втором этапе с помощью программы AntConc [AntConc] для китайского языка и веб-приложения VoyantTools [VoyantTools] для русского языка был обработан корпус текстов. В ходе предобработки из анализа были исключены стоп-слова – служебные и высокочастотные единицы, не несущие самостоятельной смысловой нагрузки.

Программа AntConc помогает получить минимальный словарный набор, список устойчивых словосочетаний и группировку слов по тематике в выборках, связанных с определенной областью знаний [Ловчикова, 2024, с.

122]. Инструментарий системы AntConc включает следующие функции: KWIC, Concordance Plot, File View, Clusters, (N-Grams), Collocate, Word List, Keyword List, Wordcloud. Инструмент Word List использовался для получения частотных списков отдельных словоформ и не включал словосочетания. Устойчивые сочетания выявлялись с помощью инструментов N-Grams и Clusters с учетом двух-, трех- и четырехкомпонентных сочетаний. Предшествующие и последующие слова анализировались с помощью Concordance / KWIC: программа автоматически формировала контекстное окружение ключевой единицы, а интерпретация и отбор метафорически значимых контекстов осуществлялись вручную.

С помощью инструмента Word List были получены данные о частотности слов в корпусе китайского политического дискурса: «中国» (Китай), «俄罗斯» (Россия), «南非» (Южная Африка), «印度» (Индия), «巴西» (Бразилия), «金砖国家» (БРИКС), «货币» (валюта), «多极化» (многополярность), «安全» (безопасность), «机制» (механизм), «贸易和投资» (торговля и инвестиции), «合作» (сотрудничество) и др. Рис. 1.

	KWIC	Plot	File View	Cluster	N-Gram	Collocate	Word	Keyword	Wordcloud
	Type					Type			
1	中国				13	多极化			
2	俄罗斯				14	安全			
3	南非				15	市场			
4	印度				16	机制			
5	巴西				17	生物技术			
6	金砖国家				18	贸易			
7	经济				19	银行			
8	政治				20	创造有利于商业发展的环境			
9	货币				21	发展互惠贸易和投资			
10	促进多极化				22	在人工智能			
11	发展				23	在科技领域开展合作			
12	发展中国家				24	增加参与国之间的贸易额			

Рис.1. Частотные слова в корпусе китайского политического дискурса

Для изучения контекстного окружения ключевого слова «金砖国家» (страны БРИКС) применялся формат KWIC (Key Word In Context) программы AntConc. Рис. 2.

Left Context	Hit	Right Context
斯坦加入金砖国家, 将为推动国际合作、振兴包容性多边主义发挥重要作用。”	金砖国家(	BRICS)的组织今年8月宣布, 计划明年将成员国数量增加一倍, 此举将为沙特阿
的新兴世界, 与大多数西方国家和“全球北方”国家的相对停滞形成鲜明对比。”	金砖国家、	上合组织、东盟国家经济领域专家 国际关系专家达曼萨 朱马拉 深信, 在加入金
”, “不让阿根廷加入金砖国家是在攻击阿根廷人民, 攻击阿根廷工人和商人。”	金砖国家、	上合组织、东盟国家经济领域专家 国际关系专家达曼萨 朱马拉 深信, 在加入金
愿景, 使得这个机制成为全球南方国家一个自然而然的选择。推进多极化世界”	金砖国家、	上海合作组织国家经济领域专家 金砖国家是印度尼西亚的新经济外交 对于印度
是存钱还是存金砖? 新华国际告诉你, 可能不知道的点滴。金砖国家的由来: “	金砖国家、	上海合作组织国家经济领域专家 金砖国家是印度尼西亚的新经济外交 对于印度
钱不会否决一项开乌乌克兰正式加入欧盟谈判的动议。图自俄罗斯外交部网站”	金砖国家30	亿人要都过上好日子, 全面实现人民对美好生活的向往, 还有很长的路要走。这
说: “我们正面临着生存挑战, 世界需要团结一致采取行动, 团结一致伸张正义。”	金砖国家30	亿人要都过上好日子, 全面实现人民对美好生活的向往, 还有很长的路要走。这
破了胆, 为避免美国心生嫌隙, 印度外长苏杰生公开宣称“没有去美元化战略”。	金砖国家	传统世界》项目印度阶段的实施过程中, 俄罗斯使团副团长罗曼·巴布什金称该项
握关于“金砖国家”概念的话语主动权。一、“金砖国家”概念的逻辑起点及发展”	金砖国家	传统世界》项目的印度阶段已经开始 文本从tvbrics.com复制 在新德里地区公共
主导的政治和金融体制是金砖国家共同的目标。《西日本新闻》报道, 7月15日,	金砖国家(	巴西、俄罗斯、印度、中国和南非的经济联盟)扩充就是这样一种转变。新的一年

Рис.2. Результат работы с помощью инструмента KWIC

С помощью инструмента KWIC отображается окружение ключевого слова: слева – предшествующие слова (Left Context/левый контекст), справа – следующие за ним слова (Right Context/правый контекст). Ключевое слово выделено синим цветом, как показано на рис. 2, правый контекст – отдельными цветами для удобства анализа сочетаний. AntConc позволяет выделять цветом либо левый, либо правый контекст относительно ключевого слова, другой при этом остается без цвета. Это дает возможность сфокусироваться на изучении только предшествующих или только последующих слов. В ходе анализа были выявлены устойчивые сочетания с ключевым словом «金砖国家», такие как «促进多极化» (содействовать многополярности), «在科技领域开展合作» (сотрудничество в области науки и техники), «建立一个更加公平的世界秩序» (построение более справедливого мирового порядка) «消除贸易壁垒» (устранение торговых барьеров) и др.

Анализ корпуса текстов в VoyantTools выявил ядро смыслообразующих лексем для русского дискурса: «Россия», «Китай», «Индия», «Бразилия», «ЮАР», «БРИКС», «торговля», «многополярность», «банк», «развитие», «экономика», «политика», «механизм», «валюта», «развивающиеся страны»,

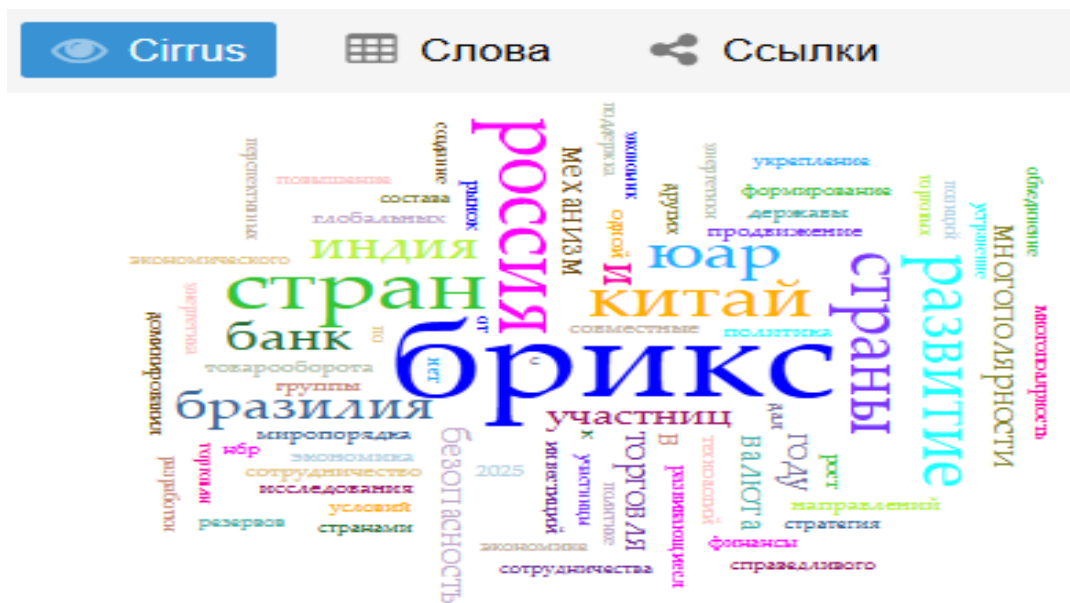

Рис. 3. Ядро смыслообразующих лексем для российского дискурса

Дополнительный анализ с использованием инструмента Contexts позволил изучить контекстное окружение ключевого сочетания «Страны БРИКС»: например, регулярно встречаются такие единицы, как «ускорение экономического роста», «прагматизм», «открытость», «солидарность» и др., что подчеркивает ценностные ориентиры и стратегические цели объединения.

Рис. 4.

Контексты			
Bubblelines			
Коллокации			
?			
Слева			
Слово ↑			
Справа			
..	участниками. 2025 году к партнёрам отн...	брикс	для финансирования инфраструктурных...
..	развивающихся странах. Пул условных ...	брикс	. Страны-участницы стремятся создани...
..	ключевых целей БРИКС. Страны-участн...	брикс	. Страны активно внедряют практику вза...
..	из направлений работы БРИКС. Страны ...	брикс	. Например, Стратегия до 2025 года вкл...
..	экономического партнерства — докумен...	брикс	— ежегодная встреча лидеров стран-уч...
..	гуманитарным контактам. Саммит БРИК...	брикс	+ — условное название для обозначени...
..	стран-участниц, которой обсуждаются ак...	брикс	после присоединения новых стран 2024 ...
..	в 2001 году впервые использовал терми...	брикс	. Объединение носит неформальный ха...
..	Бразилии, России, Индии и Китая. Устав...	брикс	— открытость, прагматизм, солидарнос...
..	характер, работа координируется страно...	брикс	— ускорение экономического роста госу...

Рис. 4. Результат работы с помощью инструмента Contexts

Анализ китайского и российского политических дискурсов показал существенное сходство в трактовке роли БРИКС на международной арене. В обоих дискурсах наиболее представлены темы экономического сотрудничества, более справедливого мирового порядка и изменения существующей системы международных отношений. На начальном этапе использовались инструменты корпусной обработки. Они позволили выявить повторяющиеся номинации и устойчивые сочетания, которые затем проверялись вручную: в анализ включались только те случаи, где образное значение подтверждалось контекстом. Далее материал анализировался с применением качественных методов. Дефиниционный анализ использовался для уточнения словарного значения единицы, компонентный – для выявления семантических признаков, значимых для метафорического переноса, контекстуальный – для проверки этих признаков в конкретном употреблении, дистрибутивный – для исследования контекстов лексических единиц. После такой проверки частотные единицы соотносились со сферами-источниками и распределялись по моделям. Для систематизации материала применялся метод метафорического моделирования [Чудинов, 2001]. При отнесении метафорической единицы к сфере-источнику учитывались два критерия: значение образной номинации вне данного контекста и доминирующий признак, актуализированный в конкретном употреблении. В случаях,

допускающих двоякое толкование, приоритет отдавался второму критерию. Например, «маяк» вне контекста может соотноситься со сферой-источником «Артефакт», однако при актуализации признаков направления, курса, движения и продвижения к цели единица относится к сфере-источнику «Путь».

Для уточнения словарных значений использовались следующие словари: «大 БКРС» большой русско-китайский словарь [大 БКРС]; «汉典» этимологический онлайн-словарь китайского языка [汉典]; «在线新华字典» онлайн-словарь китайских иероглифов «Синьхуа» [在线新华字典]; «在线汉语词典» толковый онлайн-словарь китайского языка [在线汉语词典]; толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Ожегов, 2012]; словарь Академии Российской [словарь Академии Российской] и др.

При анализе сферы-мишени в политических дискурсах Китая и России использовалась методика сопоставительного таргетирования [Будаев, 2020, с. 266]. В ходе проведенного исследования была определена единая сфера-мишень – объединение БРИКС, после чего проведен сравнительный анализ сфер-источников метафорической экспансии, актуализированных в рамках двух дискурсов. Такая методика позволила выявить как универсальные метафорические модели и метафорические единицы – общие для китайского и русского политических дискурсов, так и специфичные, характерные только для китайского дискурса. Выявление универсальных метафорических моделей и метафорических единиц важно для перевода с китайского языка на русский, поскольку помогает выработать единые подходы в переводе метафор и обеспечить их единообразное воспроизведение в разрабатываемом словаре. На следующем этапе исследования был выполнен количественный анализ метафорических единиц – с учетом частоты их употребления для актуализации той или иной модели.

Результаты анализа представлены двумя выборками метафорических единиц: 164 единицы – в китайском дискурсе и 102 единицы – в русском

дискурсе. При этом в выборку российского дискурса не включались специфичные метафорические единицы, характерные только для данного национального материала. Это связано с задачами исследования: основной акцент был сделан на выявлении общих метафорических моделей, значимых для установления межъязыковых соответствий и подбора переводных эквивалентов, а также на описании китайских специфичных моделей, необходимых для создания китайско-русского дискурсивного словаря.

Общими для рассматриваемых дискурсов являются 5 метафорических моделей («Путь», «Дом», «Механизм», «Родство», «Война») с совпадающими метафорическими единицами. Специфичными для китайского политического дискурса являются 7 метафорических моделей («Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений», «Артефакт»). Отдельную группу составляют единицы, отнесенные к категории «другие». В таблице 1 указано распределение метафор в процентном соотношении (Табл. 1).

Таблица 1. Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «БРИКС» (Китай и Россия)

	Сфера-источник	%, Китай	%, Россия
1	Путь	14,6	25,4
2	Дом	13,4	22,5
3	Механизм	8,5	19,6
4	Родство	7,4	16,7
5	Война	6,1	15,8
6	Игра и спорт	12,4	—
7	Физиология	10,9	—
8	Мир животных	9,7	—
9	Мир неживой природы	5,6	—
10	Физические свойства	4,8	—
11	Мир растений	3,1	—
12	Артефакт	2,4	—
13	Другие	1,1	—

Доминантными моделями для двух исследуемых дискурсов являются метафорические модели со сферой-источником «Путь» и «Дом».

Исследование доминантных моделей опиралось на метод метафорического моделирования, разработанный А.П. Чудиновым [Чудинов, 2004, с. 104] и активно развиваемый его учениками и последователями в рамках Уральской школы политической лингвистики [Будаев, 2020; Будаев, Чудинов, 2012; Ворошилова, 2008; Дзюба, 2017; Чудинов, Будаев, Солопова, 2020; Шустрова, 2014]. А.П. Чудинов определяет метафорическую модель как некую ментальную структуру, которая возникает или уже существует в языковом сознании. Она представляет собой способ установления связи между разными областями понятий, где одно понятие (X) уподобляется другому (Y), а не отождествляется с ним напрямую [Чудинов, 2003].

Анализ метафорических употреблений позволил выявить общие сферы-источники («Путь», «Дом», «Механизм», «Родство», «Война»), участвующие в формировании образа БРИКС в политическом дискурсе Китая и России. Когнитивно-дискурсивный анализ позволил установить, что универсальные модели подчеркивают ценности сотрудничества и стабильности, а специфичные для китайского дискурса модели (такие как «Физиология» или «Мир животных») добавляют дополнительные смысловые оттенки и отражают особенности китайского политического дискурса. Лингвокультурологический метод дополнил когнитивно-дискурсивный анализ, позволив раскрыть культурно-исторические основания выбора тех или иных метафор. Так, высокая частотность метафоры «Путь» в обоих дискурсах обусловлена глубинными архетипическими представлениями о пути как траектории развития, движения к цели.

Общие метафорические модели со сферой-мишенью «БРИКС» в политическом дискурсе Китая и России, а также специфичные исследуемые модели для китайского дискурса проанализированы в последующих параграфах.

2.2. Общие метафорические модели со сферой-мишенью «БРИКС» в китайском и российском политических дискурсах

2.2.1. Метафорическая модель со сферой-источником «Путь»

Путь и дорога – архетипические образы, заложенные в культурной традиции многих народов [Кошкарова, Солопова, Чудинов, 2025, с. 114]. Метафора пути трактуется российскими учеными как концептуальная модель, объединяющая признаки целенаправленности, наличия субъекта, конечности, линейности и поступательности [Боброва, 2013]. Она выступает культурной единицей, воплощающей единство прошлого, настоящего и будущего; задает модель развития, при этом подчеркивает преемственность траектории движения [Солопова, 2016; Пименова, 2017]. Рост интереса к политическим метафорам во второй половине XX века, на фоне развития когнитивной и политической лингвистики, включил в научный фокус и метафору пути как значимый элемент политического дискурса [Вань, 2025; Ловчикова, 2025; Матвеева, 2023; Солопова, 2016; Чанг, 2024 а, 2024 б].

В китайском (14,6%) и российском (25,4%) политических дискурсах метафорическая модель БРИКС – ЭТО ПУТЬ представлена общими фреймами: «Виды пути», «Участники пути», «Маршрут», «Передвижение в пространстве» (Табл. 2).

Таблица 2. Метафора пути в китайском и российском политических дискурсах

Общие метафорические единицы для китайского и российского политических дискурсов	Специфичные метафорические единицы для китайского политического дискурса
路 дорога 道路 путь 同路人/同行者 попутчик 推动者 проводник 桥梁 мост 步伐 шаг 火车头 локомотив	先行者 (предшественник/пионер) 路口 (перекресток) 渠道 (канал) 灯塔 (маяк) 快车 (скорый поезд) 列车 (поезд) 船 (корабль)

	巨轮 (большой корабль) 风帆 (парусная лодка) 指南针 (компас)
--	---

Фрейм «Виды пути» включает слот «путь в целом» и представлен метафорическими единицами «路 / дорога», «道路 / путь».

(1) «*每个金砖国家都找到了自己的道路*»。Каждая страна БРИКС нашла свой *путь*¹. (新华网, 20.04.2023) [Ловчикова, 2025, с. 358]. Пример (1) акцентирует принцип «единства в разнообразии». Каждая страна сохраняет национальную специфику развития, но движется в общем стратегическом направлении к совершенствованию глобального управления. Иероглиф «道» (Дао) одновременно означает и физическую дорогу, и фундаментальный философский принцип устройства мира, занимая центральное место в конфуцианстве и даосизме. Страны БРИКС реализуют собственное «道» Дао – уникальный путь роста, оставаясь при этом частью единого «道» Дао многополярного мира [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Метафора подчеркивает, что личный маршрут не противоречит общей цели или общему маршруту.

(2) «*БРИКС еще предстоит пройти долгий путь для преодоления внутренних разногласий*». (ТАСС, 24.10.2024). Рассмотренный пример (2) иллюстрирует развернутость метафоры, в нем используются метафорические единицы «пройти» и «долгий путь», указывая на потенциал роста и перспективы БРИКС. Долгий путь, который еще предстоит пройти, символизирует не препятствия, а масштаб совместных задач и возможностей для углубления сотрудничества. Преодоление внутренних разногласий в этом контексте предстает как естественный этап становления объединения; это процесс, который в итоге укрепит его структуру и повысит эффективность взаимодействия стран-участниц.

¹ Здесь и далее перевод выполнен Ловчиковой А.А.

Фрейм «Участники пути» репрезентируется лексемами «同路人; 同行者 / попутчик», «推动者 / проводник; драйвер». Для китайского дискурса в рассматриваемом фрейме выделяется единица «先行者» предшественник.

(3) «*在中国实施高水平开放、推动高质量发展的进程中, 金砖国家始终是重要的同路人、好伙伴*»。 *Реализуя политику открытости и стремясь к высококачественному развитию, Китай опирается на сотрудничество со странами БРИКС, которые выступают для него важными партнерами и попутчиками на этом пути.* (中华人民共和国外交部, 27.09.2024).

(4) «*Друзья, партнеры или попутчики?*» *Что такое БРИКС и каковы его цели?* (RuNews24, 21.10.2024).

В приведенных примерах (3, 4) метафора попутчика акцентирует добровольность партнерства; страны БРИКС объединяют усилия ради взаимосвязанных целей. Образ попутчика укрепляет идею равноправного сотрудничества, а образ проводника подчеркивает способность отдельных участников задавать темп и направление общего движения.

Во фрейме «Маршрут» для обоих дискурсов значимым оказывается слот «средство перехода / соединительный элемент», репрезентированный лексемой «桥梁 / мост». В данном случае БРИКС осмысливается не как конечная цель движения и не как ориентир, задающий направление, а как связующее звено, обеспечивающее переход к будущему или к новому мировому устройству.

(5) «*金砖, 是连接未来的桥梁*»。 *БРИКС – мост в будущее.* (网易新闻, 08.07.2025) [Ловчикова, Солопова, 2026, с. 28].

(6) «*БРИКС представляет собой и цивилизационную площадку диалога, и «мост» на пути к формированию более справедливого и гармоничного мира*». (ТВ БРИКС, 26.01.24).

В рассматриваемых примерах (5, 6) метафора моста прокладывает путь для стран-участниц БРИКС в будущее. Мост выступает в качестве «прямого маршрута». Без моста странам пришлось бы искать окольные пути,

преодолевать барьеры изоляции, действовать разрозненно и тратить больше ресурсов на достижение схожих целей. Мост же обеспечивает кратчайший и согласованный курс к общим стратегическим ориентирам.

Специфичными метафорическими единицами в анализируемом слоте для китайского политического дискурса являются: «路口» (перекресток), 街 (улица), 小巷 (переулок), «渠道» (канал), «灯塔» (маяк), «指南针» (компас) и др.

(7) «金砖国家正成为“这条街的靓仔”。*Страны БРИКС становятся «самыми привлекательными парнями на этой улице».* (环球时报, 02.07.2024).

Метафорическая единица «街» (улица) в примере (7) выступает как международная арена. Она осмысливается как ограниченное, знакомое пространство, в рамках которого легко фиксировать относительный статус и динамику перемещения акторов. Выражение «这条街的靓仔» (красивые парни на этой улице) подчеркивает растущее влияние БРИКС и статус среди других государств. Использование слова из кантонского диалекта «靓仔» (красавчик, привлекательный парень) придает живой, неформальный тон, в отличие от официальных клише.

(8) «面对全球性挑战，金砖国家应当成为全世界和平与发展的灯塔，期待金砖国家领导人第十四次会晤取得积极成果»。*Перед лицом глобальных вызовов страны БРИКС должны стать маяком мира и развития для всего мира. Мы рассчитываем на позитивные результаты 14-й встречи лидеров БРИКС.* (人民日报, 24.06.2022). В иллюстративном контексте (8) метафора маяка ассоциируется с функцией освещения пути. Маяк указывает безопасное направление движения в условиях неопределенности, служит стабильным ориентиром для выработки общей стратегии и выступает сигналом единства, объединяющим участников вокруг общей цели. В политическом дискурсе лексема «灯塔» наделяет страны БРИКС способностью осветить путь к миру и развитию своим «светом».

(9) «历史十字路口，世界为何需要“大金砖”？» *На историческом перекрестке – зачем миру нужен «Большой БРИКС»? (人民日报, 02.07.2024).* Метафора «历史十字路口» (исторический перекресток) концептуализирует настоящее как ситуацию неопределенности, в которой прежние модели международного взаимодействия утратили устойчивость, при этом новые находятся в процессе институционального становления. Заголовок выстраивает связь между образом исторической развилки и идеей институционального ответа на нее: автор рассматривает расширенный формат БРИКС как один из возможных способов стабилизации переходного состояния мировой системы. При этом определение «большой» указывает не только на расширение состава объединения, но и на попытку обозначить его возрастающую роль в системе международных отношений.

(10) «习近平主席讲话阐明了金砖合作机制的优越性和强劲的竞争能力，是其他地区组织和国家参与全球治理的**指南针**»。В своей речи председатель Си Цзиньпин указал на преимущества и высокую конкурентоспособность механизма БРИКС, который выступает своего рода **компасом** для участия других региональных организаций и государств в глобальном управлении. (人民日报, 04.09.2017). В примере (10) метафора «компаса» репрезентирует БРИКС как один из возможных ориентиров в системе глобального управления. Это предполагает, что объединение не только участвует в международных процессах, но и может задавать направления их развития для других акторов, включая государства и региональные организации.

В двух дискурсах фрейм «Передвижение в пространстве» представлен такими единицами, как «步伐 / шаг», «向前推进 / движение вперед», «火车头 / локомотив» и др.

(11) «眼下，金砖国家正加快步伐，朝着去美元化的大方向努力，想着逐步建立一个更公平、更多样的金融体系»。В настоящее время страны БРИКС ускоряют **шаг** в направлении дедолларизации, последовательно

продвигаясь к формированию более справедливой и диверсифицированной финансовой системы. (环球时报, 02.07.2024).

(12) *«БРИКС: шаг на пути к новой мировой архитектуре».* (РИА Новости, 25.06.2024). В обоих примерах (11, 12) действия БРИКС описываются с помощью образа движения к общей цели. Метафорическое выражение «*加快步伐*» (ускорять шаг/ускоряться) акцентирует динамику процесса и наращивание темпа коллективного движения стран БРИКС. В русском примере речь идет скорее о поэтапном характере изменений.

(13) *«最终我们希望通过金砖国家之间的合作, 真正支持全球供应链, 继续向前推进»*。В конечном счете предполагается, что сотрудничество стран БРИКС обеспечит поддержку глобальных цепочек поставок и их дальнейшее движение вперед. (央视, 19.11.2020). В примере (13) метафора пути «*继续向前推进*» (продолжим движение вперед) формирует представление о сотрудничестве БРИКС как о непрерывном процессе, направленном на поступательное развитие. Образ движения вперед подчеркивает его направленность и устойчивую динамику. Компонент «продолжим» указывает на поддержание уже заданной траектории взаимодействия.

Похожая логика проявляется и в примере (14) *«БРИКС идет вперед, создавая важный прецедент»* (РСМД, 22.04.2024). Метафора движения также используется как способ представить развитие объединения, но акцент смещается на его институциональную значимость и закрепление нового опыта в международной практике.

(15) *«金砖四国: 世界新"火车头" 马力几何?»* Страны БРИК: какова мощность нового «*локомотива*» мировой экономики? (新华社, 11.06.2009). В примере (15) актуализируется образ БРИК как новой ведущей силы глобального экономического развития. Вопросительная форма задает оценку потенциала и эффективности БРИК, который рассматривается как возможный двигатель мировой экономики. Тем самым объединение репрезентируется как

обладающее значительным потенциалом воздействия и способное влиять на динамику глобальных процессов.

(16) *«Лавров: БРИКС является локомотивом экономической трансформации в мире»*. (Известия, 07.07.2025). Метафора локомотива репрезентирует объединение как движущую силу, задающую направление и темп экономических изменений. При этом БРИКС осмысляется не как пассивный участник процессов, а как субъект, способный инициировать и поддерживать трансформацию мировой экономической системы.

Фрейм «передвижение в пространстве» в китайском политическом дискурсе реализуется с помощью единиц «快车» (экспресс), «列车» (поезд), «船» (корабль), «巨轮» (большой корабль), «风帆» (парусная лодка) и др.

(17) *金砖合作这列时代快车, 承载着“全球南方”的发展希望, 是建设美好世界的中坚力量。 Поезд сотрудничества БРИКС – «экспресс эпохи» – несет надежды развития Глобального Юга и является опорной силой в строительстве более благополучного мира.* (新华网, 23.10.2024). В (17) метафора «экспресс / скорый проезд» объединяет идею скорости, направленности и коллективного движения, представляя БРИКС как участника глобальных процессов в условиях их трансформации. Движение поезда осмысляется как «перевозка» ожиданий и интересов стран Глобального Юга, что усиливает представление о коллективном участии в этом процессе.

(18) *«合作助力经济复苏与全球治理, “金砖”大船行稳致远»*。
Сотрудничество в рамках БРИКС способствует ускорению экономического восстановления и совершенствованию системы глобального управления – корабль объединения уверенно идет в будущее. (中国新闻网, 24.08.2023). Метафорическое выражение «大船行稳致远» (большой корабль движется устойчиво к далекому будущему) реализует метафору пути, где «大船» (корабль) выступает символом масштабного, устойчивого объединения БРИКС, способного преодолевать значительные расстояния и противостоять внешним вызовам.

Метафора пути в политическом дискурсе Китая и России является доминантной метафорической моделью. Данная модель представлена наибольшим количеством метафорических единиц. Она охватывает ключевые аспекты развития и взаимодействия в рамках БРИКС. Метафора пути воплощает идею совместного движения к общим целям, подчеркивая целенаправленность и поступательный характер усилий альянса. БРИКС предстает одновременно и как путь – стратегическая траектория развития, которой необходимо следовать, и как ориентир, ведущий к созданию стабильной и безопасной международной среды.

2.2.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Дом»

Метафора дома относится к числу древних архетипичных и онтологических метафор, и распространяется на многие сферы человеческой деятельности, в том числе на сферу политики, функционирование которой в политическом дискурсе всесторонне исследуется лингвистами [Адясова, 2014; Крайчовичова, 2018; Чудинов, 2001]. Дом выступает ключевым культурным концептом в сознании человека и служит источником метафорических переносов [Байбурин, 1983; Кожевникова, 1991; Никитина, Кукушкина, 2000; Топоров, 1984]. Деятельность БРИКС часто осмысливается через метафору «БРИКС – ЭТО ДОМ», которая представляет международное объединение в виде понятного и привычного образа жилища.

В структуре рассматриваемой модели в политическом дискурсе Китая (13,4%) и России (22,5%) выявлено два общих фрейма: «Конструкция дома» со слотом «общая конструкция здания»; и фрейм «Строительство, ремонт и разрушение дома», включающий два слота: «строительство дома» и «строительные материалы» (Табл. 3).

Таблица 3. Метафора дома в китайском и российском политических дискурсах

Общие метафорические единицы для китайского и российского политических дискурсов	Специфичные метафорические единицы для китайского политического дискурса
--	--

房子 дом 基础 фундамент 支柱 опора 骨架 каркас 窗口 окно 门 дверь 建筑 строительство 砖 кирпич	金字招牌 (вывеска с золотыми письменами) 建设者 (строители) 瓦 (черепица)
---	--

Слот «общая конструкция здания» представлен следующими единицами: «房子 / дом», «基础 / фундамент», «支柱 / опора», «骨架 / каркас», «窗口 / окно», «门 / дверь» и др. Фундамент олицетворяет базовые принципы объединения: взаимное уважение, партнерство и суверенитет стран-участниц. Он задает надежность всей конструкции и обеспечивает стабильность отношений внутри стран БРИКС. Окно рассматривается как открытость к диалогу с внешним миром, при этом оно позволяет регулировать степень вовлеченности во внешние события, сохраняя автономию объединения. Дверь указывает на «контроль» доступа в БРИКС. Дверь может быть открыта для тех, кто разделяет ценности БРИКС, и закрыта для субъектов с противоречащими интересами.

(19) «金砖里有美国的人，多国协商一致关上大门，打扫干净房子再请客»。В БРИКС оказались люди, близкие к США; многие страны договорились – сначала закрыть **двери**, навести порядок в **доме**, а уже потом приглашать гостей. (环球网, 04.07.2024). Отметим развернутость рассматриваемой концептуальной метафоры (19), т.е. использование в примере различных метафорических единиц: «关上» (закрыть), «大门» (большая дверь), «打扫干净房子» (навести порядок в доме, досл. начисто вымести/подмести), «请客» (пригласить гостей). Образ «уборки» описывает устранение нежелательных влияний на объединение БРИКС и наведение порядка в существующих процессах перед тем, как открывать двери для новых участников.

(20) *«Так, **кирпичик за кирпичиком**, усилиями многих стран, **строится** общий **дом** БРИКС на **фундаменте** истинного партнерства и взаимоуважения в противоположность пресловутому американскому миропорядку с его жестким диктатом и пренебрежением к законным интересам других».* (Правда, 16.11.2020). Метафорические обороты «кирпичик за кирпичиком», «строится дом на фундаменте» в примере (20) также демонстрируют развернутую метафору дома. Через цепочку образных единиц создается целостная картина совместного строительства: подчеркиваются постепенность – «кирпичик за кирпичиком», коллективный характер усилий – «усилиями многих стран» и надежность основы – «фундамент партнерства и взаимоуважения».

Фрейм «Конструкция дома» включает слот «обстановка в доме» с метафорической единицей «金字招牌» (вывеска с золотыми письменами), специфичный для китайского дискурса.

(21) *«成立 18 年来, 金砖不断发展壮大, 人口占全球近一半, 经济总量占世界比重超过三成, 对世界经济增长贡献率超过 50%, 已经成为当今世界新兴市场和发展中国家团结合作的**金字招牌**、全球南方团结合作的主要渠道和推动全球治理变革的先锋力量»。* За 18 лет с момента создания страны БРИКС заметно выросли и расширились. На них приходится почти половина населения мира, более 30 % мирового экономического производства и свыше 50 % глобального экономического роста. БРИКС стал **золотым брендом** сотрудничества между развивающимися странами, важной силой единства на Глобальном Юге и двигателем реформ глобального управления. (中华人民共和国外交部, 25.10.2024).

Метафорическое сочетание «вывеска с золотыми письменами» (21) отсылает к традиционным вывескам с золотыми иероглифами, которые в древнем Китае символизировали безупречную репутацию, стабильность и высокий статус заведения. В дискурсе о БРИКС метафора подчеркивает, что

объединение воспринимается как надежная основа для сотрудничества развивающихся стран, как «знак качества» на международной арене.

Слот «строительство дома» в обоих дискурсах представлен лексемой «建筑 / строительство». Строительство дома обозначает формирование политической организации/политических институтов, страны, объединения или миропорядка в целом.

(22) «金砖国家要共同推动全球治理体系**建筑**的完善, 使之更加公平合理»。Странам БРИКС следует содействовать процессу **строительства** системы глобального управления, делая его более справедливым и рациональным. (人民日报, 29.06.2024).

(23) «Что **строят** из БРИКС?» (Завтра, 20.04.2011).

В примерах (22, 23) метафора показывает созидательный характер деятельности БРИКС. В первом случае (22) страны объединения выступают как строители; во втором (23) сам БРИКС предстает материалом или основой, из которой предполагается создать новую структуру.

Слот «строители» (建设者), входящий во фрейм «Строительство, ремонт и разрушение дома», характерен для китайского политического дискурса.

(24) «金砖国家是发展中国家利益的维护者和促进者, 是世界和平的**建设者**»。Страны БРИКС являются защитниками и сторонниками интересов развивающихся стран и **строителями** мира во всем мире. (人民日报, 24.08.2023).

(25) «习近平: 金砖国家是国际安全秩序的**建设者**»。Си Цзиньпин: страны БРИКС являются **строителями** международного порядка безопасности. (新华社, 03.09.2017).

В примерах (24, 25) страны БРИКС репрезентируются как активные субъекты созидательной деятельности, участвующие в формировании более устойчивой и справедливой системы международных отношений. Метафора строителей актуализирует значения целенаправленного действия, совместного

труда, ответственности за результат и ориентации на создание нового порядка. При этом БРИКС осмысляется не как пассивный участник уже сложившейся международной системы. БРИКС воспринимается как сила, которая способна преобразовывать ее институциональные основания: поддерживать интересы развивающихся стран, укреплять мир и участвовать в создании нового международного порядка.

В слоте «строительные материалы» для обоих дискурсов отмечена лексема «砖 / кирпич»; специфичным для китайского дискурса является «瓦» (черепица).

(26) «砖国家要“增砖加瓦”»。Страны БРИКС намерены укреплять сотрудничество и расширять взаимодействие («добавить больше кирпичей и черепицы»). (中国网, 05.07.2022).

(27) «Объединение БРИКС станет «кирпичами» в фундаменте свободного и равноправного многополярного мира, заявил во вторник глава Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин». (РИА Новости, 15.08.2023).

Слот «строители» закрепляет за БРИКС конструктивную роль: альянс предстает субъектом, формирующим значимые международные структуры и процессы. Слот «строительные материалы» смещает фокус, так как БРИКС и его элементы (вклад отдельных стран, инициативы, ресурсы) осмысляются как материал для более масштабного проекта. Сопоставление слотов показывает двойственность образа БРИКС в рамках строительной метафоры: с одной стороны, объединение выступает деятельным строителем глобальных процессов, с другой – строительным материалом, обеспечивающим устойчивость будущей системы.

Метафора дома в политическом дискурсе Китая и России является доминантой метафорической моделью. Образ дома глубоко укоренен в сознании людей разных культур и ассоциируется с безопасностью, устойчивостью и общностью. Метафора БРИКС – ЭТО ДОМ позволяет

представить международное объединение как надежное пространство сотрудничества. В рамках этой метафоры БРИКС представлен как новый «дом» для стран-участниц – место совместного строительства справедливого миропорядка, в котором коллективные усилия формируют устойчивую и открытую систему международных отношений.

2.2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Механизм»

Метафора механизма – это устойчивый способ осмысления политической реальности через призму технических объектов и процессов, основанный на модели «государство = механизм». Метафора упрощает восприятие сложных абстрактных процессов, таких как сотрудничество, развитие, управление, придавая им наглядность посредством образов рычагов, двигателей и транспортных средств. Исследованием метафоры механизма в различных областях, включая политический дискурс, занимались многие ученые [Вахмянина, 2021; Глебкин, 2012; Зиновьев, 2021; Лутфуллина, 2025; Солопова, Кошкарлова, 2026].

В китайском (8,5%) и российском (19,6%) политических дискурсах в метафорической модели БРИКС – ЭТО МЕХАНИЗМ выявлены два концептуальных фрейма. Фрейм «Виды механизма», включающий единицы: «机制 / механизм», «推进器 / пропеллер», «引擎 / двигатель», «稳定器 / стабилизатор», «平衡器 / балансир» и др.; специфичной для китайского дискурса является лексема «缓冲器» (буфер). Фрейм «Управление механизмом» включает единицы, подчеркивающие разные аспекты воздействия: «杠杆 / рычаг» как инструмент усиления влияния и «掌舵 / рулевое управление» как средство корректировки курса (Табл. 4).

Таблица 4. Метафора механизма в китайском и российском политических дискурсах

Общие метафорические единицы для китайского и российского политических дискурсов	Специфичные метафорические единицы для китайского политического дискурса
--	--

机制 механизм 推进器 пропеллер 引擎 двигатель 稳定器 стабилизатор 平衡器 балансир 杠杆 рычаг 掌舵 рулевое управление	缓冲器 буфер
---	-----------

(28) «金砖国家能否成功**掌舵**全球经济?» *Смогут ли страны БРИКС успешно **стоять у руля** мировой экономики?* (中国新闻网, 20.12.2023).

(29) «Глобальное неравенство: удастся ли странам БРИКС **встать у руля** глобальной экономики?» (Известия, 19.12.2023). В рассматриваемых примерах (28, 29) используется метафора «встать у руля / рулевое управление», которая переносит представление об управлении транспортным средством в сферу мировой экономики. «Руль» символизирует инструмент контроля и возможность задавать стратегическое направление развития системы. Через образ «рулевого» подчеркивается потенциальная роль БРИКС как субъекта, способного не просто участвовать в глобальных процессах, а осознанно формировать их траекторию, при этом вопросительная форма акцентирует неопределенность и конкурентный характер борьбы за лидерство.

(30) «金砖合作机制因其稳定发展的经济体量和平等广泛的合作机遇，已成为带动全球经济复苏、维护世界和平稳定的重要**引擎**»。*Механизм сотрудничества БРИКС благодаря устойчивому экономическому развитию и широким возможностям для равноправного взаимодействия стал важным **двигателем** глобального экономического восстановления и поддержания мира и стабильности во всем мире.* (央视, 27.06.2024). В иллюстративном примере (30) употребляются две метафорические единицы. Первая – «金砖合作机制» (механизм сотрудничества БРИКС) передает структурированность и системность. Сотрудничество БРИКС – это отлаженный механизм, который стабильно функционирует и обеспечивает предсказуемые результаты,

подобно техническому устройству с четко работающими частями. Вторая единица – «引擎» (двигатель, от англ. engine) [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], через эту метафору БРИКС придает импульс восстановлению мировой экономики и поддержанию стабильности, подобно тому, как двигатель приводит в движение машину.

(31) *«После саммита в Казани стало очевидно, что БРИКС – ключевой двигатель мировой экономики».* (Вести.Ру, 28.12.2024). Метафора «двигателя» присутствует как в китайском политическом дискурсе, так и в российском. В обоих примерах (30, 31) она показывает эффективность и устойчивую работоспособность альянса как значимого фактора мирового экономического роста. Это единство метафорических образов отражает общее понимание роли БРИКС – это не просто участник, а активный инициатор глобальных экономических процессов.

(32) *«俄罗斯更看重金砖的政治与战略作用，视其为顶住西方国家压力的缓冲器»。* Россия высоко ценит политическую и стратегическую роль БРИКС, рассматривая БРИКС как **буфер** против давления со стороны западных стран. (中国网, 17.10.2016). В примере (32) метафора «буфера/амортизатора» представляет БРИКС как защитный механизм – промежуточный элемент, поглощающий внешнее давление и снижающий нагрузку на отдельные страны объединения.

Метафорическая модель БРИКС – ЭТО МЕХАНИЗМ в политическом дискурсе Китая и России представляет альянс как слаженно работающий механизм, способный эффективно решать международные задачи. Анализ показал, что метафора механизма указывает на институциональную зрелость объединения, его способность координировать усилия стран-участниц для достижения конкретных практических результатов в экономике, финансах и сфере глобального управления.

2.2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Родство»

Метафора родства активно исследуется в работах лингвистов как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции [Багичева, 2008; Лютянская, 2009; Солопова, Кошкарлова, 2024; Geary, 2011]. Родство во многих культурах выступает ключевым классификатором человеческих ценностей, помогая человеку осмыслить свое отношение к миру [Быкова, 2014]. Понятие родства подразумевает взаимосвязь людей, обусловленную кровным происхождением или брачными узами. Как отмечает В.В. Колесов, понятие родственных связей постепенно переосмысливается и распространяется на любые значимые человеческие отношения. Родство обозначает теперь не столько кровную близость, сколько общность идеологических и духовных ценностей [Колесов, 1986]. Метафорическая модель ГОСУДАРСТВО – ЭТО СЕМЬЯ представляет отношения между государством и гражданами, лидером и народом, а также между различными субъектами политической деятельности как семейные. Такие отношения регулируются скорее традиционными представлениями, чем законами, и могут сопровождаться противоречиями и непониманием, как и в реальной семье [Чудинов, 2001]. Аналогичным образом метафорическая модель БРИКС – ЭТО СЕМЬЯ проецирует семейные отношения на взаимодействие стран-участниц: уважение к «старшим» партнерам и взаимную поддержку «своих».

В проанализированном материале структура метафорической модели родства в политическом дискурсе Китая (7,4%) и России (16,7%) включает два совпадающих фрейма: «Кровное родство» и «Вступление в родство». Фрейм «Кровное родство» представлен единицами «家庭 / семья», «父 / отец», «兄弟 / братья». Фрейм «Вступление в родство» включает метафоры «朋友 / друзья» и «朋友圈 / круг друзей»; специфичными для китайского дискурса являются единицы: «继承者» (наследник/преемник), «纽带» (узы), «盟友» (друзья, поклявшиеся в вечной дружбе) (Табл. 5).

Таблица 5. Метафора родства в китайском и российском политических дискурсах

Общие метафорические единицы для китайского и российского политических дискурсов	Специфичные метафорические единицы для китайского политического дискурса
家庭 семья 父 отец 兄弟 братья 朋友 друзья 朋友圈 круг друзей	继承者(преемник) 纽带 (узы) 盟友 (друзья, поклявшиеся в вечной дружбе)

В метафорической модели со сферой-источником «Родство» метафорическая единица «семья» является одной из частотных единиц в китайском и российском политических дискурсах, так как воплощает ключевые для этих культур ценности: ответственность и преемственность традиций. С помощью образа «семьи» БРИКС раскрывается как единое целое с общей стратегической целью, в котором сотрудничество основано на доверии и уважении.

(33) «2011 年, 南非首次以正式成员身份参加金砖大家庭聚会»。В 2011 году Южная Африка впервые приняла участие в собраниях стран БРИКС в качестве полноправного члена «**семьи** БРИКС». (人民网, 18.10.2016) [Ловчикова, 2025, с. 149]. Метафорическая единица «**家庭**» (семья) отражает стратегическую линию на формирование доверительных, «родственных» отношений внутри объединения. Присоединение ЮАР подается как обретение нового близкого союзника, а не как формальное включение в альянс.

В примерах (33–36) метафора семьи прежде всего связана с расширением БРИКС. Она связывает характер расширения с представлением о доверии и взаимной поддержке.

(34) «习近平指出, 五国领导人一致同意, 邀请沙特、埃及、阿联酋、阿根廷、伊朗、埃塞俄比亚成为金砖大家庭成员。中方对这些国家表示祝贺, 对主席国南非和拉马福萨总统所作努力表示高度赞赏»。Си Цзиньпин отметил, что лидеры стран БРИКС согласны пригласить Саудовскую Аравию, Египет, ОАЭ, Аргентину, Иран и Эфиопию стать членами **семьи**

БРИКС. Китайская сторона поздравляет эти страны и высоко оценивает старания ЮАР – страны-председателя и президента Сирила Рамафоса. (中华人民共和国外交部, 24.08.2023).

*(35) «数据显示，金砖大家庭各自发挥比较优势，在工业领域、农业领域和基础设施建设领域的经贸合作都取得了显著成果»。 Данные показывают, что большая **семья** БРИКС использует сравнительные преимущества своих участников: в промышленности, сельском хозяйстве и инфраструктуре торгово-экономическое сотрудничество уже дало заметные результаты. (中华人民共和国商务部, 02.08.2025).*

*(36) «**Семья** БРИКС усиливает суверенитет России». (Взгляд, 24.08.2023).*

Примеры (33–36) показывают, что метафора семьи сопровождает все этапы расширения БРИКС: с момента, когда формат БРИК преобразовался в БРИКС после присоединения ЮАР, до расширения объединения в 2024 г. При этом образ «семьи» не ограничивается сферой вступления новых государств: он соотносится с сотрудничеством участников в экономике, сельском хозяйстве и развитии инфраструктуры.

Ученые отмечают, что в политическом дискурсе образ семьи может использоваться для обозначения разных типов социальных общностей: круга друзей, сообщества единомышленников, трудового коллектива, а также локальных объединений [Чудинов, 2001; Солопова, Кошкарлова, 2024], что находит отражение в смыслах, транслируемых метафорами в двух дискурсах:

*(37) «金砖国家同呼吸、共命运，是真诚相待的好朋友、好兄弟、好伙伴，这种友谊和合作必将不断深化»。 Страны БРИКС связаны общим дыханием и общей судьбой; это искренние **дружья**, братья и партнеры, и такая дружба и сотрудничество будут углубляться. (共产党员网, 22.08.2023).*

*(38) «Встреча «**Друзей** БРИКС» на уровне министров иностранных дел, в ходе которой обсуждались различные формы сотрудничества между*

БРИКС и заинтересованными во вступлении в данное объединение странами, завершилась в Кейптауне». (Взгляд, 02.06.2023).

Примеры (37, 38) уточняют «границы» метафоры семьи в каждом дискурсе: в китайском – «друзья», «братья» и «партнеры» включены в один смысловой ряд. Такое употребление сближает лексику, обозначающую доверительные отношения, с политическим сотрудничеством: образ общности судьбы переносится на межгосударственное взаимодействие. В русском дискурсе метафора «друзья БРИКС» функционирует иначе: она обозначает не членство, а промежуточный статус стран, заинтересованных во взаимодействии с объединением.

(39) «金砖国家是万隆会议精神和不结盟运动的直接继承者，是全球南方为争取主权、公正与和平而斗争的制度性工具」。БРИКС является прямым наследником духа Бандунгской конференции и Движения неприсоединения; представляет собой институциональный инструмент борьбы Глобального Юга за суверенитет, справедливость и мир. (观察者网, 07.07.2025).

В примере (39) на первый план выходит идея исторической преемственности. БРИКС назван прямым наследником духа Бандунгской конференции и Движения неприсоединения. Благодаря этому объединение описывается не как «случайный» и «временный» формат взаимодействия, а как продолжение линии политической солидарности стран Глобального Юга в борьбе за суверенитет, справедливость и мир.

Метафора родства занимает важное место в китайском и российском политических дискурсах о БРИКС. Объединение, подобно семье, скреплено общей историей взаимоотношений, устоявшимися ценностями и традициями. В современных условиях идея семейных и братских связей обретает особую ценностную значимость, поскольку перед БРИКС стоит задача формирования многополярного мира, базирующегося на принципах равенства и взаимного уважения. Метафора «семья БРИКС» не является ситуативной, так как

устойчиво воспроизводится в политическом дискурсе на протяжении многих лет, отражая преемственность и эволюцию партнерства стран-участниц.

2.2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Война»

Милитарная метафора представляет собой один из важных объектов исследования в рамках политической лингвистики, значительный вклад в ее изучение внесли как отечественные, так и зарубежные ученые [Аматов, Бондаренко, Пупынина, 2019; Балашова, 2020; Будаев, 2022; Каслова, 2002; Керимов, 2013b; Крышталева, 2019; Малышева, Жигунов, 2016; Разинкина, 2013; Ряпосова 2001; Фэй, 2021; Чанг, 2023; Чудинов, 2001; Frankowska, 1994; Gauthier, 1994].

Милитарная метафора через образы боевых действий и военных ролей моделирует восприятие общественных и политических процессов. Метафора войны опирается на исторический опыт страны и особенно активизируется в кризисные периоды. Это приводит к формированию конфронтационного мышления, когда политическая борьба начинает восприниматься как приближение реальных военных действий, а военная лексика постепенно проникает в повседневную речь. Но стоит отметить, что в дискуссиях о БРИКС рассматриваемая метафорическая модель встречается редко. Это закономерно, поскольку БРИКС не является военным союзом и позиционируется как экономическое и политическое партнерство. Тем не менее отдельные военные образы периодически возникают.

В китайском (6,1%) и российском (15,8%) политических дискурсах метафорическая модель БРИКС – ЭТО ВОЙНА имеет один общий фрейм – «Военные действия и вооружение»; фрейм представлен слотом «военные действия», в который входят единицы: «打击 / удар», «挑战 / вызов». Фрейм «Война и ее разновидности» с единицами «战线» (линия фронта, фронт), «方阵» (эшелон) характерен для китайского политического дискурса. Кроме того, фрейм «Военные действия и вооружение» в дискурсе Китая представлен

слотом «виды вооружения и его использование» с единицей «盾» (щит) (Табл. 6).

Таблица 6. Милитарная метафора в китайском и российском политических дискурсах

Общие метафорические единицы для китайского и российского политических дискурсов	Специфичные метафорические единицы для китайского политического дискурса
打击 удар 挑战 вызов	战线 (линия фронта, фронт) 方阵 (эшелон) 盾 (щит)

(40) «不出所料，美国将金砖国家视为对其主导地位的**挑战**»。
Неудивительно, что США рассматривают БРИКС как **вызов** своему доминированию. (观察者网, 28.10.2024).

(41) «БРИКС как системный **вызов** для Вашингтона». (РСМД, 09.09.2025).

В примерах (40, 41) БРИКС характеризуется как «вызов» для США. Однако «挑战 вызов» не подразумевает прямой угрозы или конфронтации, метафора отражает естественный процесс изменений на международной арене. Такой «вызов» – это не призыв к противостоянию, а стимул к поиску новых форматов взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества.

(42) «8 月 1 日将至, 供应链崩塌, 金砖国家成重点**打击**对象? 该如何反制?» С приближением 1 августа рушатся цепочки поставок, и страны БРИКС становятся ключевой целью **ударов**. Как на это ответить? (央视新闻, 29.07.2024).

(43) «**Удар** по БРИКС. Для удара была выбрана мишень, способная внести тревожность в ряды участников БРИКС». (Известия, 12.02.2025).

В рассматриваемых контекстах (42, 43) БРИКС представлен как объект целенаправленного воздействия, что актуализирует вопросы укрепления внутренней координации и защиты общих интересов участников объединения.

Риторический вопрос в примере (42) «该如何反制?» (Как на это ответить?) дополнительно подчеркивает оборонительную позицию.

(44) «习近平: 金砖国家要做世界经济稳定之**锚**、国际和平之**盾**»。Си Цзиньпин: страны БРИКС должны стать **якорем** мировой экономической стабильности и **щитом** международного мира. (新华社, 16.07.2014). Образ «щита» показывает, что БРИКС выступает барьером на пути конфликтов и угроз и обеспечивает безопасность на глобальном уровне. В этом же иллюстративном контексте (44) используется артефактная метафора «якоря», подчеркивающая роль БРИКС как стабилизирующей силы.

В китайском и российском политических дискурсах военные метафоры выступают не как инструмент конфронтации, а как способ осмысления вызовов и укрепления единства БРИКС. Военная метафора профилирует образы коллективной защиты и безопасности.

2.3. Метафорические модели со сферой-мишенью «БРИКС» в китайском политическом дискурсе

2.3.1. Метафорическая модель со сферой-источником «Игра и спорт»

Спортивно-игровая сфера пронизывает социальную и культурную жизнь человека как «существа играющего» [Huizinga, 1980]. Связь игры с человеческим опытом закономерно проецируется и на политический дискурс. Политики и публицисты регулярно прибегают к спортивным и игровым образам, чтобы упростить восприятие сложных процессов. Ученые из разных стран проводят исследования, посвященные спортивной и игровой метафорам [Аникин, 2011; Солопова, Кошкарлова, 2025; Сунь, Хуан, 2023; Филлипова, 2011; Чудинов, 2001; Шехтман, 2006; Callies, 2009; Hellín García, 2014; Howe, 1988; Masci, 1996; Radić Bojanić, Silaški, 2008; Yu, 1998].

Метафорические модели БРИКС – ЭТО ИГРА, БРИКС – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ в китайском политическом дискурсе (12,4%) реализуются следующими фреймами: «Виды игры и спорта», которые включает слоты «игра вообще» с единицами: 游戏 (игра), 文字游戏 (каламбур, игра слов), «运动» (спорт, движение); слот «командные спортивные игры», который представлен единицами «象棋» (китайские шахматы), «队» (команда), «对手» соперник, «跳板» (трамплин), «俱乐部» (клуб). Фрейм «Квалификация спортсменов» и фрейм «Правила игры», реализующиеся единицами «领跑者» (ведущий (в беге)/лидер) и «游戏规则» (правила игры) соответственно (Табл. 7).

Таблица 7. Спортивная и игровая метафоры в китайском политическом дискурсе

Виды игры и спорта	游戏 игра 文字游戏 каламбур/игра слов 运动 спорт, движение 象棋 китайские шахматы 队 команда 对手 соперник 跳板 трамплин 俱乐部 клуб
Квалификация спортсменов	领跑者 ведущий (в беге)/лидер
Правила игры	游戏规则 правила игры

(45) «金砖国家扩容：一场改变国际格局的游戏»。Расширение стран БРИКС: *игра*, способная изменить мировую геополитическую архитектуру. (新华社, 30.06.2024). В рассмотренном примере (45) расширение БРИКС предстает как стратегический ход в масштабном геополитическом состязании, в котором меняются правила взаимодействия между государствами. Образ игры подчеркивает состязательный характер БРИКС. Включение новых стран в альянс трактуется как маневр, способный переломить сложившийся баланс и открыть новые возможности для участников.

(46) «当初金砖国家这一概念的形成也许只是个文字游戏，纯属偶然，但其发展合作的美好前景却是一个必然»。 *Возможно, формирование концепции БРИКС было всего лишь игрой слов, но ее блестящие перспективы развития и сотрудничества неизбежны.* (中国新闻网, 21.03.2012). В метафорическом выражении «金砖国家只是个文字游戏» (БРИКС – это всего лишь игра слов) (46) подчеркивается двойственность происхождения и развития концепции БРИКС. Изначально само название объединения возникло как игра слов, английская аббревиатура BRIC фонетически и графически напоминает слово brick – «кирпич». Такое языковое сходство позволило представить страны-участницы как «кирпичи», закладывающие фундамент новой архитектуры мировой экономики. Со временем «игра слов» приобрела реальный смысл, и БРИКС превратился в значимый механизм взаимодействия.

(47) «然而想改变当下的国际金融秩序，哪有那么容易，这就好比进行一场大型的国际象棋比赛，每走一步都得把各种影响因素考虑到，金砖国家在这场较量中能否取得优势，还真不好说呢»。 *Однако изменение существующего международного финансового порядка – задача не из легких. Это похоже на проведение масштабного шахматного турнира, каждый ход требует учета различных факторов. Смогут ли страны БРИКС одержать верх в этом состязании, пока неясно* (环球时报, 30.06.2024). В иллюстрируемом контексте (47) сложный процесс изменения финансового порядка уподобляется масштабному шахматному турниру «国际象棋比赛». В рамках этой метафоры страны БРИКС предстают как участники турнира, которые должны не только мастерски просчитывать свои ходы, но и координировать действия внутри команды, чтобы противостоять устоявшимся «игрокам» мировой финансовой системы.

(48) «金砖国家成为全球经济的领跑者»。 *Страны БРИКС стали лидерами (досл. ведущими в беге) мировой экономики* (人民日报, 28.03.2013).

Метафорическая единица «领跑者» (главный бегун/лидер забега) создает образ динамичного соревнования в сфере мировой экономики. Метафора визуализирует экономическое развитие как марафон, в котором страны БРИКС выходят в лидеры и опережают других участников, задают темп и демонстрируют высокую скорость роста.

Спортивные и игровые метафоры в китайском политическом дискурсе моделируют взаимодействие стран БРИКС с остальным миром как состязание, в котором ключевыми элементами выступают стратегия и умение координировать действия, а не прямое противоборство. Успех БРИКС видится не через нанесение ущерба сопернику, а через грамотное использование собственных ресурсов, последовательное достижение целей и выстраивание новых правил взаимодействия в глобальной системе.

2.3.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Физиология»

Функционирование физиологических метафор в политическом дискурсе всесторонне исследуется лингвистами разных стран [Аржанова, 2019; Бабкина, 2017; Вершинина, 2002; Димитриева, 2019; Лаврищева, 2018; Телешева, 2006; Телия, 2006; Солопова, 2016; Чудинов, 2001; Culpeper, 2011; Musolff, 2003, 2010, 2014, 2017, 2019; Wodak, 2015].

Лингвистические исследования показали, что метафора «государство как организм» или «организация как организм» – один из древнейших и продуктивных способов репрезентации сложных социальных структур. Человек привычно осмысливает коллективные образования по аналогии с живым телом, где каждый элемент выполняет определенную функцию. БРИКС как межгосударственное объединение также регулярно осмысляется через призму физиологической метафоры: пятисторонний формат естественным образом «наводит» на образ «тела», состоящего из пяти «частей» (стран-участниц), каждая из которых вносит свой вклад в жизнедеятельность целого. Метафорическая модель БРИКС – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ

(10,9%) в китайском политическом дискурсе представлена двумя фреймами. Фрейм «Тело (организм)» с единицей «躯干» (тело); фрейм «Физиологические органы», включающий следующие единицы: «声音» (голос), «血液» (кровь), «手» (рука), «手指» (палец), «拳头» (кулак), «肌肉» (мышцы), «肩膀» (плечо) (Табл. 8).

Таблица 8. Физиологическая метафора в китайском политическом дискурсе

Тело (организм)	躯干 тело
Физиологические органы	声音 голос 血液 кровь 手 рука 手指 палец 拳头 кулак 肌肉 мышцы 肩膀 плечо

(49) «这次金砖会晤，也是广大发展中国家联合发出的一种**声音**，即共同呼吁美国及其盟友，停止其近期政策所造成的经济混乱和金融分裂»。
*Эта встреча БРИКС также является совместным **голосом** подавляющего большинства развивающихся стран, которые должны совместно призвать Соединенные Штаты и их союзников положить конец экономическому хаосу и финансовому размежеванию, вызванным их недавней политикой.* (人民日报, 29.06.2022). Анализируемая метафора «声音» (голос) (49) обозначает способность БРИКС формулировать и озвучивать общие позиции стран-участниц на международной арене. Следующие примеры метафор (50–52) связаны с частями тела человека.

(50) «我们站在金砖巨人的**肩膀**上，终有一日我们会接过金砖的传承，实现人类命运共同体的祈愿，铸就世界大同的盛世»。
*Мы стоим на **плечах** гиганта БРИКС и однажды продолжим его дело, чтобы воплотить мечту о сообществе единой судьбы человечества и приблизить эпоху всеобщего единения, мира и процветания.* (人民网, 30.06.2024). В примере (50) единица «

肩膀» (плечо) участвует в создании образа БРИКС как прочной коллективной опоры. Выражение «стоять на плечах гигантов» актуализирует представление о преемственности: последующее развитие возможно благодаря достигнутым результатам, накопленному опыту и авторитету объединения. «Плечи гиганта БРИКС» обозначают не только основание для дальнейшего роста стран-участниц объединения, но и точку опоры для движения к будущему мироустройству. Прежние достижения БРИКС репрезентируются как ресурс, позволяющий связать деятельность объединения с более широкой идеей сообщества единой судьбы человечества.

(51) «习近平主席曾生动地比喻, “金砖国家就像五根手指, 伸开来各有所长, 攥起来就是一只拳头”。Председатель КНР Си Цзиньпин однажды образно сравнил страны БРИКС с пятью **пальцами**: по отдельности каждый из них обладает своими преимуществами, а вместе, сжатые в **кулак**, они становятся единой силой. (人民网, 12.07.2015)» [Ловчикова, 2025, с. 223]. Метафорический образ «五根手指; 一只拳头» (пять пальцев и кулак), предложенный председателем КНР Си Цзиньпином в примере (51), наглядно передает внутреннюю логику БРИКС. С одной стороны, страны-участницы сохраняют самостоятельность, своеобразие и собственные конкурентные преимущества: каждая из них подобна отдельному пальцу, имеющему свою форму, функцию и силу. С другой – при согласованных действиях эти разрозненные элементы объединяются и образуют «кулак» – символ коллективной мощи, сплоченности и возросшего международного влияния БРИКС. Позднее метафора «пяти пальцев и кулака» получила развитие в высказывании китайского дипломата и государственного деятеля Ван И (王毅).

(52) «说到金砖国家, 王毅外长用 “摊手握拳” 的动作, 形象形容了金砖五国的关系». Когда речь зашла о странах БРИКС, министр иностранных дел Ван И с помощью жеста «раскрытая ладонь – сжатый **кулак**» образно охарактеризовал отношения между пятью государствами объединения. (央

广网, 08.03.2017). В высказывании Ван И образ «摊手握拳» строится на противопоставлении раскрытой ладони и сжатого кулака. Раскрытая ладонь связана с готовностью БРИКС к диалогу, взаимодействию и привлечению новых партнеров. Сжатый кулак, напротив, актуализирует идею внутренней консолидации: страны-участницы, сохраняя самостоятельность, способны объединять усилия и выступать как единый субъект международной политики.

(53) «金砖国家拥有强大“肌肉”, 不会因金融“绞索” 屈服»。У стран БРИКС крепкие **мышцы** – им не страшна финансовая «петля». (观察者网, 25.10.2024). Метафорическое выражение «强大 “肌肉” » (крепкие мышцы) применительно к странам БРИКС акцентирует внимание на экономической мощи и устойчивости объединения. Метафора в примере (53) указывает на то, что страны-участницы обладают достаточными внутренними ресурсами и силой для сохранения самостоятельности в мировой политике и противодействия одностороннему воздействию. Единица «绞索» (петля для висельника) несет негативную коннотацию и метафорически обозначает инструмент принуждения и финансового удушения [Большой китайско-русский словарь bkrs.info]. Использование такого отрицательного образа подчеркивает восприятие финансовых механизмов (санкций, ограничений, давления) как смертельной угрозы, от которой БРИКС успешно защищается благодаря своей силе.

Физиологические метафоры в китайском политическом дискурсе о БРИКС формируют целостное представление об объединении как о живом организме с внутренней структурой и функциональными связями. Метафоры акцентируют идеи единства, силы и способности к совместным действиям.

2.3.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных»

Зооморфная метафора на протяжении десятилетий привлекает внимание лингвистов, особенно в контексте политического дискурса [Агафонова, 2011; Бабкина, 2017; Будаев, Тихонов, 2016; Жаковска, 2010; Жельвис, 1999; Баранов, Караулов, 1991; Керимов, 2013а; Коптяева, Шустрова, 2021; Линь, 2018; Феденева, 1998; Ци, Куприянова, 2022; Solopova, Nilsen, Nilsen, 2023].

Зооморфные образы – одна из наиболее традиционных понятийных сфер, используемых в политической метафорике. Мир живой природы служит одним из ключевых источников метафоризации, так как на протяжении истории человек осознавал свою связь с ней и использовал природные образы как ориентиры для понимания социальных процессов и своего места в обществе [Чудинов 2001, с. 132].

В китайском политическом дискурсе метафорическая модель БРИКС – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ (9,7%) имеет два фрейма. Фрейм «Состав царства животных», слот «собственно животные», который представлен единицами «牛» (бык), «马» (лошадь/конь), «虎» (тигр), «龙» (дракон), «鲸鱼» (кит), «狼» (волк), «羊» (баран/овца). Фрейм «Части тела животных», слот «крылья и хвост» представлен единицей «翅膀» (крыло) (Табл. 9).

Таблица 9. Зооморфная метафора в китайском политическом дискурсе

Состав царства животных	牛 бык 马 лошадь/конь 虎 тигр 龙 дракон 鲸鱼 кит 狼 волк 羊 баран/овца
Части тела животных	翅膀 крыло

Обнаруженные зооморфные метафоры имеют преимущественно положительные коннотации.

(54) «是五头遒劲的**奔牛**，更像五匹飞腾的**骏马**，金砖国家不断增强的实力和喷发的活力，让世界充满了期待»。Подобно пяти могучим мчащимся

быкам или, скорее, пяти благородным *скакунам*, растущая мощь и взрывная энергия стран БРИКС наполнили мир ожиданием. (共产党员网, 05.12.2012).

В приведенном примере (54) метафорические единицы «*奔牛*» (мчащийся бык) и «*骏马*» (благородный скакун/резвый конь) наделяют страны БРИКС качествами мощи, динамики и неудержимого движения вперед. «Могучие мчащиеся быки» подчеркивают физическую силу и устойчивость, а «резвые кони» – стремительность, энергию и устремленность в будущее. Такой двойной зооморфный образ усиливает экспрессию, передавая идею устойчивого и целенаправленного развития БРИКС в глобальной политике.

(55) «只要我们心往一处想、劲往一处使，金砖国家将展开腾飞的翅膀，飞得更快更远»。Пока мы будем едины в своих взглядах и будем работать вместе, страны БРИКС расправят **крылья** и полетят быстрее и дальше. (人民日报, 17.07.2014). Метафорическое словосочетание «*腾飞的翅膀*» (55) (крылья, стремительно взмывающие ввысь) репрезентирует потенциал стремительного развития стран БРИКС. Метафора указывает на то, что успех объединения возможен лишь при единстве взглядов и совместных усилиях – именно они «расправляют крылья» БРИКС. Образ «крыльев» сохраняется и в следующем примере (56), в котором «крылья» служат средством приумножения силы.

(56) «外交部：金砖“中国年” 正式启动 希望金砖合作能“如虎添翼” “龙腾虎跃”»。Министерство иностранных дел: «Год Китая» в рамках БРИКС официально начался; мы надеемся, что сотрудничество в рамках БРИКС будет «подобно **тигру** с крыльями» и «возвысится, как **дракон**». (央视 19.01.2022). Идиоматическое выражение «*如虎添翼*» (56) (досл. как если бы тигру еще и крылья добавить; *обр. в знач.*: с удвоенной силой) означает резкое усиление возможностей [Большой китайско-русский словарь bkrs.info]. Сам по себе тигр силен, но крылья дают ему новые качества, такие как скорость, маневренность и способность охватить гораздо большее пространство, что

символизирует качественный скачок в развитии сотрудничества БРИКС. Второе идиоматическое выражение «龙腾虎跃» (56) (досл. дракон взлетает, тигр прыгает; *обр. в знач.*: полон сил и энергии) создает образ совместного стремительного движения [Большой китайско-русский словарь bkrs.info]. Дракон воплощает величие, небесную силу и имперскую удачу, а тигр – земную мощь; вместе они передают идею гармоничного сочетания разных видов силы. В рамках официального заявления МИД (56) зооморфные метафоры в дискурсе о БРИКС передают надежду на то, что сотрудничество обретет гармоничное сочетание, – будет одновременно масштабным по замыслу и энергичным в реализации, и выйдет на новый уровень влияния в мировой политике и экономике.

(57) «吴海龙: 金砖国家不是被吓大的, 不能有狼叫就不养羊了»。У Хайлун: Страны БРИКС не из тех, кого можно запугать; нельзя перестать разводить **овец** только потому, что воют **волки**. (观察者网, 20.07.2025). Китайский дипломат У Хайлун использует две взаимосвязанные метафорические единицы: «狼» (волки) и «羊» (овцы). БРИКС не намерен менять свой курс (перестать разводить овец) из-за внешнего давления (волки воют). Метафора подчеркивает устойчивость и решимость стран БРИКС не поддаваться на запугивание или давление со стороны внешних сил, продолжая следовать своим интересам и целям.

В китайском политическом дискурсе о БРИКС зооморфные метафоры выстраиваются в рамках единого фрейма «состав царства животных», но наполняются разными образными единицами. Несмотря на различие конкретных зооморфных образов, все они несут сходные коннотации. Метафоры подчеркивают силу, мощь, устойчивость и динамизм, формируя позитивный образ БРИКС как энергичного и влиятельного игрока на мировой арене.

2.3.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир неживой природы»

В работах по политической метафорике неоднократно отмечалось, что образы неживой природы используются при описании государств, межгосударственных объединений и международных процессов [Будаев, 2023; Буженинов, 2023; Каган, 2010; Ольховикова, 2007, 2008; Савченко, 2025; Чудакова, 2005; Di Sparti, 1995; Hernández, 2004]. В китайском политическом дискурсе модель БРИКС – ЭТО МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ связана прежде всего с вопросами экономического взаимодействия, международной реакции на появление нового политического игрока и значимости сотрудничества суверенных стран-участниц.

В китайском политическом дискурсе метафорическая модель (5,6%) включает такие единицы, как «星» звезда, «空气» воздух, «珍珠» жемчужина, «源泉» источник, «石» камень, «风» ветер, «雨» дождь и др. Рассмотрим подробнее примеры.

(58) «论坛开幕带来了“新鲜空气”，将为价值链的发展提供机会，并成为一个专注于合作、伙伴关系和未来进步的平台»。Открытие форума (деловой форум БРИКС. – прим.) внесло «свежий **воздух**», создало возможности для развития цепочек стоимости и стало площадкой, ориентированной на сотрудничество, партнерство и дальнейшее развитие. (人民网, 30.06.2022). Метафора «свежего воздуха» обычно связана с представлением об обновлении, выходе из застойного состояния и появлении новых возможностей. В (58) она моделирует ситуацию, в которой традиционные формы международного взаимодействия воспринимаются как исчерпавшие свой потенциал или утратившие актуальность. Поэтому «свежий воздух» обозначает не просто положительную оценку события, а ожидание нового импульса, способного оживить сотрудничество и изменить сложившуюся повестку.

(59) «本月 16 日在俄罗斯叶卡捷琳堡举行的、有史以来首届“金砖四国”峰会，在国际舆论中一石激起千层浪»。Первый в истории саммит БРИК, состоявшийся 16 июня в Екатеринбурге, вызвал в международной общественности эффект «камня, породившего тысячу волн». (中国新闻网, 23.06.2009). В (59) благодаря выражению «一石激起千层浪» – «один камень поднимает тысячу волн» – фокус внимания смещается с самого саммита на вызванную им реакцию: объединение еще только институционально оформляется, но уже воспринимается как фактор, способный изменить баланс сил в мировой политике и вызвать заметные трансформации в международном порядке.

(60) «金砖五国如同散落在全球的 5 颗珍珠，把它们串起来就会成为闪烁异彩的项链»。Пять стран БРИКС подобны жемчужинам, рассыпанным по всему миру; соединенные вместе, они образуют ожерелье, переливающееся разными оттенками». (共产党员网, 05.12.2012). В (60) развернутая метафора неживой природы используется для моделирования образа БРИКС как объединения самостоятельных и равноценных партнеров. Каждая страна представлена отдельной «жемчужиной» – особенной, уникальной и ценной. Однако только объединение превращает отдельные «жемчужины» в целостную композицию – «ожерелье»; лишь нанизанные вместе они «переливаются разными оттенками». Многообразие, таким образом, трактуется не как препятствие для единства, а как условие его «эстетической» и функциональной цельности. Метафора интегрирует смыслы самостоятельной ценности каждого государства и значимости их совместного участия в БРИКС, т.е. единства в многообразии: объединение концептуализируется как структура, в которой суверенная идентичность каждого участника не поглощается коллективным целым, а получает в нем дополнительное измерение.

В рассмотренных примерах природоморфные метафоры несут положительную смысловую нагрузку, репрезентируя БРИКС как

объединение, обладающее потенциалом изменить расстановку сил в геополитике, способное придать международному сотрудничеству новое направление, при этом сохраняющее ценность, суверенность и идентичность каждого государства-участника. Тем самым метафоры создают образ нового мирового порядка, в котором БРИКС выступает в роли одного из системообразующих элементов.

2.3.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Физические свойства»

Единицы метафорической модели БРИКС – ЭТО МИР ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ (4,8%) в китайском политическом дискурсе репрезентируют объединение как самостоятельную силу, способную направлять, ускорять и переопределять взаимодействие государств Глобального Юга. Модель представлена следующими метафорическими единицами: «磁石» (магнит), «光» (луч), «催化剂» (катализатор), «力量» (сила), «驱动力 / 推动力» (движущая сила) и др. Фреймы не выявлены.

(61) «金砖与全球南方: 引起发展中国家的磁石». БРИКС и Глобальный Юг: **магнит** для развивающихся стран. (新华网, 26.10.2024). Метафора «磁石» (магнит) подчеркивает одновременно рост статуса БРИКС и углубление его связей с Глобальным Югом: объединение становится центром политического и экономического притяжения, вокруг которого выстраиваются новые форматы сотрудничества. БРИКС притягивает за счет того, что предлагает развивающимся государствам иной формат участия в мировой политике – равноправный, открытый и связанный с перспективой реального влияния. Поэтому образ магнита подчеркивает не только интерес к БРИКС, но и изменение его статуса: из объединения пяти стран оно постепенно превращается в значимый центр политического и экономического притяжения для Глобального Юга.

(62) «在国际体系中，发展中国家的话语权正在下降，因此它们希望打破束缚，寻求一个在应对全球事务时更加公平公正的体系。在这一背景下，发展中国家将金砖视为“机遇之光”»。В международной системе голос развивающихся стран становится все менее заметным, поэтому они стремятся преодолеть существующие ограничения и найти более справедливую и равноправную систему решения глобальных вопросов. В этом контексте развивающиеся страны рассматривают БРИКС как луч возможностей. (今日中国, 06.11.2024).

В дискурсе о БРИКС метафора «机遇之光» (луч возможностей) [Большой китайско-русский словарь bkrs.info] ассоциируется с переходом от ограниченности и неопределенности к перспективе, выбору и надежде на позитивные изменения. В примере (62) метафора передает ожидание нового этапа, включающего преодоление зависимости от сложившихся центров силы, поиск более справедливых правил взаимодействия и осознание развивающимися странами своей коллективной роли в мировом порядке. «Луч» выступает как источник освещения будущего, в котором развивающиеся государства видят возможность более активного участия в формировании мирового порядка.

(63) «金砖国家是塑造国际格局的重要力量»。БРИКС представляет собой значимую **силу**, влияющую на формирование международного порядка. (人民日报, 29.06.2024). Метафора «金砖是力量» (БРИКС – это сила) закрепляет за объединением статус самостоятельного участника международных процессов, обладающего способностью последовательно продвигать свои цели, несмотря на внешнее давление.

В китайском политическом дискурсе о БРИКС широко используются положительно окрашенные метафоры, связанные с физическими свойствами и воздействием. Объединение репрезентируется как источник направленного движения: БРИКС притягивает новых партнеров, инициирует и углубляет сотрудничество, усиливает позиции развивающегося мира и задает импульс

трансформациям международной системы. Такие метафоры подчеркивают способность БРИКС влиять на международные процессы, объединять вокруг себя участников и менять расстановку сил.

2.3.6. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир растений»

В современной лингвистике метафоры растительного мира входят в число устойчивых средств описания социальной и политической реальности. Их исследуют на материале разных типов дискурса – от спортивного и религиозного [Каранкевич, 2013; Суспицына, Силенко, 2013] до политического [Андрейченко, 2017; Соловьева, 2014; Чудинов, 2001]. Для настоящего исследования существенно наблюдение Т.С. Вершининой: фитоморфная метафорика, как правило, не несет резко отрицательной оценки; напротив, она связана с представлениями о естественном росте, развитии и взаимосвязи природных и общественных процессов [Вершинина, 2002, с. 14].

В китайском дискурсе о БРИКС метафорическая модель БРИКС – ЭТО ЦАРСТВО РАСТЕНИЙ (3,1%) реализуется с помощью единиц «培育» (выращивание), «成果» (плоды), «深植» (глубокие корни), «蓬勃» (цветущий) и др.

(64) *«我们始于 2006 年的合作进程已经**培育**出互尊互谅、平等相待、团结互助、开放包容、互惠互利的金砖精神，这是我们的宝贵财富和金砖国家合作不竭的力量源泉»。 Начавшийся в 2006 году процесс сотрудничества уже **взрастил** дух БРИКС, основанный на взаимном уважении и взаимопонимании, равном отношении друг к другу, сплоченности и взаимной поддержке, открытости и инклюзивности, взаимной выгоде. (新华社, 04.09.2017).*

В примере (64) лексема «培育» (выращивание) переносит на сферу международного сотрудничества представление о длительном выращивании.

«Дух БРИКС» здесь не предстает как заранее заданная формула. Напротив, он показан как результат накопленного опыта взаимодействия, который складывался с 2006 года. Фитоморфная метафора позволяет подчеркнуть постепенность этого процесса: общие принципы сотрудничества не возникают одномоментно, а формируются в ходе совместной работы стран-участниц. Поэтому образ «вращения» связан не только с развитием БРИКС как института, но и с оформлением его ценностной основы.

(65) «我们对合作取得的丰硕**成果**感到满意，包括成立新开发银行（NDB）和应急储备安排（CRA），通过安全事务高级代表会议、外长会晤等加强政治安全合作，深化五国人民的传统友谊等»。Мы удовлетворены богатыми результатами (**плодами**), достигнутыми в ходе сотрудничества, включая создание НБР и Пула условных валютных резервов. Мы рады укреплению сотрудничества в политической сфере и сфере безопасности через встречи высоких представителей по вопросам безопасности, встречи министров иностранных дел и другие механизмы, а также углублению традиционной дружбы народов пяти стран. (新华社, 04.09.2017).

Метафорическое выражение «丰硕成果» связано с образом созревших плодов. Речь идет уже не о становлении БРИКС, а о конкретных итогах сотрудничества. В декларации перечисляются институциональные результаты: Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, Стратегия экономического партнерства, политико-безопасное взаимодействие и гуманитарные связи. Поэтому метафора «плодов» акцентирует практическую отдачу от совместной работы. Сотрудничество БРИКС оценивается как продуктивный процесс, который уже принес видимые результаты и может быть представлен как успешный опыт коллективного действия.

(66) «我们将拓展全方位人文交流，鼓励社会各界广泛参与金砖合作，促进各国文化和文明的互学互鉴，让金砖伙伴关系的理念**深植**于民心»。Мы будем расширять всесторонние гуманитарные обмены, поощрять широкое

участие всех слоев общества в сотрудничестве БРИКС, содействовать взаимному изучению и взаимному обогащению культур и цивилизаций разных стран, углублять традиционную дружбу, чтобы идея партнерства БРИКС укоренилась в сердцах людей. (新华社, 04.09.2017).

Выражение «深植» связано с образом укоренения. В данном случае (66) речь идет не о формальных институтах БРИКС, а о социальной основе сотрудничества. Идея партнерства должна быть не только закреплена в официальных документах, но и воспринята народами стран-участниц. Метафора корня здесь указывает на глубину закрепления: устойчивость БРИКС зависит не только от решений лидеров и работы межгосударственных механизмов, но и от того, насколько сама идея партнерства становится частью общественного восприятия.

(67) *«我们生活在数字经济时代，已准备好利用数字经济为全球增长带来的机遇，并应对有关挑战。我们将采取行动为数字经济繁荣和蓬勃发展创造条件，促进世界经济发展并惠及所有人»。Мы живем в эпоху цифровой экономики и готовы использовать возможности, которые цифровая экономика открывает для глобального роста, а также отвечать на связанные с ней вызовы. Мы будем предпринимать действия для создания условий процветания и бурного (процветающего) развития цифровой экономики, содействовать развитию мировой экономики и приносить пользу всем людям. (新华社, 04.09.2017).*

В примере (67) выражение «蓬勃发展» передает развитие как интенсивный рост. В современном политическом языке оно часто воспринимается как устойчивое обозначение динамичного развития, однако его образная основа сохраняет связь с растительным миром: 蓬勃 соотносится с пышным, энергичным разрастанием. В контексте БРИКС эта метафора используется применительно к цифровой экономике и подчеркивает не заверченный результат, а расширяющийся потенциал

сотрудничества. Речь идет о создании условий, при которых новое направление взаимодействия сможет развиваться активно и продуктивно.

Таким образом, фитоморфная модель в китайском дискурсе о БРИКС представлена преимущественно образами выращивания, плодоношения, укоренения и роста. С их помощью сотрудничество стран-участниц описывается как процесс, имеющий временную глубину и практическую отдачу. Метафоры «培育», «成果», «深植», «蓬勃» имеют положительную оценочную направленность: они позволяют представить БРИКС как объединение, которое постепенно формирует собственные ценностные основания, приносит конкретные результаты, закрепляется в общественном сознании и сохраняет потенциал дальнейшего развития.

2.3.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Артефакт»

Исследовательский интерес к артефактной метафоре обусловлен тем, что созданные человеком предметы часто служат основой для концептуализации и осмысления социальных, политических, культурных явлений. В фокусе внимания ученых находятся различные аспекты функционирования артефактных метафор, их оценочный потенциал [Биюмена, 2017; Балашова, 2021; Керимов, 2005; Куранова, Гаврютина, 2025; Никонова, 2004; Омарова, 2021; Павлиашвили, 2025; Пономарева, Курбанова, 2019].

В китайском политическом дискурсе метафорическая модель БРИКС – ЭТО АРТЕФАКТ (2,4%) реализуется с помощью таких метафорических единиц, как «灯» (лампа / фонарь), «工具» (инструмент), «锚» (якорь), «钥匙» (ключ) и др.

(68) «金砖是一盏明灯, 可以领导这个世界走向和谐, 和平, 合作与共同的发展»。БРИКС – это яркий **фонарь**, который указывает миру путь к гармонии, миру, сотрудничеству и совместному развитию. (明光日报,

21.04.2023). Метафорическая единица «明灯» (светлый / яркий фонарь) в примере (68) репрезентирует БРИКС как ориентир, задающий направление мирового развития и указывающий странам-участницам путь к заявленным целям.

(69) «习近平: 金砖国家要做世界经济稳定之**锚**, 国际和平之盾»。Си Цзиньпин: страны БРИКС призваны стать **якорем** мировой экономической стабильности и защитным щитом международного мира. (新华社, 16.07.2014). В примере (69) метафоры создают представление об объединении как о силе, способной выполнять стабилизирующую и защитную функцию в международной системе. С помощью метафоры «锚» (якорь) БРИКС наделяется ролью ответственного международного актора, который не только участвует в изменении мировой системы, но и обеспечивает ее устойчивость, равновесие и безопасность.

(70) «金砖国家已经创立了两个最重要的工具 其一是新开发银行 (NDB) 和应急储备安排 (CRA)»。К числу важнейших **инструментов**, созданных странами БРИКС, относятся Новый банк развития (NDB) и Пул условных валютных резервов (CRA). (观察者网, 22.04.2023). В примере (70) метафора «最重要的工具» (самый важный инструмент) подчеркивает функциональность институтов: они создаются для решения определенных задач – поддержки развития, финансирования проектов, укрепления финансовой устойчивости и снижения зависимости от внешних механизмов регулирования. Влияние БРИКС связывается с наличием созданных финансовых инструментов, с помощью которых страны-участницы могут усиливать свою роль в мировой экономике.

В китайском политическом дискурсе о БРИКС артефактные метафоры не относятся к числу частотных. Вместе с тем они занимают важное место в формировании положительного образа БРИКС: объединение репрезентируется как опора стабильности, средство защиты мира и источник институциональных решений в мировой экономике.

Выводы по главе 2

Для составления словника китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор был проведен анализ общих метафорических моделей для политических дискурсов Китая и России, а также проанализированы специфичные модели для китайского политического дискурса. Метафоры в российском политическом дискурсе рассматривались в функции ориентира для поиска корректных переводных эквивалентов с китайского языка на русский язык.

С помощью метода сплошной выборки, с привлечением инструментов корпусной лингвистики и ручной обработки материала из равнообъемных выборок (1000 текстов для каждого языка) отобраны 164 метафоры (дискурс Китая) и 102 метафоры (дискурс России). Источником послужили популярные новостные сайты и авторитетные электронные СМИ Китая и России. Созданы системы метафорических моделей, включающие пять общих моделей со сферой-мишенью «БРИКС» и семь специфичных моделей для китайского дискурса, произведена их количественная обработка.

Выявлено, что общими метафорическими моделями со сферой-мишенью «БРИКС» в двух дискурсах выступают метафоры со сферой-источником «Путь», «Дом», «Механизм», «Родство» и «Война». «Путь» и «Дом» являются доминантными моделями в рассматриваемых дискурсах. Сфера-источник «Путь» представлена фреймами: «Виды пути» (слот «путь в целом»), «Участники пути», «Маршрут» (слот «средство перехода / соединительный элемент»), «Передвижение в пространстве». Доминирование метафоры «Путь» может объясняться ее архетипической универсальностью. Образ пути как траектории движения к цели глубоко укоренен в обеих лингвокультурах. В политическом дискурсе она позволяет представить БРИКС как объединение, целенаправленно движущееся к цели построения многополярного мира.

Сфера-источник «Дом» включает два фрейма: «Конструкция дома» со слотом «общая конструкция здания» и «Строительство, ремонт и разрушение

дома», включающий два слота: «строительство дома» и «строительные материалы». Метафора со сферой-источником «Дом» занимает центральное место, как и «Путь», поскольку дом ассоциируется с защищенностью, стабильностью и единством ценностей, которые важны для позиционирования БРИКС как пространства безопасного сотрудничества.

В ходе анализа также было отмечено, что в метафорической модели «Родство» частотной метафорической единицей является лексема «семья», так как семья наиболее полно отражает идею тесных, доверительных и долгосрочных отношений между странами-участницами БРИКС.

Специфичные метафорические модели в китайском политическом дискурсе включают следующие сферы-источники: «Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений», «Артефакт».

В ходе исследования семи метафорических моделей китайского политического дискурса модель «Игра и спорт» была определена как частотная. Она активно используется при концептуализации международных отношений и роли БРИКС. Модель включает три фрейма: «Виды игры и спорта» с двумя слотами: «игра вообще», «командные спортивные игры»; «Квалификация спортсменов» и «Правила игры». Метафора игры и спорта позволяет представить взаимодействие стран в рамках объединения БРИКС и их позицию на мировой арене как стратегическое состязание с определенными правилами. Успех здесь зависит от координации действий, продуманной тактики и способности совместно формировать новые условия глобального взаимодействия.

Наименее частотными моделями в китайском политическом дискурсе стали модели со сферами-источниками «мир растений» и «артефакт». В настоящий момент их потенциал развертывания и частотность использования остаются на относительно невысоком уровне. Это может быть связано с тем, что метафоры транслируют идеи постепенного развития и функциональной устойчивости, которые не всегда оказываются приоритетными при описании

динамичных политических процессов. При этом данные модели сохраняют свою нишу в дискурсе, дополняя общую систему метафорических средств.

Исследование показало, что в метафорических моделях китайского политического дискурса превалируют положительно окрашенные метафоры.

ГЛАВА 3. МАКРОСТРУКТУРА И МИКРОСТРУКТУРА КИТАЙСКО-РУССКОГО ДИСКУРСИВНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР

3.1. Макроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор

Под макроструктурой словаря понимается тип организации корпуса лексикографического издания [Дятко, 2020, с. 24]. Макроструктура охватывает общее оформление словаря, включая наличие предисловия и руководства по использованию. Она также определяет способ организации основного корпуса (алфавитный, тематический и др.) и предусматривает включение вспомогательных элементов: помет, списка сокращений, приложений и дополнительных справочных материалов. Проблемой разработки макроструктуры словаря занимались многие ученые для всех типов лексикографических изданий, как для мооязычных [Алешина, 2013; Крючкова, 2018] и двуязычных [Балканов, 2017; Беленчикова, 2022; Квон, Никитина, Рогалева, 2025; Недоспасова, 2010], так и для полиязычных [Солопова, 2025].

Тип предлагаемого словаря определяется его методологической и функциональной спецификой. Будучи *переводным*, он нацелен на установление межъязыковых соответствий между китайскими и русскими метафорическими единицами, что обеспечивает их адекватное понимание и интерпретацию. *Справочная* функция ориентирует словарь на пользователя. Систематизированное представление материала позволяет быстро находить нужные метафоры и их значения. *Аналитический* характер словаря проявляется в том, что он не просто фиксирует метафоры, а раскрывает их семантику, функции и концептуальные основания, анализирует их контекстуальное окружение. *Дискурсивная* направленность словаря подчеркивает фокус на реальном функционировании метафор в политическом

дискурсе с учетом экстралингвистического контекста и идеологической нагруженности. Наконец, тематическое поле словаря задается фокусом на *политических* метафорах, что отражает его задачу анализировать языковые средства репрезентации политической реальности.

Целевая аудитория словаря – русскоязычные специалисты, работающие с китайскими политическими и массмедийными текстами: лингвисты, политологи, журналисты-международники, переводчики и редакторы, а также исследователи межкультурной коммуникации. Практическая задача словаря состоит в том, чтобы обеспечить интерпретацию метафорических образов в китайском политическом дискурсе с опорой на русскоязычную научную традицию описания метафор, а также содействовать точному переводу и аналитическому чтению текстов политического и массмедийного дискурсов.

Рассмотрим макроструктуру китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.

Реализация любого словарного проекта предполагает отбор и обработку материала в соответствии с избранной методологией и с учетом релевантности включаемой информации. Тематический принцип состоит в отборе метафор, сферой-мишенью которых выступают БРИКС и его деятельность.

Хронологический принцип предполагает ограничение корпуса периодом с 2006 года по настоящее время. Первая неформальная встреча в рамках формата БРИК (BRIC) состоялась в Санкт-Петербурге в 2006 году. Она прошла в сентябре на полях Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ); в ней приняли участие министры экономики Бразилии, России, Индии и Китая. Данное событие принято считать начальным этапом основания БРИК, заложившим основу для дальнейшего институционального развития объединения.

Частотный принцип дает возможность зафиксировать релевантные метафоры, сквозь призму которых осмысливается деятельность БРИКС. Частотность рассматривается как индикатор конвенциональности: чем

регулярнее воспроизводится метафорическая единица, тем выше вероятность ее дискурсивной значимости.

Методика отбора материала для исследования подробно описана в главе 2. По итогам классификации выявленных метафор по сферам-источникам была сформирована система метафорических моделей, отражающая основные способы концептуализации деятельности БРИКС в современном китайском политическом дискурсе. Двенадцать выявленных сфер-источников метафоризации включают следующие: «Путь», «Дом», «Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Механизм», «Родство», «Война», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений», «Артефакт». Эти модели легли в основу организации словника и структуры словарных статей китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.

Расположение метафорических моделей в словаре не следует алфавитному принципу; они упорядочены по убыванию частотности употребления в политическом дискурсе КНР. Частотность определяется количеством метафорических единиц, входящих в каждую модель: чем больше метафор зафиксировано в рамках той или иной сферы-источника, тем выше ее позиция в общей иерархии. Такой подход позволяет акцентировать внимание пользователя на наиболее продуктивных и репрезентативных способах концептуализации БРИКС. Если под частотностью понимается количество употреблений метафорической единицы в корпусе, то репрезентативность – более широкое понятие. Это способность единицы представлять определенную метафорическую модель. При ее определении учитывались повторяемость единицы в разных текстах, регулярность ее связи с одной сферой-источником и дискурсивная значимость для репрезентации образа БРИКС. Степень репрезентативности метафорической единицы определялась на основе совокупности количественных и качественных признаков: частотности употребления, повторяемости в разных текстах иллюстративного корпуса, устойчивости связи со сферой-источником, принадлежности к выявленной метафорической модели и дискурсивной

значимости для описания образа БРИКС. Корпус словаря сформирован из 102 наиболее репрезентативных метафорических единиц, представленных существительными, что соответствует формуле метафорической модели «Х есть (или подобно) Y», например, «БРИКС – это ДОМ».

Из них 94 метафорические единицы распределены по 12 моделям, указанным выше. Остальные 8 метафорических единиц включены в отдельную категорию – «другие» сферы-источники.

Количественные данные по распределению метафор по сферам-источникам представлены в табл. 10.

Таблица 10. Количественные данные по распределению метафор по сферам-источникам в китайском политическом дискурсе

Сфера-источник	Количество метафор
Путь	18 %
Дом	14 %
Игра и спорт	10 %
Физиология	8 %
Мир животных	8 %
Механизм	7 %
Родство	6 %
Война	6 %
Мир неживой природы	5 %
Физические свойства	5 %
Мир растений	3 %
Артефакт	3 %
Другие	7 %

Порядок расположения метафорических моделей определялся комплексно. Во-первых, по общему количеству входящих в них метафор, во-вторых, по числу иллюстративных примеров. При равной частотности преимущество получали те модели, в которых метафоры были представлены

наиболее репрезентативными контекстами употребления в политическом дискурсе КНР.

Словарь включает 13 разделов, сформированных в соответствии с выявленными метафорическими моделями. Каждый раздел посвящен отдельной сфере-источнику. Последний раздел «другие сферы-источники» объединяет метафоры, которые не вписываются в основные модели или представляют единичные случаи использования. Раздел демонстрирует языковую гибкость политического дискурса и позволяет учесть периферийные, но значимые образы в дискурсе о БРИКС. Раздел «Другие» включает следующие сферы-источники: 巨人 (гигант), 世界的希望 (надежда мира), 梦想 (мечта) и др. Большинство метафор, включенных в словник, обладают положительной коннотацией, что отражает общий вектор репрезентации БРИКС в китайском политическом дискурсе. Положительно окрашенные метафоры подчеркивают конструктивную роль объединения, его потенциал в решении глобальных задач и вклад в формирование многополярного мира. Периферийные образы из раздела «другие сферы-источники» также несут в себе позитивные смыслы: масштабность, открытость, глобальную надежду и устремленность в будущее. Эта тенденция прослеживается и в основных метафорических моделях («Путь», «Дом», «Родство» и др.), где метафоры акцентируют идеи развития, единства, сотрудничества и стабильности.

Словарь включает ряд вспомогательных разделов, обеспечивающих полноту и научную обоснованность издания: предисловие, в котором раскрываются методологические принципы составления словаря и особенности отбора материала; список литературы, словарей и источников, представляющий теоретическую и эмпирическую базу исследования; а также информацию об авторах-составителях с указанием их научной квалификации.

Разрабатываемый словарь не предусматривает включение помет, списка сокращений, приложений или дополнительных справочных материалов.

3.2. Микроструктура китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор

К микроструктуре следует отнести проблемы построения словарной статьи как отдельной разноплановой структуры внутри словаря. Как отмечал В.В. Дубичинский: «микроструктура включает также вопросы формата, объема, состава словарной статьи, презентации различного рода информации о языковой единице, описываемой в лексикографическом произведении» [Дубичинский, 2014, с. 107]. Словарная статья является основной структурной единицей словаря, состоящей из заголовочной единицы и ее описания [Там же]. При этом ее структура может существенно различаться в зависимости от типа словаря и задач лексикографического описания, как, например, в словарных статьях Н.В. Бубновой [Бубнова, 2015], М.И. Солнышкиной, О.А. Морозовой [Солнышкина, Морозова, 2006] и О.А. Солоповой и Т.Н. Хомутовой [Solopova, Khomutova, 2022], в которых наглядно демонстрируется вариативность компонентов словарной статьи в соответствии с целевыми задачами словаря.

Рассмотрим микроструктуру китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор. Каждая словарная статья начинается с заголовочной единицы, имеет постоянную композицию и включает несколько словарных зон: зону семантизации, фонетическую зону, морфемную зону, этимологическую зону, зону лингвокультурологического комментария, зону иллюстративных примеров и зону дискурсивных смыслов.

3.2.1. Зона входного слова (заголовочная единица)

Заголовочная единица – это языковая единица (слово, словосочетание, морфема и пр.), с которой начинается словарная статья. В словарях русского языка заголовочную единицу обычно приводят в канонической форме (например, существительное в именительном падеже единственного числа). В

словарях китайского языка такой необходимости нет, поскольку китайский язык – это изолирующий язык с фиксированной иероглифической записью. Заголовочная единица дается в стандартной форме путунхуа и остается неизменной во всех контекстах употребления. Это существенно упрощает структуру словарной статьи и исключает необходимость указания грамматических форм.

Во входной зоне дискурсивного словаря политических метафор представлены заголовочная единица в иероглифике и русское переводное соответствие как ориентир для русскоязычного читателя. Русский переводной эквивалент подбирался с опорой на лексикографические источники (БКРС), а также уточнялся с помощью анализа метафор в российском политическом дискурсе, результаты которого представлены во главе 2 настоящего исследования.

Заголовочная единица, представляющая сферу-источник метафоры, выделяется прописными буквами и полужирным шрифтом, переводной эквивалент набирается строчными буквами полужирным шрифтом и заключается в кавычки-елочки с нижним подчеркиванием. Заголовочная единица обычно включает один, два или три иероглифа, в редких случаях четыре. Приведем для наглядности примеры заголовочных единиц из четырех словарных статей со сферой-источником «дом»:

门 «дверь»

窗口 «окно»

建设者 «строитель, застройщик, созидатель»

金字招牌 «вывеска с золотыми письменами»

С целью обеспечения симметричного визуального восприятия микроструктуры словаря, заголовочная единица выровнена по центру словарной статьи.

Внутри каждого раздела заголовочные единицы располагаются по алфавитному принципу согласно латинской транслитерации pīnyīn (пиньинь),

например, 步伐 bùfá, 船 chuán, 大街 dàjiē и т.д. Такое решение обеспечивает удобство навигации для читателя, который работает с китайской лексикой как в иероглифике, так и в транслитерации: пиньинь выступает «сквозным» ключом сортировки и поиска, сохраняющим стандартизированность. Однако иероглифическая форма представления остается основной и приводится первой (пиньинь сопровождает ее как обязательный элемент входа в словарную статью)².

3.2.2. Зона семантизации

В зоне семантизации приводится толкование метафорического значения в политическом дискурсе. Основное содержание набирается строчными буквами и полужирным шрифтом. Зона семантизации выровнена по центру словарной статьи, например, зона семантизации для метафорической единицы 门 «дверь»:

Доступ в объединение и к его ресурсам; граница включения и исключения.

и для метафорической единицы 窗口 «окно»:

Выход во внешнее пространство, возможность для политического действия.

В этой зоне указывается не прямое значение, а специфический переносный смысл, который языковая единица приобретает при использовании для описания политических явлений, процессов и отношений. Здесь необходимо указать, какие признаки переносятся, какой дополнительный смысл создается и какую роль этот образ играет в политическом дискурсе. Толкование приводится с опорой на толковые словари [Ожегов, 2012; словарь Академии Российской] и уточняется в зависимости от смыслов, которые единица реализует в проанализированном массиве данных китайского дискурса.³

² Приложение В. Зона входного слова (заголовочная единица)

³ Приложение В. Зона семантизации

3.2.3. Фонетическая зона

Фонетическая характеристика заголовочной единицы включает в себя указание на произношение языковой единицы (транскрипцию, ударение и т.п.). В китайском языке, в отличие от многих европейских языков, смысловозначительную функцию выполняют тоны. Поэтому в фонетической характеристике китайских заголовочных единиц указывается не знак ударения, а система тонов (1-й, 2-й, 3-й, 4-й или нейтральный), которые фиксируются в транскрипции pīnyīn (пиньинь) над соответствующими гласными.

Фонетическая зона представлена латинской транслитерацией pīnyīn (пиньинь). В фонетической зоне заголовочная единица в иероглифике повторяется непосредственно перед ее транслитерацией pīnyīn (пиньинь), что позволяет читателю сразу соотнести произношение с графической формой без необходимости возвращаться к началу статьи. Заголовочная единица и пиньинь набираются строчными буквами и полужирным шрифтом. Например, фонетическая зона для метафорических единиц 门 «дверь» и 窗口 «окно» представлена следующим образом: 门 **mén**; 窗口 **chuāngkǒu**.⁴

3.2.4. Морфемная зона

Морфема в словаре В.Н. Ярцевой понимается как «одна из основных единиц языка, часто определяемая как минимальный знак, т.е. такая единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода» [Ярцева, 1998].

В рамках китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор под морфемной зоной нами понимается специальный раздел словарной статьи, раскрывающий внутреннюю структуру единиц, состоящих

⁴ Приложение В. Фонетическая зона

из двух и более иероглифов. Соответственно морфемная зона приводится только для лексических единиц, состоящих из двух и более иероглифов; в ней дается перевод каждого иероглифа заголовочной единицы. Морфемная зона не только раскрывает прямое значение каждого иероглифа, но и помогает понять внутреннюю логику метафорического переноса. Сопоставление прямых значений компонентов с итоговым смыслом лексической единицы позволяет проанализировать механизм создания образа в китайском политическом дискурсе.

При переводе используются двуязычные словари [БКРС, Zhonga]. Иероглифы и перевод набираются строчными буквами и стандартным шрифтом, перевод заключается в кавычки-елочки. Морфемная зона следует за фонетической зоной после двоеточия. Пример морфемной зоны для метафорической единицы 窗口 **chuāngkǒu**: 窗 «окно»; 口 «рот, отверстие, вход, выход». Для метафорической единицы, состоящей из одного иероглифа, например, 门 **mén** морфемная зона отсутствует.⁵

3.2.5. Этимологическая зона

Этимологическая зона кратко поясняет происхождение каждого знака (иероглифа) или значение слова в целом. При рассмотрении происхождения включенных в словарь единиц используются этимологические словари и онлайн-энциклопедии [漢語多功能字庫 база данных китайских иероглифов; 百度百科 китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. В этимологической зоне имена собственные и некоторые отдельные слова и словосочетания, которые представляют особый интерес, передаются иероглифами и заключаются в круглые скобки; такой подход обеспечивает корректную передачу аутентичного написания. Для всех упоминаемых династий в словарной статье приводятся хронологические рамки их правления (названия династий могут встречаться как в этимологической зоне, так и в зоне

⁵ Приложение В. Морфемная зона

лингвокультурологического комментария). Указание периодов позволяет соотнести исторические свидетельства с конкретным периодом истории Китая.

Объем этимологической зоны варьирует в зависимости от происхождения языковой единицы и доступности исторических данных в авторитетных источниках. Этимологическая справка приводится строчными буквами и стандартным шрифтом.

Пример этимологической зоны для метафорической единицы 门 «дверь»:

Иероглиф «门» впервые появился в надписях *цзягувэнь* (甲骨文) периода династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Его древняя форма 𠂔 напоминает двустворчатые ворота; позже иероглиф был упрощен до «门».

Пример этимологической зоны для метафорической единицы 窗 «окно»:

Иероглиф «窗» появился в рамках стиля *сяочжуань* (小篆) или «малой печати». В Древнем Китае для обозначения «окна» использовали иероглиф «囪» *chuíāng*. «囪» – это пиктограмма, изображающая проем в крыше, сквозь который проходил свет и дым. Позже, чтобы уточнить значение, к иероглифу добавили ключ «宀» (отверстие / пещера) – так возник современный иероглиф «窗» (окно).

Анализ примеров показывает, что в этимологической зоне фиксируются наиболее существенные для истории знака сведения. Для «门» таковыми стали эпоха возникновения (династия Шан) и ее даты, для «窗» – стиль письма *сяочжуань* (小篆).⁶

3.2.6. Зона лингвокультурологического комментария

⁶ Приложение В. Этимологическая зона

Лингвокультурологический комментарий раскрывает культурные основания метафоры, демонстрируя связь языка с традициями, историческими событиями и ценностными установками общества. Источником материала для формирования этой зоны выступают сборники высказываний, научные статьи, лингвокультурологические исследования, лингвострановедческие словари, исторические хроники. В конце рассматриваемой зоны указывается связь метафорической единицы с дискурсом о БРИКС, например, метафора репрезентирует актуальные социокультурные и политические смыслы, значимые для взаимодействия стран объединения: идеи сотрудничества, многополярности и т.п.

В этой зоне, как и в этимологической, имена собственные, отдельные слова и словосочетания передаются иероглифами в круглых скобках. С учетом целевой аудитории лингвокультурологический комментарий приводится на русском языке. В данной зоне сохраняется строчный регистр и стандартный шрифт, за исключением переводных предложений с китайского языка на русский язык – такие предложения выделяются курсивом и заключаются в круглые скобки.

Пример лингвокультурологического комментария для метафорической единицы 门 «дверь»:

В китайской культуре двери и ворота обладают глубоким символическим значением. Стоит отметить резные триумфальные арки-ворота, которые называются *пайлоу* (牌楼) и *пайфан* (牌坊). *Пайлоу* – это традиционное китайское архитектурное сооружение. Такие ворота использовались как памятник, символизирующий сыновью почтительность и целомудрие (по отношению к памяти мужа). Позже пайлоу стали строить в садах, парках и дворцах. Больше всего пайлоу находится в Пекине. *Пайфан* – мемориальная арка, сооружение, которое возводили в знак признания заслуг, академических достижений. Некоторые храмы и дворцы использовали пайфан в качестве главных ворот. Ключевое различие между арками-воротами заключается в

наличии (牌楼) или отсутствии крыши (牌坊). К воротам государственных зданий можно отнести ворота Запретного города (紫禁城的宫门) и главные ворота Императорского города в Пекине (天安门). Ворота Тяньаньмэнь (天安门) или Врата Небесного спокойствия символизировали получение небесного мандата (承天启运, 受命于天). Двери в китайской культуре связаны с учением фэншуй и энергией *ци*. Если дверь выходит на дорогу, острый угол или непосредственно на дверь другого человека, то это приводит к проникновению неблагоприятной энергии *ци*, которая приносит с собой сплетни и нестабильное здоровье. В идеале за дверью должна находиться ширма или перегородка, чтобы смягчить поток энергии *ци*. В дискурсе о БРИКС метафора концептуализирует объединение как «двери», ведущие в сообщество единомышленников. Дверь подчеркивает открытость, возможность включения и формирование круга стран, разделяющих общие цели развития.

Пример лингвокультурологического комментария для метафорической единицы 窗口 «окно»:

В традиционной китайской культуре окно – не просто архитектурный элемент, задача которого пропускать свет или проветривать помещение; окно – это объект с глубоким символическим смыслом. Оно выступает посредником между внутренним пространством жилища и внешним миром. Через окно человек соотносит себя с природой, фиксирует смену времен года. Одна из ключевых функций окна – «заимствование вида» (借景). Мастера садово-паркового искусства сознательно планировали расположение окон таким образом, чтобы из них открывался живописный вид на дерево, гору, уголок сада. Резное окно (漏窗) – тип окна в классической китайской садовой архитектуре, сочетающий практичность и декоративность. Оно обычно использовалось для украшения стены. В период династий Мин и Цин процветание частных садов способствовало развитию искусства решетчатых окон. В садах Сучжоу (苏州) появилось более тысячи стилей, например, 108 уникальных окон павильона Цанлантин (沧浪亭). В качестве материалов использовались дерево, бамбук,

кирпич и черепица. Стоит отметить ажурные окна небольших размеров – 15 на 20 см (镂空小花窗), как, например, в Запретном городе. Такие окна выполняли декоративную функцию и обеспечивали циркуляцию воздуха. В дискурсе о БРИКС метафора «окна» используется для описания объединения как возможности для диалога, соединяющего культуры, экономики и стратегии стран Глобального Юга.

Лингвокультурологический комментарий раскрывает культурные и исторические основания метафорической единицы, демонстрируя ее прагматический потенциал. Через знакомые образы, например, «门» (дверь) и «窗» (окно), передаются ключевые идеи сотрудничества и стратегического партнерства, значимые для взаимодействия стран БРИКС.⁷

3.2.7. Зона иллюстративных примеров

В микроструктуре дискурсивного словаря особое значение придается иллюстративным примерам – фрагментам текста, в которых заголовочная единица представлена в контексте употребления в китайском политическом дискурсе. В словарных статьях приведены от одного до четырех примеров, что отражает реальную частотность единицы в иллюстративном корпусе.

Иллюстративные примеры в словарной статье даются курсивом, при этом метафорическая единица на китайском и русском языках выделяется полужирным шрифтом. Иллюстративные примеры сопровождаются переводом на русский язык, указанием издания и даты выпуска. Все контексты отмечены маркером списка, а именно круглой точкой •, что позволяет структурно представить информацию в словарной статье.

Пример зоны иллюстративных примеров для метафорической единицы 门 «дверь»:

⁷ Приложение В. Зона лингвокультурологического комментария

- *俄罗斯这招真是够狠的，直接把不支持的国家拒之门外。Действия России действительно жесткие. Страны, не поддерживающие позицию (о БРИКС), были просто оставлены за **дверью** (环球时报 03.07.2024).*
- *金砖关上大门？背后是对美国霸权的硬核反击。Закрыли ли БРИКС свои **ворота**? За этим стоит жесткий ответ американской гегемонии (网易新闻 11.07.2024).*
- *王毅表示，金砖成员国要敞开大门、张开怀抱，帮助伙伴国深度融入金砖，全面参与合作，让机制的发展始终充满活力。Ван И заявил, что страны БРИКС должны распахнуть **ворота**, раскрыть объятия, помочь партнерам глубже интегрироваться в сообщество, полноценно участвовать в сотрудничестве, чтобы механизм всегда оставался живым и динамичным (新华社 14.08.2024).*

Как видно из примеров, метафора «**门**» (дверь) используется для обозначения доступа или его отсутствия к объединению БРИКС. Двери могут быть открыты для новых участников либо закрыты для тех, чьи взгляды не совпадают с позицией объединения. Идиоматическое выражение «拒之门外» (держат за дверь; держать за порогом) подчеркивает решительное исключение кого-либо из процесса сотрудничества. Через образы «открытой» (开大门) и «закрытой двери» (关上大门) передаются идеи включения, исключения и геополитической позиции.

Пример зоны иллюстративных примеров для метафорической единицы **窗口** «окно»:

- *如果要在当今国际社会寻找一个观察“全球南方力量”的角度，金砖合作机制无疑是最佳**窗口**。Если мы хотим найти место, откуда мы могли бы понаблюдать за глобальной «южной силой», то механизм сотрудничества БРИКС, несомненно, является наилучшим **окном** (新浪新闻, 08.07.2025).*

Метафора «**窗口**» (окно) в приведенном примере используется для обозначения точки обзора или ракурса. В отличие от метафоры «**门**» (дверь),

которая подразумевает динамичные действия (открыть, закрыть, держать за порогом) и передает идеи включения или исключения, образ «窗 □» (окна) более статичен. Он связан исключительно с функцией наблюдения, получения информации, поэтому для раскрытия его метафорического значения достаточно одного иллюстративного примера.⁸

3.2.8. Зона дискурсивных смыслов

Завершает словарную статью зона дискурсивных смыслов – перечень из трех-четырех наиболее ярких смысловых эффектов, которые метафора транслирует в китайском дискурсе о БРИКС. Дискурсивные смыслы для каждой метафоры отбирались на основе анализа иллюстративных примеров в китайском политическом дискурсе о БРИКС.

Зона дискурсивного комментария набирается строчными буквами и выделяется полужирным шрифтом (дискурсивные смыслы разделяются точкой с запятой и следуют в алфавитном порядке). Например, для метафоры 「门」 «дверь» эта зона представлена следующими дискурсивными смыслами:

включенность; доступ; исключение; открытость

для метафоры 窗 □ «окно»:

видимость; внешние связи; открытость; шанс

Зона дискурсивных смыслов расположена по центру словарной статьи, что обеспечивает симметричное визуальное восприятие микроструктуры словаря.⁹

Все зоны в словарной статье отделены друг от друга пустой строкой, чтобы избежать визуального слияния зон и упростить навигацию для пользователя. В этимологической зоне и зоне лингвокультурологического комментария пиньинь и китайские слова, записанные кириллицей (например, *сяочжунань*), выделяются курсивом. Ниже приведены полные словарные

⁸ Приложение В. Зона иллюстративных примеров

⁹ Приложение В. Зона дискурсивных смыслов

статьи для ранее описанных заголовочных единиц по алфавитному принципу согласно латинской транслитерации pīnyīn (пиньинь).

窗口 «окно»

Выход во внешнее пространство, возможность для политического действия.

窗口 **chuāng kǒu**: 窗 «окно»; 口 «рот, отверстие, вход, выход».

Иероглиф «窗» появился в рамках стиля сяочжунь (小篆) или малая печать. В Древнем Китае для обозначения «окна» использовали иероглиф «囟» *chuāng*. «囟» – это пиктограмма, изображающая проем в крыше, сквозь который проходил свет и дым. Позже, чтобы уточнить значение, к иероглифу добавили ключ «宀» (отверстие / пещера) – так возник современный иероглиф «窗» (окно).

В традиционной китайской культуре окно – не просто архитектурный элемент, задача которого пропускать свет или проветривать помещение; окно – это объект с глубоким символическим смыслом. Оно выступает посредником между внутренним пространством жилища и внешним миром. Через окно человек соотносит себя с природой, фиксирует смену времен года. Одно из ключевых функций окна – «заимствование вида» (借景). Мастера садово-паркового искусства сознательно планировали расположение окон так, чтобы из них открывался живописный вид на дерево, гору, уголок сада. Резное окно (漏窗) – тип окна в классической китайской садовой архитектуре, сочетающий практичность и декоративность. Оно обычно использовалось для украшения стены. В период династий Мин и Цин процветание частных садов способствовало развитию искусства решетчатых окон. В садах Сучжоу (苏州) появилось более тысячи стилей, например, 108 уникальных окон павильона Цанлантин (沧浪亭). В качестве материалов использовались дерево, бамбук, кирпич и черепица. Стоит отметить ажурные окна небольших размеров – 15 на 20 см (镂空小花窗), как, например, в Запретном городе. Такие окна выполняли декоративную функцию и обеспечивали циркуляцию воздуха. В дискурсе о БРИКС метафора «окна» используется для описания объединения как возможности для диалога, соединяющего культуры, экономики и стратегии стран Глобального Юга.

• 如果要在当今国际社会寻找一个观察“全球南方力量”的角度，金砖合作机制无疑是最佳窗口。如果我们想找到地方，从那里我们可以观察全球“南方力量”，那么金砖合作机制无疑是最佳窗口。如果我们想找到地方，从那里我们可以观察全球“南方力量”，那么金砖合作机制无疑是最佳窗口。如果我们想找到地方，从那里我们可以观察全球“南方力量”，那么金砖合作机制无疑是最佳窗口。(新浪新闻, 08.07.2025).

门/大门 «дверь, ворота, вход»

Доступ в объединение и к его ресурсам; граница включения и исключения.

门 mén.

大门 dàmén: 大 «большой»; 门 «дверь».

Иероглиф «门» впервые появился в надписях *цзягувэнь* (甲骨文) периода династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Его древняя форма 門 напоминает двустворчатые ворота; позже иероглиф был упрощен до «门».

В китайской культуре двери и ворота обладают глубоким символическим значением. Стоит отметить резные триумфальные арки-ворота, которые называются *пайлоу* (牌楼) и *пайфан* (牌坊). *Пайлоу* – это традиционное китайское архитектурное сооружение. Такие ворота использовались как памятник, символизирующий сыновью почтительность и целомудрие (по отношению к памяти мужа). Позже пайлоу стали строить в садах, парках и дворцах. Больше всего пайлоу находится в Пекине. *Пайфан* – мемориальная арка, сооружение, которые возводили в знак признания заслуг, академических достижений. Некоторые храмы и дворцы использовали пайфан в качестве главных ворот. Ключевое различие между арками-воротами заключается в наличии (牌楼) или отсутствии крыши (牌坊). К воротам государственных зданий можно отнести ворота Запретного города (紫禁城的宫门) и главные ворота Императорского города в Пекине (天安门). Ворота *Тяньаньмэнь* (天安门) или Врата Небесного спокойствия символизировали получение небесного мандата (承天启运, 受命于天). Двери в китайской культуре связаны с учением фэншуй и энергией *ци*. Если дверь выходит на дорогу, острый угол или непосредственно на дверь другого человека, то это приводит к проникновению неблагоприятной энергии *ци*, которая приносит с собой сплетни и нестабильное здоровье. В идеале за дверью должна находиться ширма или перегородка, чтобы смягчить поток энергии *ци*. В дискурсе о БРИКС метафора концептуализирует объединение как «двери», ведущие в сообщество единомышленников. Дверь подчеркивает открытость, возможность включения и формирование круга стран, разделяющих общие цели развития.

- *Россия это招真是够狠的, 直接把不支持的国家拒之门外。 Действия России действительно жесткие – страны, не поддерживающие позицию (о БРИКС), были просто оставлены за дверью (环球时报 03.07.2024).*

- *金砖关上大门? 背后是对美国霸权的硬核反击。Закрыли ли БРИКС свои **ворота**? За этим стоит жесткий ответ американской гегемонии (网易新闻 11.07.2024).*
- *王毅表示, 金砖成员国要敞开大门、张开怀抱, 帮助伙伴国深度融入金砖, 全面参与合作, 让机制的发展始终充满活力。Ван И заявил, что страны БРИКС должны распахнуть **ворота**, раскрыть объятия, помочь партнерам глубже интегрироваться в сообщество, полноценно участвовать в сотрудничестве, чтобы механизм всегда оставался живым и динамичным (新华社 14.08.2024).*

включенность; доступ; исключение; открытость

Общий объем словарных статей в словаре унифицирован, однако наблюдается вариативность в объеме отдельных зон: этимологической, зоне лингвокультурологического комментария и зоне иллюстративных примеров. Различия обусловлены спецификой заголовочной единицы: происхождение, культурная нагруженность и частотность употребления в дискурсе.

Такая композиция словарной статьи позволяет последовательно связать языковую форму, культурно-историческую мотивировку и дискурсивную функцию метафоры в моделировании образа БРИКС в китайском политическом дискурсе, то есть показать метафору как механизм смыслообразования на пересечении языка, культуры и политики.

Стоит отдельно сказать об отсутствии некоторых зон в словарной статье. Во всех словарных статьях отсутствует грамматическая зона и зона словообразовательных возможностей заголовочной единицы, что обусловлено типологическими особенностями китайского языка. В отличие от русского языка, в китайском отсутствуют категории числа, рода и падежа, а также словоизменения – слова сохраняют неизменную форму независимо от синтаксической роли. Соответственно, традиционные для европейских словарей грамматические характеристики к китайскому языку неприменимы, а словообразование требует отдельного комплексного описания, выходящего за рамки данного словаря. Согласно В.В. Морковкину в словарь могут быть включены отсылки «с помощью которых устанавливается определенная связь между элементами словаря, обычно между заголовочными единицами»

[Морковкин, 1986, с. 110–111]. В настоящем словаре политических метафор отсылки отсутствуют, поскольку заголовочные единицы изначально систематизированы по метафорическим моделям. Такая организация словника обеспечивает естественную структурированность и наглядную взаимосвязь между статьями.

В Приложении В представлены словарные статьи лексикографического издания «Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор».¹⁰

Выводы по главе 3

В рамках исследования разработаны макро- и микроструктура для китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор.

Макроструктура словаря включает организацию словника и общую структуру словаря. Отбор материала опирался на три ключевых принципа: тематический (сферой-мишенью выступают БРИКС «金砖国家» и его деятельность), хронологический (рассматриваемый период охватывает время с 2006 года по настоящее время) и частотный (учитывается регулярность употребления метафор в дискурсе).

С помощью метода метафорического моделирования была создана система метафорических моделей, включающая 12 моделей со сферами-источниками: «Путь», «Дом», «Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Механизм», «Родство», «Война», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений», «Артефакт». Модели отражают ключевые способы концептуализации деятельности БРИКС в китайском политическом дискурсе. Словник включает 102 наиболее репрезентативные метафорические единицы: из них 94 распределены по указанным 12 моделям, 8 метафор отнесены к отдельной категории – «другие сферы-источники», объединяющей периферийные или единичные случаи использования единиц. Порядок расположения метафорических моделей в словаре определяется их

¹⁰ Приложение В. «Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор»

частотностью, то есть количеством входящих в них метафор, числом иллюстративных примеров, а также репрезентативностью контекстов употребления в политическом дискурсе КНР. Внутри каждого раздела заголовочные единицы располагаются в алфавитном порядке, согласно латинской транслитерации – пиньинь, что облегчает поиск и навигацию для пользователя.

Дискурсивная направленность словаря акцентирует внимание на реальном использовании политических метафор в политическом дискурсе Китая. Целевая аудитория – русскоязычные специалисты: лингвисты, политологи, журналисты-международники, переводчики и исследователи межкультурной коммуникации.

Микроструктура словаря открывается заголовочной единицей, которая задает основу всей словарной статьи. Словарная статья имеет постоянную композицию и включает несколько словарных зон: зону семантизации, фонетическую зону, морфемную зону, этимологическую зону, зону лингвокультурологического комментария, зону иллюстративных примеров и зону дискурсивных смыслов.

Заголовочная единица словарной статьи представлена в иероглифике с русским переводным эквивалентом. Зона семантизации дает толкование метафорического значения заголовочной единицы в политическом дискурсе. Фонетическая зона представлена латинской транслитерацией pīnyīn (пиньинь) и записывается после заголовочной единицы, представленной иероглифами. Морфемная зона раскрывает внутреннюю структуру заголовочной единицы – в ней дается перевод каждого иероглифа, поэтому морфемная зона приводится только для лексических единиц, состоящих из двух и более иероглифов. Этимологическая зона содержит краткие сведения о происхождении каждого иероглифа либо значении слова в целом. Для установления этимологии включенных в словарь единиц привлекаются специализированные источники. Зона лингвокультурологического комментария углубляет понимание культурных оснований метафоры через ее связь с традициями, историей и

ценностями общества. Для передачи аутентичности единицы в этимологической зоне и в зоне лингвокультурологического комментария названия династий, а также слова и словосочетания, связанные с историей и культурой Китая, представлены в иероглифике. Зона иллюстративных примеров содержит текстовые фрагменты, демонстрирующие заголовочную единицу в китайском политическом дискурсе, и включает от одного до четырех примеров. Последняя зона в словаре – зона дискурсивных смыслов – представляет собой перечень из трех-четырех смысловых эффектов, которые метафора транслирует в китайском дискурсе о БРИКС. Зоны в словаре отделены друг от друга пустой строкой и для каждой зоны указано шрифтовое оформление.

Разработанные макро- и микроструктура словаря обеспечивают целостное лексикографическое представление политической метафоры как единицы, обладающей языковой формой, концептуальной организацией, культурной обусловленностью, дискурсивной значимостью и переводным соответствием. Предложенная структура словаря позволяет не только зафиксировать наиболее репрезентативные метафорические единицы китайского политического дискурса о БРИКС, но и представить их в системе метафорических моделей, раскрыть особенности их функционирования в контексте и обеспечить возможность использования словаря в исследовательской, переводческой и учебной практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе определены принципы создания китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор, которые реализованы при подготовке лексикографического издания «Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор».

Установлено, что словарь данного типа должен строиться на принципах двуязычной, дискурсивной, политической и фигуративной лексикографии. В центре лексикографического описания находится не изолированная метафорическая единица, а ее комплексное представление: концептуальная соотнесенность со сферой-мишенью «БРИКС» и сферой-источником, место в системе метафорических моделей, фреймово-слотовая организация, контекст употребления, актуализируемые в дискурсе смыслы и русский переводной эквивалент.

Доказано, что оптимальными принципами создания словаря являются тематический, частотный и хронологический. Тематический принцип определяет предметную область словаря: в качестве общей сферы-мишени выступает «БРИКС», а систематизация материала осуществляется по сферам-источникам метафорической экспансии. Частотный принцип обеспечивает включение в словник наиболее репрезентативных и частотных метафорических единиц китайского политического дискурса. Хронологический принцип ограничивает материал исследования периодом с 2006 года по настоящее время и задает временные рамки отбора текстов и иллюстративных контекстов.

Определена методика работы с эмпирическим материалом: сформированы китайский и российский корпусы политических текстов о БРИКС; проведена их первичная автоматизированная обработка; выполнен ручной отбор метафорических единиц со сферой-мишенью «БРИКС»; установлены сферы-источники, метафорические модели, фреймы, слоты и дискурсивные смыслы; проведено сопоставление китайского и русского материала для выявления переводных соответствий.

В результате сопоставительного анализа доказано, что общие метафорические модели политических дискурсов Китая и России являются основанием для установления межъязыковых соответствий. В обоих дискурсах БРИКС концептуализируется через сферы-источники «Путь», «Дом», «Механизм», «Родство» и «Война». Доминантными выступают модели «Путь» и «Дом», формирующие представление о БРИКС как об объединении, движущемся к общей цели, и как об устойчивой институциональной структуре.

Установлено, что специфичные модели китайского политического дискурса отражают национально обусловленные способы метафорической репрезентации образа БРИКС. К ним относятся модели со сферами-источниками «Игра и спорт», «Физиология», «Мир животных», «Мир неживой природы», «Физические свойства», «Мир растений» и «Артефакт». Их анализ показал преобладание положительно окрашенных метафор, репрезентирующих БРИКС как созидательную, устойчивую и перспективную силу международного развития.

Определена макроструктура словаря. Основной корпус словаря составляют 102 наиболее репрезентативные метафорические единицы китайского политического дискурса: 94 единицы распределены по 12 метафорическим моделям, 8 единиц включены в раздел «другие сферы-источники». Последовательность разделов определяется частотностью моделей, количеством входящих в них единиц, числом иллюстративных контекстов и степенью репрезентативности в политическом дискурсе КНР. Внутри разделов заголовочные единицы расположены по алфавиту в соответствии с латинской транслитерацией пиньинь.

Разработана микроструктура словарной статьи. Она включает заголовочную единицу в иероглифической записи, русский переводной эквивалент, семантизацию метафорического значения, фонетическую зону с указанием пиньинь, морфемную зону, этимологическую справку, лингвокультурологический комментарий, иллюстративные примеры из

китайского политического дискурса и зону дискурсивных смыслов. Такая структура позволяет представить политическую метафору как концептуальную, культурно маркированную и дискурсивно значимую единицу.

Научная новизна исследования состоит в разработке концепции китайско-русского дискурсивного словаря политических метафор со сферой-мишенью «БРИКС»; в определении принципов его макро- и микроструктурной организации; в выявлении общих и специфичных метафорических моделей БРИКС в политических дискурсах Китая и России; в установлении переводных соответствий между китайскими и русскими метафорическими единицами со сферой-мишенью «БРИКС»; в практической реализации предложенных принципов при составлении словаря.

Теоретическая значимость заключается в развитии принципов двуязычного дискурсивного описания политической метафоры, в уточнении способов лексикографического представления фигуративной лексики. Полученные результаты значимы для политической метафорологии, сопоставительного изучения политического дискурса и теории лексикографии.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанного словаря в переводческой практике, при анализе китайских политических текстов, в преподавании китайского языка, политической лингвистики, лексикографии, межкультурной коммуникации и теории перевода. Материалы исследования могут быть востребованы лингвистами, переводчиками, политологами, журналистами и специалистами, работающими с политическим дискурсом о БРИКС.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счет изучения политических дискурсов других стран БРИКС, созданием словарных статей на материале португальского, хинди, английского и других языков, разработкой электронной версии словаря и

применением автоматизированных инструментов для выявления, разметки и сопоставительного анализа политических метафор в многоязычных корпусах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова, О.И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе / О.И. Агафонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (101). – С. 82–88.
2. Адясова, Л.Е. Метафора дома в концептуальном представлении СССР в современном российском медиадискурсе / Л.Е. Адясова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 558.
3. Алешина, Л.В. Особенности макроструктуры словаря авторских новообразований Н.С. Лескова / Л.В. Алешина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 2 (52). – С. 123–129.
4. Аматов, А.М., Бондаренко, Е.В., Пупынина, Е.В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор / А.М. Аматов, Е.В. Бондаренко, Е.В. Пупынина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38. – № 1. – С. 5–12.
5. Андрейченко, О.И. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века (на примере биоморфной макромодели) / О.И. Андрейченко // Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI века. В тенденции обновления политического дискурса. Материалы международной научной конференции. Под редакцией С.Г. Шулежковой. – 2017. – С. 388–397.
6. Аникин, Е.Е. Спортивно-игровая метафора как средство концептуализации президентских выборов США 2008 года (на материале британских СМИ) / Е.Е. Аникин // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 87–95.
7. Аржанова, И.А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И.А. Аржанова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – № 6 (139). – С. 161–164.

8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз./ Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
9. Бабкина, В.А. Медвежья метафора в дискурсе немецких СМИ / В.А. Бабкина // Тамбов: Грамота, 2017. – № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 60–62.
10. Бабкина, В.А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации / В.А. Бабкина // Научный диалог. – 2017. – № 3. – С. 9–18.
11. Багичева, Н.В. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью или быть сказкой? («Семейная» метафора и менталитет) / Н.В. Багичева // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 24–32.
12. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1983. – 191 с.
13. Балашова, Л.В. Артефактная метафора в речи В.В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 12–24.
14. Балашова, Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта Ковид-19 в речи В.В. Путина / Л.В. Балашова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.
15. Балканов, И.В. Макроструктура двуязычного словаря / И.В. Балканов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2017. – № 1 (67) в 2-х ч. Ч. 2. – С. 84–87.
16. Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва: ИРЯ, 1991. – 193 с.
17. Беленчикова, Р. К вопросам макроструктуры в БАС и Русско-немецком словаре / Р. Беленчикова // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / Ред.

коллегия Р.И. Воронцов, О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Е.В. Пурицкая / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – С. 121–131.

18. Берков, В.П. Двухязычная лексикография: учеб. / В.П. Берков. – М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. – 236 с.

19. Биюмена, А.А. Артефактная метафора в российском политическом тексте / А.А. Биюмена // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Материалы I Республиканской научно-практической конференции с международным участием. – 2017. – С. 12–15.

20. Боброва, Е.А. Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути / Е.А. Боброва // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 3. – С. 28–32.

21. Бубнова, Н.В. Особенности макро- и микроструктуры учебного лингвокраеведческого словаря имен собственных (на примере словаря Смоленского края) / Н.В. Бубнова // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева; 2015. – С. 1009–1017.

22. Бугакова, Н.В. Политическая метафора в свете когнитивной лингвистики / Н.В. Бугакова // Известия ВГПУ, серия: Гуманитарные науки №1(262), 2014. – С. 243–246.

23. Будаев, Э.В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 103–113.

24. Будаев, Э.В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе «BLM movement» (по материалам газеты «The Seattle Times») / Э.В. Будаев, К.В. Пологова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 42–49.

25. Будаев, Э.В. Милитарные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 12–20.
26. Будаев, Э.В., Тихонов, В.В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э.В. Будаев, В.В. Тихонов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 43–49.
27. Будаев, Э.В., Солопова, О.А., Зарипов, Р.И., Бойко, А.В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э.В. Будаев, О.А. Солопова, Р.И. Зарипов, А.В. Бойко. – СПб: Издательство «Наукоемкие технологии», 2021. – 217 с.
28. Буженинов, А.Э. Фреймовая структура природоморфной метафоры в англоязычном инвестиционном дискурсе / А.Э. Буженинов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 1. – С. 17–26.
29. Быкова, Т.Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг. / Т.Ю. Быкова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 114–118.
30. Вань Яньсинь. Метафора пути в российском и китайском политическом дискурсе / Яньсинь Вань // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 3 (112). – С. 500–505.
31. Вахмянина, Е.А. Метафоры из сферы-источника «Механизм» как способ концептуализации инцидента в Солсбери в СМИ России и Великобритании / Е.А. Вахмянина // Статья в журнале Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – №1. – С. 46–58.
32. Вершинина, Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вершинина Татьяна Станиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

33. Веселитский, В.В. Рец. на кн.: W. Zaunmiiller. Bibliographisches Handbuch der Sprachworterbiicher. Stuttg., 1958. – ИАН ОЛЯ, 1962, № 4, 346–348.
34. Виноградов, В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / проф. В.В. Виноградов; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
35. Войцехович, И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 [3] с.
36. Ворошилова, М.Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русского рока / М.Б. Ворошилова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2008. – № 10. – С. 58–71.
37. Ворошилова, М.Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. – 194 с.
38. Гао Яньцзюнь. О пяти этапах развития русско-китайской лексикографии в Китае / Яньцзюнь Гао // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №7. – С. 120–123.
39. Герасимова, М.В. Культурологическое сопровождение словарных статей в цифровом «Полиязычном словаре метафор» / М.В. Герасимова // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 90–110.
40. Глебкин, В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона / В. В. Глебкин // Вопросы языкознания. – 2012. – № 3. – С. 51–68.
41. Голев, Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материале Рунета): инновационный лексикографический проект / Н.Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 16. – С. 113–137.
42. Городецкий, Б.Ю. Проблемы и методы лексикографии: [Пер. с англ., нем., фр.] / Сост. Т.С. Зевахиной; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–22]

Б.Ю. Городецкого: Проблемы и методы лексикографии / Сост. Т.С. Зевахиной. – Москва: Прогресс, 1983. – 399 с.

43. Грекова, М.В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике / М.В. Грекова // Вопросы лексикографии. – 2016. – № 2 (10). – С. 18–40.

44. Гридина, Т.А. Онтолингвистическая лексикография: объяснительный словарь «Метаязыковое сознание ребенка» / Т.А. Гридина // Психологические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 156–159.

45. Гудков, Д.Б., Ковшова, М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

46. Дацышен, В.Г. К проблеме словарей в русском китаеведении / В.Г. Дацышен // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. 48. – № 2. – С. 851–865.

47. Девель, Л.А. Двухязычная лексикография / Л.А. Девель // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 3. – С. 25–29.

48. Дзюба, Е.В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е.В. Дзюба // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

49. Димитриева, О.А. Физиологическая метафора в русской аксиосфере (на примере глагола атрофироваться) / О.А. Димитриева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). – 2019. – С. 267–269.

50. Дубичинский, В.В. Микроструктура инвариантного словаря / В.В. Дубичинский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (20). – С. 107–113.

51. Дубичинский, В.В. Теоретическая и практическая лексикография / В.В. Дубичинский // Wien : Ges. zur Förderung slawistischer Studien; Харьков: Харьковское лексикографическое о-во, 1998. – 156 с.
52. Дятко, Д.В. Макроструктура белорусских словарей лингвистических терминов / Д.В. Дятко // Magyar Tudomány. – 2020. – № 42-1 (42). – С. 24–29.
53. Жаковска, М. Россия – медведь в немецкой карикатуре XIX и XX веков / М. Жаковска // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2010. – С. 57–59.
54. Жельвис, В.И. Инвектива в политической речи / В.И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
55. Загоровская, О.В. Становление диалектной компьютерной лексикографии в отечественной лингвистике / О.В. Загоровская // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 10–16.
56. Зарипов, Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе: на материале французских политических метафор образа России: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зарипов Руслан Ирикович. – Москва, 2015. – 263 с.
57. Зиновьев, Н.В. Метафоры со сферой-источником «Механизм» в дискурсе британского политика Д. Кэмерона / Н.В. Зиновьев // Статья в журнале Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 2. – С. 60–73.
58. Каган, Е.Б. Метафоры из сферы-источника «Мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ / Е.Б. Каган // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 172–175.
59. Калинин, О.И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72). – С. 55–59.
60. Калинин, О.И. Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР

// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 26–37.

61. Каранкевич, В.В. Фитоморфные метафоры в немецком спортивном дискурсе / В.В. Каранкевич // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – Т.8. – № 1. – С.109–113.

62. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

63. Каслова, А.А. Развертывание военной метафоры в тексте / А.А. Каслова // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – С. 57–60.

64. Квон, Ж., Никитина, Т.Г., Рогалева, Е.И. Учебный кросскультурный словарь: специфика макро- и микроструктурирования (на примере русско-корейского словаря пословиц) / Ж. Квон, Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева // Вопросы лексикографии. – 2025. – № 35. – С. 63–81.

65. Керимов, Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Керимов Руслан Джаванширович. – Барнаул, 2005. – 18 с.

66. Керимов, Р.Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) / Р.Д. Керимов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013а. – № 2 (22). – С. 58–67.

67. Керимов, Р.Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе / Р.Д. Керимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013б. – № 3 (36). – С. 57–66.

68. Кожевникова, Н.А. Образная параллель «строение – человек» в русской литературе XIX–XX вв. / Н.А. Кожевникова // Художественный текст: единицы и уровни организации. Омск, 1991. – С. 69–85.

69. Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова // Выпуск 1 «Птицы». М.: Языки русской культуры, 2000.

70. Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова // Выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М.: Языки славянских культур, 2010.

71. Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова // Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.

72. Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 5–15.

73. Кондратьева, О.Н. Особенности развертывания концептуальной метафоры в цикле политических анекдотов (на материале анекдотов о баллотировании Ксении Собчак на пост Президента Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 60. – С. 28–44.

74. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.

75. Коптяева, Н.Н. Зооморфная метафора в репрезентации Джереми Корбина (на материале британских политических карикатур) / Н. Н. Коптяева, Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 45–54.

76. Кошкарлова, Н.Н. Когнитивно-дискурсивный вектор развития лексикографии: как топонимическая система отражается в словаре / Н.Н. Кошкарлова, О.А. Солопова // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля. Том Выпуск III. Главные редакторы Е.В. Дзюба, С.А. Еремина. – Екатеринбург: [б.и.], 2021. – С. 69–73.

77. Кошкарлова, Н.Н., Солопова, О.А., Чудинов, А.П. На пути к многополярному миру: метафоры в декларациях саммитов БРИКС / Н.Н. Кошкарлова, О.А. Солопова, А.П. Чудинова // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 3. – С. 113–124.

78. Крайчовичова, Л. Метафора дома как средство создания метафорического образа Евросоюза в российских СМИ / Л. Крайчовичова // Достижения науки и образования. – 2018. № 14 (36). – С. 58–62.

79. Крышталева, В.Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века / В.Е. Крышталева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 77–90.

80. Крючкова, Н.В. О толковом словаре концептов: к обсуждению микро- и макроструктуры / Н.В. Крючкова // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Воронеж, 2018. – С. 118–126.

81. Куранова, Т.П., Гаврютина, В.Н. Метафора в современном политическом дискурсе (на примере выступлений В.В. Путина, С.В. Лаврова, Д.С. Пескова) / Т.П. Куранова, В.Н. Гаврютина // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2025. – № 1 (86). – С. 94–106.

82. Курдюмов, В.А. Система дискурсивных понятий тайваньской реальности. Опыт создания краткого толкового словаря / В.А. Курдюмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 12. – С. 4305–4316.

83. Курдюмов, В.А., Семенова, Л.А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке / В.А. Курдюмов, Л.А. Семенова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – 3 (47). – С. 90–98.

84. Лаврищева, Е.В. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» /

Е.В. Лаврищева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т.4. – №1. – С.13–21.

85. Ларионова, М.В., Мосина, С.К. Семиотика визуальной метафоры в мексиканском электоральном дискурсе: на примере президентской избирательной кампании 2024 г. / М.В. Ларионова, С.К. Мосина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 1021–1039.

86. Леденев, Ю.И. Дискурсивный подход к лексикографии неполнозначных слов» / Ю.И. Леденев // «Язык. Текст. Дискурс». – 2008. – № 6. – С. 34–39.

87. Ли, М., Солопова, О.А. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / Ли М, О.А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 98–105.

88. Линь, Сюе. Зоометафора как средство выражения негативной оценки в политическом дискурсе (на материале китайского и русского языков) / Сюе Линь // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 14 (809). – С. 173–186.

89. Ловчикова, А.А. Дискурсивная лексикография: перспективы изучения политической метафоры / А. А. Ловчикова, О. А. Солопова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2024. – Т. 21. № 2. – С. 28–35.

90. Ловчикова, А.А. Принципы компиляции исследовательского корпуса на китайском языке / А.А. Ловчикова // Научный поиск. Материалы шестнадцатой научной конференции аспирантов и докторантов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2024. – С. 121–124.

91. Ловчикова, А.А. Образ БРИКС в медиадискурсе Китая / А.А. Ловчикова // IX Всероссийский (с международным участием) научно-практический форум «Наука и общество в XXI веке». – Москва: Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, 2025. – С. 147–152.

92. Ловчикова, А.А. «Образ БРИКС: анализ метафорических конструкций в китайских медиа» / А.А. Ловчикова // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 219–225.

93. Ловчикова, А.А. Словарная статья: метафора «пути» в дискурсе стран БРИКС / А.А. Ловчикова // Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов. Москва, 6 декабря 2024 г. – Москва: РУДН, 2025. – С. 358–363.

94. Лутфуллина, Г.Ф. Использование когнитивной метафоры как средства реализации фрейминга в политическом дискурсе Республики Татарстан / Г.Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 267–272.

95. Лютянская, М.М. Языковая реализация концептосферы «родственные отношения» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / Лютянская Майя Михайловна. – СПб., 2009. – 164 с.

96. Малышева, Е.Г., Жигунов, А.Ю. Новая «холодная война»: милитарная метафора как базовая концептуальная модель репрезентации медиаконцепта 'Арктика' / Е.Г. Малышева, А.Ю. Жигунов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 66–74.

97. Маммедова Ж.Э. Перспективы и проблемы компьютерной лексикографии / Ж.Э. Маммедова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 261–267.

98. Маник, С.А. Политическая лексикография: перспективы развития ивановской лексикографической школы / С.А. Маник // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2018. – № 14. – С. 162–170.

99. Матвеева, Н.В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь / дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) / Н.В. Матвеева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 160–169.

100. Мелерович, А.М. Трансформационный потенциал фразеологических единиц различных структурно-семантических типов (по материалам проспекта учебного словаря «Жизнь русских фразеологизмов в художественной речи». Кострома, 2006) / А.М. Мелерович, А.Е. Якимов // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: Материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 года. – Иваново: Иван.гос.ун-т, 2007. – С. 102–105.

101. Мокиенко, В.М. К читателю // Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-Пресс книга, 2009. – С. 3–15.

102. Морковкин, В.В. О базовом лексикографическом знании / В.В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному – М.: Русский язык, 1986. – С. 102–117.

103. Морковкин, В.В. Основы теории учебной лексикографии: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Морковкин Валерий Вениаминович. – Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва, 1990. – 72 с.

104. Недоспасова, В.Г. Принципы лексикографической фиксации терминологии государственной службы в двуязычном словаре / В.Г. Недоспасова // Известия ВГПУ. – 2010. – № 2 (46). – С. 83–86.

105. Никитина, С.Е., Кукушкина, Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания) / С.Е. Никитина, Е.Ю. Кукушкина. – М., 2000. – 215 с.

106. Никонова, М.Н. Антропологизация техницизмов в современном русском языке (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Никонова Марина Николаевна. – Омск, 2004. – 223 с.

107. Ольховикова, Ю.А. Концепт «ветер» как средство метафорического моделирования политической действительности в печатных СМИ Германии и США / Ю.А. Ольховикова // Известия Уральского

государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Т 50. – № 21. – С. 116–122.

108. Ольховикова, Ю.А. Сопоставительное исследование метафор со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ / Ю.А. Ольховикова // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: материалы всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 25–26 марта 2008 г. / Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 68–73.

109. Омарова, П.М. Артефактная метафора в англоязычных СМИ в сфере экономики / П.М. Омарова // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Том 13. – № 4, часть 2. – С. 443–456.

110. Павлиашвили, С.А. Репрезентация образа России посредством артефактной метафоры (на материале китайских СМИ) / С.А. Павлиашвили // Архонт. – 2025. – № 15 (66). – С. 48–51.

111. Пименова, М.В. Концептуальная метафора «Жизнь – путь/дорога» в русском и английском языках / М.В. Пименова // Мир в языке и культуре. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – 2017. – С. 29–48.

112. Пономарева, В.С., Курбанов, И.А. Антропоморфные и артефактные метафоры при создании образа Крыма в СМИ / В.С. Пономарева, И.А. Курбанов // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 154–158.

113. Разинкина, Н.С. Милитарная метафора в современном политическом дискурсе (на материале СМИ первого десятилетия XXI века) / Н.С. Разинкина // Предложение и слово. Сборник трудов. Ответственный редактор С.В. Андреева. – 2013. – С. 406–412.

114. Рогозинникова, Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре / Ю.В. Рогозинникова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 87–100.

115. Руженцева, Н.Б. Современная политическая лексикография (рецензия на словарь Г.Н. Складневской, И.О. Ткаченко «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник» и «Словарь избирательной кампании» Т.П. Тарасенко) / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 275–281.
116. Ряпосова, А.Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе / А.Б. Ряпосова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – Т. 6. – С. 29 – 36.
117. Савченко, А.А. Понятийная сфера «Неживая природа» как источник метафоризации киберугроз в медийном дискурсе (на материале английского языка) / А.А. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 6 (500). – С. 52–60.
118. Садиков, А.В. Двухязычная лексикография. Опыт построения общей теории / А.В. Садиков. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 464 с.
119. Сафронов, М.В. История создания китайско-русских словарей / пер. Се Зайфу // Исследование лексикографии. – 1988. – № 4. – С.102–108.
120. Соловьева, А.С. Природоморфная метафора как средство создания метафорического образа Европейского союза (на материале российских СМИ) / А.С. Соловьева // Источник Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. – С. 161–164.
121. Солнышкина, М.И., Морозова, О.А. Состав и микроструктура словаря профессионального жаргона (на материале словаря русского профессионального нефтяного жаргона) / М.И. Солнышкина, М.И. Морозова // Вестник КГПУ. – 2006. – №3. – С. 91–96.
122. Солопова, О.А. Значимый “другой”: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) / О.А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 126–135.

123. Солопова, О.А. Метафоры, которыми должны была жить Россия... (ретроспективный анализ на материале прогностических текстов о России XIX века) / О.А. Солопова // Политическая лингвистика 6 (60)' 2016. – С. 75–84.

124. Солопова, О.А. БРИКС как механизм сотрудничества: метафорический образ объединения в медиадискурсе / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. – 2026. – № 2 (116). – С. ***Ошибка! Закладка не определена.–Ошибка! Закладка не определена.***

125. Солопова, О.А. Макроструктура полиязычного словаря «БРИКС: дискурсивные метафоры» / О.А. Солопова // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта : сб. науч. ст. по итогам II междунар. науч. конф., Минск, 23–24 окт. 2025 г. / редкол. : Н.Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУИЯ, 2025. – С. 669–676.

126. Солопова, О.А., Кошкарлова, Н.Н. Дискурсивная лексикография: от словаря к социокультурному моделированию реальности / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус [монография] / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2024. – 464 с.

127. Солопова, О.А., Кошкарлова, Н.Н. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25. № 4. – С. 39–54.

128. Солопова, О.А., Кошкарлова, Н.Н. Спортивная и игровая метафоры в медиадискурсе стран БРИКС / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Наука и общество в XXI веке. Сборник материалов IX Всероссийского научно-практического форума. Москва, 2025. – С. 200–205.

129. Солопова, О.А., Кошкарлова, Н.Н. Микроструктура полиязычного словаря «БРИКС: дискурсивные метафоры» / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Вопросы лексикографии. – 2025. – № 36. – С. 26–44.

130. Солопова, О.А., Салтыкова, М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй

мировой войны / О.А. Солопова, М.С. Салтыкова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – № 23 (3). – С. 762–783.

131. Ступин, Л.П. Лексикография английского языка / Л.П. Ступин. – М.: Высш. шк., 1985. – 164 с.

132. Сунь, Фуцин. Сопоставительное исследование спортивных и игровых метафор в российском и китайском политическом дискурсе / Сунь Фуцин, Хуан Чжунлянь // Политическая лингвистика. – 2023. – № 3 (99). – С. 185–195.

133. Суспицына, И.Н., Силенко, О.Г. Метафора в религиозном дискурсе / И.Н. Суспицына, О.Г. Силенко // Лингвокультурология. – 2013. – №7. – С. 135–147.

134. Телешева, И.В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.20 / Телешева Ирина Владимировна. – Челябинск: ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет», 2006. – 22 с.

135. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] / В.Н. Телия // Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания. – 2006. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml.

136. Топоров, В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции / В.Н. Топоров // Балтославянские исследования. 1983. М., 1984. – С.164–185.

137. Феденева, Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Феденева Юлия Борисовна. – Екатеринбург, 1998. – 181 с.

138. Фесенко, О.П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря / О.П. Фесенко // Вопросы лексикографии. – 2016. – № 1. – С. 82–98.

139. Фесенко, О.П. Лексикография языка, речи и дискурса / О.П. Фесенко // Омский научный вестник. – 2015. – № 1 (135). – С. 52–54.

140. Филиппова, Н.Б. Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации) / Н.Б. Филиппова // Известия Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена. – 2011. – № 130. – С. 80–87.

141. Фэй, Цзюньхуэй. Концептуальная метафора в китайском политическом дискурсе о борьбе с эпидемией COVID-19 / Фэй Цзюньхуэй // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). – С. 217–222.

142. Ци Х, Куприянова С.Г. Особенности употребления метафор с зооморфными компонентами «Тигр» и «Муха» в китайском политическом дискурсе / Х. Ци, С.Г. Куприянова // Современный ученый. – 2022. – № 5. – С. 27–32.

143. Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель «Развитие страны – это путь» в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-Вэнь по случаю дня двух десятков 2023 г. и его официальных переводов на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 4–2. – С. 220–225.

144. Чанг Джуй Ченг. Анализ метафоры пути в политическом дискурсе (на материале Послания В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г.) / Чанг Джуй Ченг // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 310–317.

145. Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и военной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 года и его перевода на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // Критика и семиотика. – 2023. – № 1. – С. 85–104.

146. Чжан Тинтин. Построение будущего: метафора строительства в политическом дискурсе М.С. Горбачева / Чжан Тинтин // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 108–115.

147. Чудакова, Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой

информации (2000 – 2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чудакова Наилия Муллахметовна. – Екатеринбург, 2005. – 225 с.

148. Чудинов, А.П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (13). – С. 54–57.

149. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинова // Когнитивные исследования дискурса. – 2004. – № 1 (001). – С. 91–105.

150. Чудинов, А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000– 2004) / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 41–50.

151. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А.П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

152. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А.П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

153. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006 (Великие Луки : Великолукская городская типография). – 254 с.

154. Чудинов, А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. – М.: Флинта, 2020. – 236 с.

155. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / А.П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

156. Чудинов, А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А.П. Чудинов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 26–31.

157. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
158. Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л.Л. Шестакова // М. : Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
159. Шестакова, Л.Л. Современное состояние русской авторской лексикографии / Л.Л. Шестакова // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 126–150.
160. Шехтман, Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: дис... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Шехтман Наталия Георгиевна. – Екатеринбург, 2006. – 227 с.
161. Шустрова, Е.В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е.В. Шустрова. – Екатеринбург, 2014. – 372 с.
162. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. – ИАН ОЛЯ, 1940, № 3.
163. Юрина, Е.А. Словари русской пищевой метафоры: новые форматы лексикографической презентации / Е.А. Юрина // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. – 2022. – С. 195–218.
164. Юрина, Е.А. Цифровой полиязычный словарь метафор как средство культурного трансфера / Е.А. Юрина // Русский язык в поликультурном мире. – 2021. – С. 89–94.
165. Янь Годун. Первый русско-китайский словарь, составленный китайцем / Янь Годун // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. – 2010. – № 2. – С. 16–25.
166. Atkins, B.T.S., Rundell, M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford – New York: Oxford University Press, 2008.
167. Beer F.A., De Landtsheer C. Metaphorical World Politics : Rhetorics of Democracy, War and Globalization / ed. by F.A. Beer, C. De Landtsheer. East Lansing : Michigan State University Press, 2004. 342 p.

168. Callies M. Within-culture variation in English sports metaphors: a window to history, culture, and national identity? // Bi-directional perspectives in the cognitive sciences: материалы конференции (Marburg, 2009). 2009. [website]. – URL: <http://www.cognitive-sciences.de/docs/all.abstracts/Callies.pdf> (date of access: 15.09.2025). – Text: electronic.
169. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. 239 p.
170. Culpeper, J. Impoliteness: using language to cause offence // Cambridge: University Press, 2011. 292 p.
171. Di Sparti, A. Metafora, guerra e strategie comunicative. – Text: unmediated // Raccontare la guerra / a cura di A. Di Sparti, M. Giacomarra. – Palermo: L'Epos, 1995. – P. 13–49. 21.
172. El Refaie E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoons // Visual Communication. 2003. Vol. 2, No. 1. P. 75–95.
173. Forceville C. Identifying and interpreting visual metaphors in political cartoons // Metaphor in Socio-Political Contexts / ed. by M. Romano, M. D. Porto. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2024. P. 317–337.
174. Frankowska, M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 / M. Frankowska // Język a kultura / Pod red. J. Anusiewicz; B. Sicińskiego. – Wrocław, – 1994. – Tom 11. – S. 21–47.
175. Gauthier, G. La métaphore guerrière dans la communication politique. In: Recherches en Communication. Laval, Université Laval, 1994, no. 1, p. 132–147.
176. Geary J. I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How it Shapes the Way We See. 1st ed. — New York: Harper Collins Publishers, 2011.
177. Haensch et al. – C. Haensch, L. Wolf, S. Ettinger, R. Werner. La lexicografía. De la lingüística teórica a la lexicografía práctica. Madrid: Ed. Gredos, S.A., 1982.
178. Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. London; New York : Routledge, 1998. – 192 p.

179. Hausmann F. et al. Wörterbücher /Dictionaries/ Dictionaries: and international encyclopedia of lexicography: in 3 vol. Berlin, 1991. Vol. 3. P. 2711–3119.
180. Hellín-García M. H. Politics at play: game metaphors in Spanish political discourse // *Hipertexto*. – 2014. – No. 19. – P. 132–151.
181. Hernández, M. L. La metáfora política en la prensa venezolana: Un estudio lingüístico cognitivo / M. L. Hernández. – Text: unmediated // *Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. – 2004. – Vol. 20. – № 44. – P. 55–77.
182. Howe N. Metaphor in contemporary American political discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1988. – No. 3-2. – P. 87–104.
183. Huizinga J. *Homo Ludens: a study of the play-element in culture*. – London, Routledge & K. Paul, 1980.
184. Kovecses Z. *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 266 p.
185. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
186. Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse & Society*. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 243–269.
187. Mio J. S. Metaphor and Politics // *Metaphor and Symbol*. 1997. Vol. 12, № 2. P. 113–133.
188. Musolff A. Metaphor framing in political discourse // *Mythos-Magazine: Politesses Framing* 1. 2019. – P. 1–10.
189. Musolff A. Perspectives in politics and discourse // *Political metaphor and bodies politic*. 2010. – P. 23–42.
190. Musolff, A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // *Contributions to the History of Concepts*. 2014. Vol. 9 (2). – P. 18–32.
191. Musolff, A. Metaphor, irony and sarcasm in public discourse // *Journal of Pragmatics* 109. 2017. – P. 95–104.

192. Musolff A. Metaphor and Persuasion in Politics // The Routledge Handbook of Metaphor and Language / ed. by E. Semino, Z. Demjén. London ; New York : Routledge, 2017. P. 309–322.
193. Musolff, A. The heart of the European body politic: British and German perspectives on Europe's central organ // Journal of multilingual and multicultural development. – 2003. – №25 (5–6). – P. 437–452.
194. Nielsen S. Lexicographic Macrostructures // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. 1990. Vol. 4. P. 49–66.
195. Nielsen S. Microstructure // Manual of Specialised Lexicography: The preparation of specialised dictionaries / ed. by H. Bergenholtz, S. Tarp. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 200–211.
196. Piotrowski T. Monolingual and bilingual dictionaries: fundamental differences // Learners' Dictionaries: state of the Art. Singapore, 1989. P. 72–83.
197. Radić-Bojanić B., Silaški N. Sportizacija političkog diskursa–kako metafore prikrivajupolitičku stvarnost Srbije // Zbornik matice srpske za filologiju i lingvistiku. 2008. Vol. 51. No. 1-2. P. 139–155.
198. Solopova O.A., Khomutova T.N. An explanatory combinatorial dictionary of English conflict lexis: A case study of modern political discourse. Russian Journal of Linguistics. 2022. V. 26. № 4. P. 1050–1077.
199. Solopova O.A., Nilsen D., Nilsen A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. Russian Journal of Linguistics. 2023. V. 27. No 3. P. 521–542.
200. Vuković-Stamatović M., Bratic V. Babić Z. The Metaphor politics as a game/sport match in the online media portrayals of the EU-Western Balkans relations // Revue Roumaine de Linguistique. 2021. Vol. 66. No. 4. P. 381–396.
201. Wiegand H. E. A Theory of Lexicographic Texts: An Overview // South African Journal of Linguistics. 1996. Vol. 14, № 4. P. 134–149.
202. Wodak, R. The politics of fear. What right-wing populist discourses mean // London: Sage. 2015. – P. 177–190.

203. Yu N. The contemporary theory of metaphor: a perspective from Chinese. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. 278 p.

204. Zaunmuller W. Bibliographisches Handbuch der Sprachwörterbücher. Ein int. Verzeichnis von 5600 Wörterbüchern der Jahre 1460 – 1958 für mehr als 500 Sprachen und Dialekte. Stuttgart, 1958.

205. Zgusta, L. Manual of Lexicography / L. Zgusta. – Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Science, 1971. – 360 p.

206. 黄建华. 《英俄德法西日语文词典研究》, 商务印书馆出版, 1992. – 417 页.

207. 黄建华, 《双语词典学导论》, 商务印书馆, 1992. – 236 页.

Список словарей

208. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М.: Элпис, 2008. – 472 с.

209. Байрамова, Л.К. Фразеологический словарь языка В.И. Ленина / Л.К. Байрамова, П.Н. Денисов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 350 с.

210. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.

211. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.

212. БКРС – Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / под ред. проф. И.М. Ошанина = 華俄大辭典 М.: Наука (Глав. ред. вост. лит-ры), 1983–1984.

213. Блинова, О.И., Юрина, Е.А. Словарь образных слов русского языка. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 364 с.

214. Большой англо-русский словарь (БАРС): в 3-х т. Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна и проф. Э.М. Медниковой, 1994.

215. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ – Пресс книга, 2009. – 784 с.
216. Васильев, А.И. Словарь фразеологических единиц древнерусского языка / А. И. Васильев. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – 394 с.
217. Васильев, А.И. Фразеологический словарь языка И.А. Бунина / А.И. Васильев. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – 391 с.
218. Вахрушева, А.В. Англо-русский словарь политически корректного языка: словарь / А.В. Вахрушева, Е.В. Волкова. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2023. – 26 с.
219. Дайте миру шанс! словарь современных политических лозунгов России и Германии / [русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова и др.; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; под ред. С.Г. Шулежковой, А.А. Осиповой]. – Магнитогорск, Greifswald: Магнитогорский дом печати; Ernst-Moritz Univ., 2016. – 300 с.
220. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь. Под ред. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко / Мокиенко, В.М.; Власов, А.С.; Мелерович, А.М.; Третьякова, И.Ю.; Фокина, М.А.; Якимов, А.Е. Издательство Костромского государственного университета, 2010.
221. Жуков, А.В. Словарь современной русской фразеологии / А.В. Жуков, М.Е. Жукова. – М.: АСТ-Пресс, 2015. – 416 с.
222. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
223. Жуков, В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка: ок. 730 синонимических рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр; под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
224. Зимин, В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 729 с.
225. Иванова, Н.Н., Иванова, О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): более 4500 образных

слов и выражений. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во «Русские словари»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 666 с.

226. Квятковский, А.П. «Поэтический словарь» А.П. Квятковского / издательство «Советская Энциклопедия», 1966. – 376 с.

227. Китайско-русский словарь: 華俄辭典: около 65 000 слов и выражений / под редакцией проф. И. М. Ошанина; Институт востоковедения Академии наук СССР. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 13, 889 с.

228. Козинец, С.Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. – 284 с.

229. Ловчикова, А.А., Солопова, О.А. Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор / А.А. Ловчикова, О.А. Солопова. – М.: Издательский дом ВКН, 2026. – 170 с.

230. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 863 с.

231. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний / М.И. Михельсон. – СПб., 1912. – 1046 с.

232. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений: большой объяснительный словарь: более 45000 образных выражений / В.М. Мокиенко. – ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 798 с.

233. Мудров, Б.Г. Китайско-русский словарь / З.И. Баранова, В.Е. Гладиков, В.А. Жавороников, Б.Г. Мудров. М.: Рус. яз., 1980. – 528с.

234. Немецко-русский словарь речевого общения (НРСРО). Городникова М.Д., Добровольский Д.О. При участии профессора Урсулы Ферстер. М.: Русский язык, 1998.

235. Новый большой англо-русский словарь (НБАРС): в 3-х т. Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993.

236. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимоантонимический). – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.
237. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. – 1375 с.
238. Павлович, Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 848 с.
239. Прокошева, К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К.Н. Прокошева. – Пермь, 2002. – 431 с.
240. Русский тематический словарь. Том 1. Природа. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Ольховская А.И. АСТ-Пресс ШКОЛА, 2024. – 752 с.
241. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: – Вып. 1: (Зооморфные образы) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
242. Русско-французский словарь / сост. проф. Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, М.Ф. Дусс; под общ. руководством и ред. проф. Л.В. Щербы; С прил. кратких сведений по грамматике фр. яз., сост. проф. Л.В. Щербой, около 75000 слов. – Москва: Советская энциклопедия, 1936. – 791 с.
243. Семкин, М.А. Актуальные термины политической лингвистики: словарь современных медиа: справочник / М.А. Семкин. – Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. – 112 с.
244. Серов, В.В. «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений»: ООО Издательство «Локид- Пресс», Москва. 2005. – 677 с.
245. Складневская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 480 с.
246. Складневская Г.Н., Ткачева И.О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России : краткий словарь-справочник. – М. ; СПб. : Академия : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 224 с.

247. Сковородников, А.П. Словарь современных политических ярлыков / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, 2022. – 176 с.

248. Словарь Академии Российской. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии наук, 1789-1794. – Часть III (З–М). – СПб, 1789–1794. – С. 1341.

249. Словарь Академии Российской. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии наук, 1789-1794. – Часть IV (М–Р). – СПб, 1789–1794. – С. 104.

250. Словарь Академии Российской. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии наук, 1789-1794. – Часть V (Р–Т). – СПб, 1789–1794. – С. 449.

251. Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.; под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.

252. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.

253. Словарь перестройки (1985–1992) / В.И. Максимов [и др.]. СПб. : Златоуст, 1992. – 253 с.

254. Словарь обыденных толкований политических терминов : лексикографический опыт: 50 слов-стимулов: / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» ; авторы-составители: Е.С. Беляева [и др.]. - Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2019. – 141 с.

255. Словарь русской пищевой метафоры. – Том 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 428 с.

256. Словарь современной русской фразеологии свыше 2100 фразеологических единиц, значение, происхождение, употребление, примеры из современной прессы / А.В. Жуков, М.Е. Жукова // Институт русского языка

имени В.В. Виноградова РАН. – Москва: Грамота [и др.], 2023 [т. е. 2022]. – 411, [2] с.

257. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. ст. под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.

258. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. – М.: Флинта, 2010. – 304 с.

259. Тарасенко Т.П. Словарь избирательной кампании. Краснодар : Просвещение-Юг, 2016. – 587 с.

260. Туранина, Н.А. Метафора В. Маяковского: словарь, таблицы, комментарий. Белгород: Изд-во Белгород, гос. ун-та, 1997. – 190 с.

261. Туранина, Н.А. Словарь метафор А. Блока. Белгород: Изд-во Белгород, гос. ун-та, 1997. – 34 с.

262. Туранина, Н.А. Словарь образных средств С. Есенина. Белгород: Изд-во Белгород, гос. ун-та, 1998. – 87 с.

263. Туранина, Н.А., Чумаков, А.Н. Словарь метафорических образов М. Пришвина. Белгород. 2007. – 226 с.

264. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М.: Вече, 2000. – 464 с.

265. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся нац. Школ / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1984. – 271 с.

266. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

267. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х томах: более 12 000 фразеологических единиц / сост. д-р филол. наук А.И. Федоров. А - М. – Москва: Цитадель, 1997, 1997. – 390, [1] с.

268. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Воинова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

269. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова; под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта: Наука, 2004.
270. Французско-русский словарь (ФРСАТ): под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. М.: Русский язык, 1991.
271. Шестакова, Л.Л., Кулева, А.С., Гик, А.В. Словарь языка русской поэзии XX века. Том IX. Книга 1. Только – Уехать / Серия *Studia philologica*. Издательство ИД ЯСК, 2021. – 520 с.
272. Языкознание: Большой энцикл. слов. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.) "Лингв. энцикл. слов." 1990 г. – Москва: Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с.
273. Longman Collocations Dictionary and Thesaurus. Pearson Education Limited. 2013. 1463 p.
274. Oxford Collocations Dictionary for Students of English. Oxford: Oxford University Press, 2003.
275. Safire W. Safire's Political Dictionary. Rev. ed. New York : Oxford University Press, 2008. 862 p.
276. ZHONGA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zhonga.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
277. 汉典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net>, свободный. – Загл. с экрана.
278. 漢語多功能字庫 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://humanum.arts.cuhk.edu.hk/Lexis/lexi-mf/>, свободный. – Загл. с экрана.
279. 在线汉语词典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cidian.tqzw.net.cn>, свободный. – Загл. с экрана.
280. 在线新华字典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com>, свободный. – Загл. с экрана.
281. 戴木金, 惯用语词典. – 四川人民出版社, 1986.

282. 汉语成语词典/宋永培等编著, -1 版. -成都: 四川辞出版社, 1998. - 1128 页.
283. 汉语成语词典 /何平主编. - 成都: 电子科技大学出版社, 2004. - 1004 页.
284. 汉语成语词典 / 编委会编. - 太原: 山西出版传媒集团 书海出版社, 2019. - 683 页.
285. 吕叔湘, 丁声树《现代汉语辞典》, 商务印书馆, 1978. - 1090 页.
286. 俗语小词典 / 革小玉主编, -3 版(修订本). 成都: 四川出版集团: 四川群书出版社, 2005. - 490 页.
287. 王力.《王力古汉语字典》, 中华书局出版. 2000. - 1817 页.
288. 王晓鹰, 章宜华.《英汉汉英医学词典》, 外语教学与研究出版社, 2008. - 1771 页.
289. 王晓鹰, 章宜华.《英汉药学词典》, 商务印书馆, 2010.
290. 王语今, 孔柯嘉.《俄华大词典》, 1956. 时代出版社, - 2229 页.
291. 中国歇后语大词典 / 温端政主编. - 上海: 上海辞书出版社, 2002. - 1395 页.
292. 中华成语大词典, 华语教学出版, 2014. - 1271 页.
293. 周宏溟《比喻辞典》, 湖南教育出版社, 1998. - 432 页.

Список источников

294. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология [Электронный ресурс]: монография. - 2-е изд., испр. и доп. - Электрон. текстовые дан. (4,4 Мб). - СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. - 464 с.
295. Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vz.ru>, свободный. - Загл. с экрана.
296. Завтра. Ру [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://zavtra.ru>, свободный. - Загл. с экрана.

297. Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
298. Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
299. Казак, Н.А., Смирнова, Т.В. Фиксация лингвистических терминов в словарях цитатного типа (на материале русского и английского языков) // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2019. № 4(61). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/7207>
300. Московский Комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
301. Правда. Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
302. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
303. РСМД (Российский совет по международным делам) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
304. Сетевое издание «Вести. Ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
305. ТВ БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvbrics.com>, свободный. – Загл. с экрана.
306. AntConc. Корпусный менеджер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laurenceanthony.net/software/antconc/>, свободный. – Загл. с экрана.
307. RuNews24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runews24.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
308. VoyantTools. Корпусный менеджер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voyant-tools.org>, свободный. – Загл. с экрана.
309. 中国青年报 – газета «Китайская молодежь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cyol.com>, свободный. – Загл. с экрана.

310. 中国日报 – государственная ежедневная газета КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinadaily.com.cn/>, свободный. – Загл. с экрана.

311. 光明日报 – «Гуанмин жибао» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gmw.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

312. 财新网 – деловой новостной портал и журнал «Цайсин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.caixin.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

313. 参考消息网 – ежедневная газета, издаваемая в Китае информационным агентством «Синьхуа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cankaoxiaoxi.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

314. 环球时报 – ежедневная газета на базе People's Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huanqiu.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

315. 人民网 – интернет-версия «Жэньминь жибао» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.people.com.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

316. 新浪新闻 – информационный веб-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.sina.com.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

317. 中国网 – китайский информационный Интернет-центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china.com.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

318. 中国辞书学会 – китайское лексикографическое общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zgcsxh.org.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

319. 南方周末 – китайская еженедельная газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infzm.com>, свободный. – Загл. с экрана.

320. 中华人民共和国商务部 – министерство коммерции КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofcom.gov.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

321. 中华人民共和国外交部 – министерство иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

322. 中国新闻网 – национальный новостной портал агентства «Чжунсинь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/>, свободный. – Загл. с экрана.

323. 每日经济新闻 – национальная деловая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mrjxw.com>, свободный. – Загл. с экрана.

324. 中国军网 – новостной портал народно-освободительной армии Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.81.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

325. 凤凰网 – новостной портал медиа-холдинга Phoenix [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ifeng.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

326. 观察者网 – новостно-аналитический интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.guancha.cn/>, свободный. – Загл. с экрана.

327. 共产党员网 – официальный сайт членов Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.12371.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

328. 新华网 – официальный новостной портал агентства «Синьхуа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

329. 北京日报 – «Пекин Дэйли» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bjd.com.cn, свободный. – Загл. с экрана.

330. 央广网 – центральная народная радиовещательная станция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnr.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

331. 央视 – центральное телевидение Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cctv.com>, свободный. – Загл. с экрана.

332. 百度教育 – Baidu Education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hanyu.baidu.com/hanyu>, свободный. – Загл. с экрана.

333. 经济参考报 – Economic Information Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jjckb.cn>, свободный. – Загл. с экрана.

334. 经济通 – ETNetChina [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etnetchina.cn/>, свободный. – Загл. с экрана.

335. 网易新闻 – NetEase [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.163.com>, свободный. – Загл. с экрана.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Словарные статьи лексикографического издания «Образ БРИКС: китайско-русский дискурсивный словарь политических метафор»

Оглавление рассматриваемого словаря включает следующие разделы:

Предисловие

Раздел 1. Метафорическая модель со сферой-источником «путь»

Раздел 2. Метафорическая модель со сферой-источником «дом»

Раздел 3. Метафорическая модель со сферой-источником «игра и спорт»

Раздел 4. Метафорическая модель со сферой-источником «физиология»

Раздел 5. Метафорическая модель со сферой-источником «мир
животных»

Раздел 6. Метафорическая модель со сферой-источником «механизм»

Раздел 7. Метафорическая модель со сферой-источником «родство»

Раздел 8. Метафорическая модель со сферой-источником «война»

Раздел 9. Метафорическая модель со сферой-источником «мир неживой
природы»

Раздел 10. Метафорическая модель со сферой-источником «физические
свойства»

Раздел 11. Метафорическая модель со сферой-источником «мир
растений»

Раздел 12. Метафорическая модель со сферой-источником «артефакт»

Раздел 13. Другие сферы-источники

Список литературы

Список словарей

Список источников

Сведения об авторах-составителях

Ниже представлены по две словарные статьи каждого раздела словаря.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

РАЗДЕЛ 1. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ПУТЬ»

步伐 «шаг, поступь, марш»

Действие или этап, продвигающий процесс к цели.

步伐 bùfá: 步 «шаг, походка»; 伐 «нападать, наступать».

Иероглифы «步» и «伐» впервые появились в надписях на гадательных костях и черепаших панцирях эпохи династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Слово «步伐» в китайском языке обозначает размер и скорость шагов во время военных учений, а также обычные шаги, совершаемые во время движения или ходьбы. В переносном смысле описывает скорость развития какого-либо процесса, например, темп изменений или динамику продвижения вперед.

Единица «步伐» активно используется в политическом дискурсе КНР применительно к политике реформ и открытости (改革开放), в том числе к реформам современного Китая. Политика реформ и открытости была предложена в 1978 году по инициативе Дэн Сяопина (邓小平) и КПК (中共). Ее суть заключалась в переходе от плановой экономики к социалистической рыночной модели, развитии частного сектора, создании особых экономических зон и интеграции страны в мировую экономику. Благодаря реформам Китай добился масштабного прогресса: за несколько десятилетий страна превратилась в одну из ведущих мировых экономик, а уровень жизни населения существенно вырос. Важность сохранения динамики реформ подчеркивает и председатель КНР Си Цзиньпин: «中国改革的步伐将坚定向前、不会放慢» (*Шаги китайских реформ будут твердо двигаться вперед и не замедлятся*). Метафора «步伐» переносится в сферу международных отношений, в частности в дискурс о БРИКС, репрезентируя целенаправленное движение к общей цели: каждый новый шаг объединения продвигает его к построению более справедливого и сбалансированного мира.

- 金砖国家在加强公共卫生合作和疫苗研发合作方面迈出坚实的步伐。 *Страны БРИКС предприняли решительные шаги по укреплению сотрудничества в области общественного здравоохранения, а также исследований и разработок вакцин* (北京日报 24.06.2022).
- 眼下, 金砖国家正加快步伐, 朝着去美元化的大方向努力, 想着逐步建立一个更公平、更多样的金融体系。 *В данный момент страны БРИКС ускоряют шаги в направлении дедолларизации, стремясь постепенно*

выстроить более справедливую и разнообразную финансовую систему (环球时报 02.07.2024).

действие; инициатива; продвижение; решение

道路 «дорога, путь»

Стратегическое направление и траектория движения к цели.

道路 dàolù: 道 «путь; дорога; тракт»; 路 «дорога, путь, улица».

В китайской культуре «道路» имеет два основных значения. Во-первых, слово «道路» обозначает дорогу в буквальном смысле – путь для людей, лошадей и транспортных средств, проход между двумя местами. Во-вторых, «道路» используется метафорически, чтобы описать развитие явлений или поведение человека. В таком абстрактном значении «道路» передает идею направления, стратегии или траектории движения во времени, а не в пространстве.

Например, «путь социализма с китайской спецификой» (中国特色社会主义道路) – так называют выбранную страной стратегию социально-экономического развития. Здесь «道路» — долгосрочный курс, модель построения общества, сочетающая общие принципы социализма с национальными особенностями. Иероглиф «道» (дао – «путь») одновременно означает и физическую дорогу, и фундаментальный философский принцип устройства мира, занимая центральное место в конфуцианстве и даосизме. В даосизме дао понимается как универсальный закон мироздания, естественный порядок вещей и гармоничное течение бытия, которому следует не противостоять, а сообразовываться с ним. В конфуцианстве дао трактуется как путь должного поведения, основанный на принципах нравственности, социальной гармонии и правильного управления. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует коллективное движение стран объединения к общей цели и построению более справедливого многополярного мира.

- 金砖国家为繁荣铺平道路。 страны БРИКС прокладывают **путь** к процветанию (人民日报 01.07.2022).
- 金砖国家走过了一条充满荆棘却又硕果累累的道路。 страны БРИКС прошли **тернистый, но плодотворный путь** (新华社 30.09.2024).
- 金砖各成员国必须寻求符合自己国家主权的发展道路, 才能推翻 “全球北方” 主导了五个多世纪的现代化进程。 Каждая страна БРИКС должна **искать путь** развития, соответствующий ее государственному суверенитету, чтобы сломать доминировавший более пяти веков процесс модернизации под руководством «Глобального Севера» (环球时报 03.07.2024).

- 金砖国家自主选择发展道路，共同捍卫发展权利，携手迈向现代化。
Страны БРИКС самостоятельно выбирают **путь** развития, совместно защищают право на развитие и шаг за шагом движутся к модернизации (人民日报 01.07.2024).

альтернатива; поступательность; преодоление; целенаправленность

РАЗДЕЛ 2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ДОМ»

房子 «дом, здание, жилище»

Пространство принадлежности и безопасности, подлежащее охране и регулированию.

房子 fángzi: 房 «комната, строение»; 子 «суффикс существительных».

Иероглиф «房» впервые появился в письменности периода Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.). Первоначально слово «房» обозначало комнаты слева и справа от главной комнаты (正室左右的屋子). Позже оно стало относиться к зданиям для проживания или хранения вещей, а в широком смысле – к любым объектам, имеющим форму дома.

Дом «房子» в китайской культуре традиционно воспринимался не просто как физическое убежище, но и как пространство, упорядочивающее отношения между человеком и космосом. Эта идея опиралась на принципы фэншуй (风水), согласно которым расположение, ориентация и планировка жилища должны гармонизировать с потоками энергии *ци* (气), обеспечивая благополучие и удачу. Архитектурная организация дома отражала конфуцианские ценности иерархии и гармонии. В классических традиционных домах типа *сыхэюань* (四合院 – тип застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора) расположение помещений строго регламентировалось в соответствии с семейными ролями и возрастом, а центральный двор выступал связующим элементом, символизирующим единство рода. Дом служил материальным воплощением преемственности поколений, в нем хранились родовые реликвии, совершались обряды почитания предков, фиксировались важные семейные события. Алтарь предков, как правило, размещался в почетной части дома, подчеркивая связь живых с ушедшими и ответственность перед потомками. Расположение алтаря, спален старших членов семьи и учебных комнат для детей подчинялось не только практическим соображениям, но и нормам благопристойности (礼 как основа конфуцианского мировоззрения),

регулирующей социальные и семейные отношения. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания принципа «навести порядок в доме, прежде чем звать гостей», акцентируя приоритет внутренней слаженности и согласованности как условия устойчивого расширения.

- 金砖里有美国的人，多国协商一致关上大门，打扫干净房子再请客。在 БРИКС оказались люди, близкие к США; многие страны договорились – сначала закрыть двери, навести порядок в **доме**, а уже потом приглашать гостей (环球网 04.07.2024).

безопасность; доверие; свой круг; традиция

砖/空心砖 «кирпич» / «пустотелый кирпич»

Элемент общего «строительства», отражающий вклад в создание новой системы.

砖 zhuān.

空心砖 kōngxīnzhuan: 砖 «кирпич»; 空心 «полый, пустотелый».

Иероглиф «砖» обозначает кирпич – строительный материал, используемый для возведения зданий. В китайской культуре кирпич традиционно символизирует надежность и основательность.

В периоды Весен и осеней и Сражающихся царств (春秋战国时代, 770–476/403 до н. э.; 476/403–221 до н. э.) в Китае начали производить квадратные и прямоугольные кирпичи. При династиях Цинь и Хань (秦汉, 221–207 до н. э.; 206 до н. э. – 220 н. э.) технологии изготовления, масштабы производства, качество и разнообразие кирпичей усовершенствовались, именно тогда они получили известность как «кирпичи Цинь и черепица Хань» (秦砖汉瓦). В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует объединение как фундамент новой мировой архитектуры, в которой каждый участник выступает элементом устойчивой конструкции. «空心砖» («пустотелый кирпич») – строительный материал, характеризующийся наличием внутренних полостей. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует объединение как структуру, в которой «пустота» интерпретируется не как недостаток, а как пространство для взаимодействия и совместного роста, акцентируя открытость и потенциал многостороннего партнерства.

- 金砖国家合作曾被一些西方媒体讥讽为虚多实少，是块“空心砖”，但实践证明金砖国家合作决不是“空心砖”，而是实实在在、利国利民利世界的“金砖”。Сотрудничество стран БРИКС когда-то высмеивалось

некоторыми западными СМИ, называющими его пустыми словами и «пустотелым кирпичом». Однако практика показала, что сотрудничество стран БРИКС – это не «пустой кирпич», а настоящий «БРИКС», приносящий пользу стране, народу и миру (光明日报 02.04.2013).

• 我们说金砖, 金砖就是砖, 我们把五块砖放在一起了, 又来六块砖搁在一起, 那就像盖楼一样, 砖搁在一起, 有钢筋这么一个骨架, 把大家串起来一起去美元化。БРИКС можно представить как строительство здания: сначала было пять кирпичей, затем добавились еще шесть. Но для дедолларизации одних кирпичей мало – нужен прочный арматурный каркас (南方周末 02.07.2024).

вклад; созидание; формирование системы

РАЗДЕЛ 3. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ИГРА И СПОРТ»

队 «команда»

Объединение политических акторов, действующих согласованно ради общей цели.

队 duì.

Иероглиф «队», обозначающий «команду», «группу» или «отряд», имеет глубокие исторические корни. Ранние начертания, зафиксированные на гадательных костях эпохи династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.), визуально воспроизводили образ человека, падающего головой вниз с горы. Со временем семантика иероглифа трансформировалась, он стал использоваться для обозначения группы людей, объединенных общей целью, и получил широкое распространение в военной сфере.

В китайской культуре концепция команды неразрывно связана с конфуцианскими ценностями, которые формируют базовые принципы ее организации и функционирования. Центральное место занимает идея коллективизма (集体观念), интересы группы ставятся выше индивидуальных стремлений, а успех воспринимается как результат совместных усилий. Важнейшим элементом выступает иерархия: структура команды предполагает четкое распределение ролей — каждый участник осознает свое место и обязанности. Авторитет руководителя не подвергается сомнению, а подчинение вышестоящему лицу рассматривается как проявление уважения и добродетели. Эта модель находит отражение в различных сферах общественной жизни. В традиционном образовании учитель занимал позицию

наставника, указания которого не обсуждались, а ученики воспринимались как единое целое, нацеленное на освоение знаний. В семейной организации конфуцианская модель «пяти отношений» (五伦) закрепляла иерархию между поколениями и полами, формируя привычку к структурированным взаимодействиям. Коллективная ответственность (集体责任) снижает уровень индивидуализма в рабочих процессах, а лояльность компании ценится выше личной инициативы. При этом уважение к старшим по должности или возрасту, основанное на конфуцианской концепции сыновней почтительности (孝), остается ключевым элементом межличностных отношений внутри команды. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания сотрудничества стран-участниц как слаженной командной работы.

- *金砖国家不是碌碌无为的清淡馆，而是知行合一的行动队。 страны БРИКС – это не место для пустых разговоров, это команда, сочетающая знания и действия (新华社 05.09.2017).*

дисциплина; распределение; результативность; сплоченность

象棋 «сянци, китайские шахматы»

Политическое взаимодействие, при котором акторы ведут позиционную борьбу, разыгрывают ресурсы и просчитывают ходы соперника для достижения преимущества.

象棋 xiàngqí: 象 «слон, образ, символ»; 棋 «шахматная фигура, игра в шахматы».

«象棋» – единица, обозначающая сянци, или китайские шахматы, традиционную стратегическую настольную игру с многовековой историей для двух игроков. Ее происхождение до конца не выяснено, но первые достоверные свидетельства существования игры относятся к эпохе династии Тан (唐朝, 618–907).

В период династии Тан уже использовались фигуры, напоминающие современные: «генерал» (将), «конь» (马), «колесница» (车) и «пешка» (卒). В период династии Сун (宋) в игру добавили «пушку» (炮), «советника» (士) и «слона» (象), после чего она приобрела вид, близкий к современной. Расцвет сянци пришелся на эпохи династий Мин и Цин (明清, 1368–1644; 1644–1911), когда игра стала одной из самых популярных в Китае и распространилась среди всех слоев населения. Доска для сянци отличается от классической шахматной, она состоит из девяти вертикальных и десяти горизонтальных

линий, а не из клеток, и между двумя половинами доски находится «река» (河), влияющая на движение некоторых фигур, например слонов, которые не могут ее пересекать. Цель игры аналогична западным шахматам – поставить мат генералу противника (将死). На протяжении веков игра служила средством тренировки стратегического мышления. Сегодня она остается популярной не только в Китае, но и в других странах Восточной Азии. Проводятся национальные и международные турниры, существуют рейтинги игроков и школы обучения, что позволяет игре развиваться, сохраняя верность историческим корням. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания международных процессов как структурированной борьбы за влияние, каждый шаг в которой должен быть согласован с общей стратегией и учитывать реакцию других игроков.

- *然而想改变当下的国际金融秩序，哪有那么容易，这就好比进行一场大型的国际象棋比赛，每走一步都得把各种影响因素考虑到，金砖国家在这场较量中能否取得优势，还真不好说呢。Однако изменить существующий международный финансовый порядок не так-то просто. Это похоже на крупную партию в шахматы, где каждый ход требует учета множества факторов. Сможет ли БРИКС добиться преимущества в этой борьбе — сказать сложно (环球时报 30.06.2024).*

дипломатическая борьба; многоходовая стратегия; противостояние

РАЗДЕЛ 4. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ФИЗИОЛОГИЯ»

肩膀/肩 «плечо»

Опора, на которую можно положиться; способность выдерживать нагрузку, поддерживать других и брать ответственность.

肩膀 jiānbǎng: 肩 «плечо, нести на себе»; 膀 «верхняя часть руки, плечо».

«肩膀» в китайском языке буквально означает «плечо» – верхняя часть руки человека. Слово состоит из двух иероглифов: 肩 – «плечо», который также может употребляться в значении «нести на плечах / брать на себя ответственность», и 膀 – «верхняя часть руки, плечо». В метафорическом смысле именно иероглиф 肩 несет значение ответственности, которую человек готов или способен взять на себя. Основа метафоры – перенос физического действия («нести груз на плечах») на абстрактное понятие («нести бремя ответственности»).

В китайской лингвокультуре данная метафора соотносится с конфуцианским представлением о моральном долге и социальной ответственности (责任, 担当), предполагающим готовность личности брать на себя обязательства ради общества и государства. В дискурсе о БРИКС метафора актуализирует идею исторической ответственности, которую страны объединения берут на себя, а также подчеркивает преемственность поколений, продолжающих это движение. «肩膀» репрезентирует опору, на которой формируется новая архитектура мира. Метафора отражает моральную и историческую ответственность стран БРИКС, а также преемственность и роль стран Глобального Юга в формировании справедливого миропорядка.

- “及笄之年” 的金砖峰会，走向成熟，重任在肩。《Совершеннолетие》БРИКС – путь к зрелости и груз ответственности на плечах (中国日报 23.08.2023).
- 全球治理体系改革，金砖国家重任在肩。Реформа системы глобального управления – на **плечах** стран БРИКС лежит большая ответственность (新华社 01.07.2024).
- 我们站在金砖巨人的**肩膀**上，终有一日我们会接过金砖的传承，实现人类命运共同体的祈愿，铸就世界大同的盛世。Мы стоим на **плечах** гигантов БРИКС и однажды передадим эстафету дальше – ради воплощения идеи сообщества единой судьбы человечества и наступления эпохи всеобщего мира и процветания (人民日报 30.06.2024).
- 与会代表认为，在此过程中，金砖国家媒体智库肩负重任。По мнению участников форума, СМИ и аналитические центры стран БРИКС в ходе этого процесса несут на своих плечах серьезную ответственность (新华社 17.07.2025).

поддержка; опора; нагрузка; ответственность

拳头 «кулак»

Политическая сила, связанная с давлением, принуждением и готовностью к силовому воздействию.

拳头 quántou: 拳 «кулак»; 头 «голова; словообразующий суффикс имен существительных».

Иероглиф «拳» впервые встречается в текстах периода Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.) Кулак – важная часть человеческой руки, выполняющая широкий спектр практических функций: от нанесения удара до

защиты. В повседневной жизни этот образ прочно ассоциируется с силой, агрессией или обороной – в зависимости от контекста использования.

Особую роль кулак играет в традиционных китайских боевых искусствах (中国传统拳术) – ушу (武术), включающих различные направления, такие как синъицюань – «кулак формы и намерения» (形意拳), тайцзицюань – «кулак великого предела» (太极拳) и другие. Здесь «拳» выходит за рамки инструмента физической силы и становится воплощением целостной философии, основанной на гармонии и балансе. Удары кулаком могут носить как атакующий, так и защитный характер – эта двойственность отражает многогранность человеческой природы: способность одновременно проявлять мощь и сдержанность, агрессию и самоконтроль. Важный элемент китайской культурной традиции – жест баоцюань (抱拳), традиционный способ выражения приветствия и уважения, дословно означает «обнимание кулака». Он выполняется следующим образом: правая рука сжимается в кулак, после чего на уровне груди касается раскрытой левой ладони. Возможен последующий охват ладонью кулака. Исторические свидетельства указывают на значительную древность ритуала «抱拳»: его корни прослеживаются в культурных практиках, существовавших еще до эпохи династии Чжоу (周朝, 1046–256 до н. э.). Это позволяет рассматривать приветствие кулаком и ладонью как один из ранних примеров невербальной коммуникации в китайской цивилизации. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует решимость стран-участниц защищать свои интересы. Кулак выступает как символ единства и готовности объединения действовать согласованно в вопросах экономики, безопасности и глобального управления.

- 习近平主席曾生动地比喻, “金砖国家就像 5 根手指, 伸开来各有所长, 攥起来就是一只拳头”。 Председатель КНР Си Цзиньпин однажды метко сравнил страны БРИКС с пятью пальцами: по отдельности каждый обладает своими сильными сторонами, объединившись, они превращаются в кулак (新华社 22.10.2024).

коллективная сила; принуждение; решимость; сдерживание

РАЗДЕЛ 5. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МИР ЖИВОТНЫХ»

翅膀 «крыло птицы, крылышко»

Коллективный потенциал объединения, способность к ускоренному развитию, преодолению геополитических барьеров и укреплению международного влияния.

翅膀 chībǎng: 翅 «крыло»; 膀 «рука (от плеча до локтя); плечо; крыло».

Иероглиф «翅» был включен в список общепринятых иероглифов современного китайского языка в 1988 году (现代汉语通用字表). Крыло – орган, который служит для полета у птиц, насекомых и некоторых млекопитающих. В технике – несущая плоскость летательного аппарата, создающая подъемную силу (飞机翅 «крыло самолета»). В метафорическом смысле «翅膀» выходят за рамки биологической формы; они обозначают свободу и трансцендентность, способность освободиться от ограничений и достичь более высоких сфер. Также «翅膀» воплощают силу и рост, мечты и надежды, так «крылья мечты» (梦想的翅膀) дают человеку чувство направления и побуждают двигаться вперед, а внутренняя смелость или накопленные знания выступают как «крылья», помогающие достигать целей.

В китайской культуре крылья тесно связаны с духовностью, мифическими существами и идеей возвышенности. Китайская мифология богата образами существ, наделенных способностью летать, например, небесного коня (天馬), крылатого дракона (應龍), *цилин* / единорога (麒麟) и многих других. Особое место среди них занимает феникс (凤凰) – величественная мифическая птица, чьи крылья несут в себе глубокий символический смысл. В древнекитайской мифологии феникс почитается как «царь птиц» и символизирует благополучие, красоту и возрождение. Расправленные крылья феникса служат знаком благих перемен, их появление в небе считалось предвестником наступления великого мира в Поднебесной, рождения мудреца или начала сезона дождей. Символика крыльев, столь значимая в китайской культуре, находит отражение и в политическом дискурсе. Метафора «крыльев БРИКС» воплощает единство и устремленность к развитию. Она репрезентирует способность объединения действовать сообща, преодолевать вызовы и двигаться к общим целям быстрее и увереннее.

• 习近平: “只要我们心往一处想、劲往一处使, 金砖国家将展开腾飞的翅膀, 飞得更快更远”。 Си Цзиньпин: «Пока мы будем едины в своих взглядах и будем работать вместе, страны БРИКС расправят **крылья** и полетят быстрее и дальше» (人民日报 17.07.2014).

мобильность; прорыв; расширение

龙 «дракон»

Политический актор, реализующий последовательную внешнюю политику, ориентированную на укрепление своего положения в системе международных отношений и продвижение долгосрочных интересов.

龙 lóng.

Иероглиф «龙» относится к эпохе династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.) и представлен в двух типах письменных памятников: в надписях на гадательных костях и черепаших панцирях (甲骨文 *цзягувэнь*), а также на бронзовых сосудах (金文 *цзиньвэнь*).

Дракон – тотем и символ китайской нации (华夏民族的象征); он занимает важное место в китайской культуре, олицетворяя благополучие, жизненную силу и мужество. Дракон – мифическое существо из древних китайских легенд. По преданиям, он мог вызывать облака и дождь, управлять водой, контролировать ветер и бури. Со временем дракон стал символом императоров, а в феодальный период его использовали для обозначения всего, что связано с императорской властью. Только император имел право использовать изображения дракона на одежде (龙袍), троне (龙座), кровати (龙床). Особого внимания заслуживает Стена девяти драконов (九龙壁) в Запретном городе, возведенная в 1772 году при императоре Цяньлуне (乾隆), – символ императорского могущества. Она получила свое название благодаря девяти искусно высеченным драконам. Метафорически «龙» используется для обозначения талантливого человека, например, в идиоме «дракон среди людей» (人中之龙 – обр. «выдающийся человек»). В 2024 году, в год Дракона, министр иностранных дел Китая Ван И (王毅) и другие официальные лица выступили с инициативой: вместо привычного западного варианта «Дракон» (Dragon) использовать транслитерацию «Лун» (Loong). Это призвано развеять распространенные на Западе заблуждения и подчеркнуть, что китайский дракон символизирует благополучие, мужество и мир. Метафора «дракона» в дискурсе о БРИКС используется для описания объединения как сильного альянса, несущего идеи мирного сотрудничества и устойчивого развития.

- 外交部：金砖“中国年” 正式启动 希望金砖合作能“如虎添翼”，“龙腾虎跃”。
Министерство иностранных дел: Год Китая в рамках БРИКС официально начался; мы надеемся, что сотрудничество в рамках БРИКС получит мощный импульс и будет развиваться «как дракон, взмывающий в небо, и тигр, совершающий прыжок» – динамично и успешно (央视 19.01.2022).

величие; могущество; мудрость

РАЗДЕЛ 6. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МЕХАНИЗМ»

机制 «механизм»

Система процедур и инструментов, обеспечивающая функционирование и согласование действий государств и институтов

机制 *jīzhì*: 机 «машина, аппарат»; 制 «система, устанавливать, контроль».

Первое появление лексемы «机制» относится к эпохе династии Цин (清朝, 1644–1911). Оно использовалось в выражении «机制糖 *jīzhìtáng*», так называли сахар (糖), изготовленный машинным способом. В XX веке сфера применения единицы «机制» расширилась и стала включать экономические механизмы, социальные механизмы и многие другие.

В китайской политической традиции «机制» широко используется для описания внутренней и внешней политики. Во внешней политике, например, имеют в виду механизмы реализации крупных инициатив, таких как «Один пояс, один путь» (一带一路倡议). Инициатива, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году, направлена на развитие инфраструктуры и ускорение экономического сотрудничества стран, вовлеченных в маршруты Великого шелкового пути (丝绸之路). Сотрудничество Китая с партнерами по БРИКС реализуется и через конкретные институциональные механизмы – Новый банк развития (НБР 新开发银行), в котором Китай выступает одним из ключевых участников и соучредителей. В политическом дискурсе о БРИКС метафора «механизма» используется для описания устойчивых форматов взаимодействия между странами-участницами. Она подчеркивает слаженность и системность их сотрудничества как в рамках регулярных встреч, так и при реализации совместных проектов.

- 金砖国家是新兴市场和发展中国家间的重要合作**机制**。БРИКС является важным **механизмом** сотрудничества между формирующимися рынками и развивающимися странами (央视 25.08.2023).
- 金砖国家拓宽教育领域合作, 发挥好职业教育联盟作用, 探索建立数字教育合作**机制**。Страны БРИКС расширяют сотрудничество в сфере образования, эффективно используют потенциал альянса профессионального образования и исследуют возможность создания **механизма** цифрового образовательного взаимодействия (环球时报 28.06.2024).

регулирование; согласованность; структурированность; управляемость

杠杆 «рычаг»

Инструмент воздействия, позволяющий добиваться значимых изменений.

杠杆 **gàngǎn**: 杠 «палка, жердь, шест, стержень»; 杆 «ручка, рукоятка, рычаг».

Слово «杠杆» – физический рычаг, простейшее механическое устройство, позволяющее с меньшими усилиями воздействовать на тяжелые объекты. В переносном смысле «杠杆» служит метафорой силы или инструмента, который помогает уравновесить сложную ситуацию либо отрегулировать процессы, требующие значительных ресурсов.

Подобные «рычаги» есть у БРИКС – механизмы, которые позволяют БРИКС влиять на глобальные процессы, добиваясь результатов при относительно скоординированных усилиях. Например, продвижение взаиморасчетов в национальных валютах и создание платежной системы BRICS Pay. В условиях, когда мировая торговля испытывает давление, эта инициатива становится «рычагом», позволяющим снизить издержки и риски для участников. Переходя на расчеты в юанях, рупиях, рублях и других валютах, страны БРИКС получают возможность поддерживать торговый оборот даже в сложных геополитических условиях, то есть с меньшими политическими и финансовыми затратами добиваться устойчивости своих экономик. Расширение формата до БРИКС+ (金砖+) тоже рассматривается как рычаг. Включение новых стран увеличивает экономический потенциал объединения, расширяет географию торговых и инвестиционных потоков и усиливает переговорные позиции стран-участниц на международной арене. «杠杆» репрезентирует объединение БРИКС как силу, способную изменить ход истории, выстраивая более справедливый мировой порядок.

- 在高通胀和供应链受阻的国际背景下，金砖国家的经贸合作倡议可以成为世界经济复苏的**杠杆**。Глобальная инфляция и проблемы с поставками дестабилизируют мировую экономику. Сотрудничество стран БРИКС в торгово-экономической сфере может стать тем самым **рычагом**, который запустит процесс ее восстановления (环球时报 19.06.2022).
- 不管成功与否，“金砖”已经开始撬动历史的**杠杆**。Независимо от того, будет ли достигнут успех, БРИКС уже начал приводить в движение исторический **рычаг** (环球时报 30.06.2024).

влияние; контроль; регулирование

РАЗДЕЛ 7. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «РОДСТВО»

家庭 «семья»

家庭 jiā tíng: 家 «семья, семейство, род, дом»; 庭 «двор, дом, семья».

Сплоченное сообщество, коллектив, группа, члены которых связаны общими целями, интересами, ценностями, отношениями взаимопомощи и поддержки, напоминающими семейные.

Иероглифы «家» и «庭» были впервые зафиксированы в надписях на гадательных костях периода династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.) и в надписях на бронзе времен династии Западная Чжоу (西周, 1027–770 до н. э.) соответственно. В более широком смысле значение иероглифа «家» – «обосноваться» / «обустроить дом». Слово «庭» изначально обозначало главную комнату дома, затем – императорский двор и правительственные учреждения.

В Китае семья «家庭» играет центральную роль в общественной жизни. Решение важных вопросов невозможно без учета семейных интересов и ценностей. Представитель конфуцианской традиции Мэн-цзы (孟子) еще в IV веке до н. э. сказал: «Поднебесная держится на государстве, а государство держится на семье» (天下之本在国, 国之本在家, 家之本在身), это доказывает, насколько важны семья и ее ценности. В китайской культуре концепция семьи включает не только родителей и детей, но и более широкие родственные связи, такие как бабушки, дедушки, дяди и тети, что отражает конфуцианские ценности, где семья считается основой общества. Система терминов родства в китайской культуре является частью культурной идентичности, отражая уникальные аспекты китайской культуры, традиций и обычаев, связанных с семейными отношениями. Семья ассоциируется с уважением к старшим, заботой о младших и поддержанием гармонии. В дискурсе о БРИКС метафора «семьи» используется для описания объединения как сплоченного сообщества, основанного на принципах равенства, взаимного уважения, солидарности и общих стратегических целях.

• 8月24日, 金砖国家领导人第十五次会晤特别记者会宣布, 邀请沙特、埃及、阿联酋、阿根廷、伊朗、埃塞俄比亚正式成为金砖大家庭成员。24 августа на специальной пресс-конференции лидеров БРИКС было объявлено, что Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ, Аргентина, Иран и Эфиопия приглашены официально стать членами **семьи** БРИКС (新华社 25.08.2023).

- *金砖成员国和伙伴国构成了我们这个金砖大家庭。 страны – участницы БРИКС и страны-партнеры образовали нашу семью БРИКС (中华人民共和国外交部 02.05.2025).*

близость; взаимопомощь; доверие; единство

朋友/朋友圈 «друг» / «круг друзей»

Сплоченное сообщество, коллектив, группа, члены которых связаны крепкой дружбой, общими целями и интересами.

朋友 réngyou: 朋 «друг, приятель, товарищ»; 友 «друг».

朋友圈 réngyouquān: 朋 «друг, приятель, товарищ»; 友 «друг»; 圈 «круг, кольцо».

Иероглиф «朋» в древности обозначал две связки раковин каури, которые использовались в качестве денег, поэтому первоначальное значение «朋» – денежная единица (*пэн*). Позже из-за способа связывания раковин каури иероглиф приобрел другое значение – «близкий человек», то есть друг.

В китайской культуре дружба – это глубокие и сложные межличностные отношения, выходящие за рамки кровных уз и основанные на взаимном уважении, доверии и понимании. Дружба играет жизненно важную роль в жизни китайцев, являясь важным источником эмоционального обмена, духовной поддержки и социальной опоры. В фундаментальном труде конфуцианства «Лунь юй» (论语) содержится известное высказывание мыслителя Конфуция: «Разве не радостно встретить друга, прибывшего издалека?» (有朋自远方来，不亦乐乎), которое отражает важность дружбы как источника счастья. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует страны объединения как друзей и братьев, подчеркивая единство, солидарность и общность их судьбы.

- *央视网消息：习近平总书记曾经形容金砖国家是真诚相待的好朋友、好伙伴。 Новости ССТV: генеральный секретарь Си Цзиньпин однажды охарактеризовал страны БРИКС как хороших друзей и хороших партнеров, которые относятся друг к другу искренне (央视 30.08.2017).*
- *随着金砖国家的“朋友圈”不断扩大，“大金砖合作”的影响力和吸引力不断增强。 По мере того как «круг друзей» стран БРИКС продолжает расширяться, влияние и привлекательность «Большого сотрудничества БРИКС» продолжают расти (新华社 20.10.2024).*

- *最近，金砖国家的朋友圈又扩大了——印尼正式加入，让整个经济政治舞台上的变局如春雷乍响，一时间引起了全球的瞩目。 Недавно круг друзей стран БРИКС вновь расширился – к ним официально присоединилась Индонезия, что, подобно весеннему грому, вызвало перемены на всей экономической и политической арене и на время привлекло к себе внимание всего мира (人民日报 15.01.2025).*

доверие; поддержка; солидарность; союзничество

РАЗДЕЛ 8. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ВОЙНА»

盾 «ЩИТ»

Инструмент коллективной поддержки, позволяющий участникам минимизировать уязвимость и сохранять стабильность в условиях неопределенности.

盾 dùn.

Иероглиф «盾» впервые зафиксирован в надписях на гадательных костях эпохи династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Понятие «盾» в китайской традиции изначально обозначало предмет защитного вооружения, широко применявшийся в военном деле с древнейших времен.

Археологические находки остатков щитов эпохи династии Шан (商朝) свидетельствуют о раннем распространении этого вида военного снаряжения. Щиты того периода имели слегка выпуклую трапециевидную форму, они оснащались бронзовыми украшениями, подчеркивавшими статус владельца. В период Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.) получили распространение двухдуговые щиты из кожи, декорированные геометрическими узорами красного, зеленого и белого цветов. Данные изделия зафиксированы в археологических материалах, а их популярность в эпоху династии Хань (汉朝, 206 до н. э. – 220 н. э.) подтверждается терракотовыми статуэтками из гробницы Янцзявань (杨家湾古墓群). Материалы изготовления на протяжении истории оставались относительно стабильными: дерево, бамбук, ротанг, шкуры животных, а также металлы (медь, железо) для усиления конструкции. Эпоха династии Мин (明朝, 1368–1644) ознаменовалась распространением легких щитов из тополя, сосны и ротанга. Со временем «盾» перестает ограничиваться военным значением и используется в переносном смысле. В языке закрепились устойчивые

сочетания: **盾牌** – «отговорка, оправдание»; **后盾** – «задний щит», символизирующий поддержку и опору. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания роли объединения как защитного барьера, обеспечивающего международную стабильность и безопасность.

- *习近平：金砖国家要做世界经济稳定之锚、国际和平之盾。 Си Цзиньпин: страны БРИКС должны стать якорем мировой экономической стабильности и **щитом** международного мира (新华社 16.07.2014).*
- *既做世界经济动力引擎，又做国际和平之盾，团结合作的金砖五国正在全球舞台扮演更加丰富的角色。 Будучи одновременно движущей силой мировой экономики и **щитом** международного мира, страны БРИКС, объединившись и сотрудничая, играют все более разнообразную роль на мировой арене (新华社 28.08.2017).*

защита; надежное прикрытие; поддержка; совместная безопасность

方阵 «фаланга, эшелон»

Уровень, ранг, ступень в иерархии, совокупность стоящих во главе чего-либо должностных лиц или ведущих мировых держав.

方阵 fāngzhèn: 方 «квадрат, строй»; 阵 «строй, боевой порядок».

Иероглиф «方» впервые появился в надписях на гадательных костях периода династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Основное значение «方» относится к четырехугольнику с четырьмя прямыми углами и в более широком смысле описывает прямой характер человека. Первоначальное значение иероглифа «阵» связано с боевым построением армии во время столкновения двух армий.

«方阵» – квадратное построение, представлявшее собой один из основных тактических приемов в военном искусстве Китая и широко применявшееся на открытой местности для организации боевых порядков крупных воинских соединений. Структура построения базировалась на принципе вложенных друг в друга подразделений: оно включало фронтовую, среднюю и тыловую армии (前军, 中军, 后军), формировавшие многослойное построение оборонительного и наступательного характера. Визуально план такого строя напоминал китайский иероглиф «回»; подобная геометрическая форма отражала глубокие космологические представления традиционной китайской мысли о гармонии между «круглым небом» и «квадратной землей» (天圆地方). Эффективность эшелона во многом зависела от строгой выучки войск и слаженности действий всех подразделений. Командиры должны были точно рассчитывать интервалы между линиями, синхронизировать перемещения и

оперативно реагировать на изменения обстановки. В результате квадратное построение становилось не просто приемом, а материальным воплощением философско-космологических принципов порядка и гармонии, пронизывавших китайскую цивилизацию на протяжении веков. Второе значение «方阵» – это «方形队列» «квадратная колонна на парадах, церемониях, спортивных открытиях». В дискурсе о БРИКС метафора подчеркивает многоуровневость и согласованность действий стран объединения в процессе формирования многополярного мира.

- 习近平：作为全球南方的第一方阵，我们要展现集体智慧和力量，为构建人类命运共同体挺膺担当。Си Цзиньпин: будучи первым эшелон Глобального Юга, мы должны продемонстрировать коллективную мудрость и силу, взяв на себя ответственность за построение сообщества единой судьбы человечества (人民日报 02.07.2025).

иерархия; продвижение; распределение функций; упорядоченность

РАЗДЕЛ 9. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ»

地震 «землетрясение»

Масштабный фактор перемен.

地震 dìzhèn: 地 «земля»; 震 «трясти(сь), дрожать».

Иероглиф «地» впервые появился в надписях на бронзе (金文), его первоначальное значение – «материя» (物质) как противоположность «небу» (天). Позже оно постепенно расширилось до значения «земля, поверхность земли» (土地, 地表). Иероглиф «震» впервые был зафиксирован в «Шовэнь цзецзы» (说文解字, словарь китайских иероглифов). Основное значение – «удар молнии» (雷击). Лексема «地震» обозначает землетрясение – быстрые изменения земной коры и колебания грунта, вызванные внутренними движениями тектонических плит.

Самая ранняя запись о землетрясениях в истории Китая содержится в «Бамбуковых анналах» (竹书纪年) и относится к третьему году правления императора Ди И (帝乙). В китайской традиции такие природные явления никогда не воспринимались лишь как стихийные бедствия, их считали «небесным предупреждением» правителям и знаком нарушения гармонии между небом и землей. Эта идея опиралась на концепцию «небесного

мандата» – источник легитимности власти (天命). Согласно этому право правителя на власть зависело от его добродетельности и способности поддерживать гармонию между небом, землей и человеком. Землетрясение, как и другие природные катаклизмы, могло трактоваться как небесное предупреждение правителям о нарушении этой гармонии, например, несправедливым правлением, коррупцией, социальными конфликтами. В истории Китая произошло немало разрушительных землетрясений. Великое китайское землетрясение (嘉靖大地震) 1556 года в провинции Шэньси унесло 830 000 жизней и стало самым разрушительным в истории, а землетрясение в Таншане (唐山) 1976 года привело к гибели от 240 000 до 655 000 человек. Землетрясение в Сычуани (四川) 2008 года, затронувшее миллионы граждан, послужило толчком к совершенствованию систем сейсмического мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в стране. Со временем образ землетрясения обрел метафорический смысл. В дискурсе о БРИКС метафора актуализирует смыслы значимости объединения: действия БРИКС оказывают влияние на глобальные процессы – от валютной политики до стратегий безопасности.

- *印巴冲突背后, 印度怒指中国, 金砖国家迎来“大地震”! На фоне конфликта между Индией и Пакистаном Индия обрушилась с обвинениями на Китай — страны БРИКС переживают настоящее «политическое землетрясение»!* (环球时报 11.07.2024).

дестабилизация; кризис; нестабильность; перемены

珍珠 «жемчужина, жемчуг»

Уникальность, ценность.

珍珠 zhēnzhū: 珍 «жемчужина»; 珠 «жемчуг, шарик».

Иероглифы «珍» и «珠» впервые появились в «Шовэнь цзецзы» (说文解字, словарь китайских иероглифов) и в текстах периода Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.) соответственно. Первоначальное значение «珍» относится к драгоценным предметам, таким как жемчуг и нефрит (珠玉); в более широком смысле «珍» означает «ценный».

В древнекитайской культуре жемчуг занимал особое место; он считался символом лунного света, бессмертия, гармонии и мудрости, а также служил атрибутом власти и высокого социального статуса. В китайской мифологии важную роль играла связь жемчуга с драконом – символом бессмертия и могущества. Жемчужина, которую дракон держал во рту, олицетворяла его

силу, способность управлять стихиями. Часто такие изображения встречались в искусстве и декоре; дракон, стремящийся к жемчужине или удерживающий ее, символизировал поиск истины и духовное совершенствование. На протяжении веков жемчуг оставался одним из любимейших драгоценных камней – его ценили не только за красоту, но и за символическую глубину. Жемчуг также служил важным знаком социального статуса: высокопоставленные чиновники носили жемчужину на головном уборе – это подчеркивало их положение в иерархии. Император Великий Юй (禹, легендарный китайский правитель, основатель государства Ся) считал жемчуг самым дорогим и достойным подношением, что еще раз подчеркивало его исключительную ценность в глазах высшей власти. Кроме того, жемчуг использовался в традиционной медицине (中医) и алхимии (炼丹术) как средство, способное продлевать жизнь и укреплять дух. Его перламутровый блеск ассоциировался с целостностью и балансом – ключевыми понятиями китайской философии. В украшениях и ритуальных предметах жемчуг выступал не просто как драгоценность, а как носитель сакрального смысла: он напоминал о связи земного и небесного, о мудрости правителя и гармонии мироздания. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания стран, которые изначально были разрозненными, но позже объединились в устойчивую структуру взаимодействия.

- *金砖五国如同散落在全球的5颗珍珠，把它们串起来就会成为闪烁异彩的项链。 страны БРИКС подобны пяти жемчужинам, разбросанным по всему миру, и если соединить их вместе, то получится ослепительное ожерелье (共产党员网 05.12.2012).*

редкость; ценность; упорядоченность; устойчивость

РАЗДЕЛ 10. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА»

磁石 «магнит»

Сила притяжения и концентрации интересов вокруг союза или идеи.

磁石 císhí: 磁 «магнит»; 石 «камень».

Иероглиф «磁» вошел в широкое употребление в эпоху династии Хань (汉朝, 206 до н. э. – 220 н. э.), до этого периода для обозначения слова «магнит» использовали иероглиф «慈» cí. Магнит – это термин, который означает тело или материал, создающий вокруг себя магнитное поле и способный притягивать ферромагнитные материалы.

Магнит в китайской культуре имеет как практическое, так и символическое значение. Магниты использовались в Древнем Китае для создания компасов, что сыграло важную роль в развитии мореплавания и торговли (指南针 «указывающая на юг игла»). Первые прототипы компасов появились еще в период Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.), а широкое применение они получили в эпоху династии Хань (汉朝, 206 до н. э. – 220 н. э.). Изначально компасы использовались не только для навигации, но и в практике фэншуй для правильной ориентации зданий и захоронений относительно потоков энергии. Это подчеркивает значение магнита как инструмента для нахождения правильного пути как в буквальном, так и в переносном смысле. Символически магнит может отражать притяжение и взаимодействие между людьми, что важно в китайской культуре, в которой гармония и связи между людьми имеют большое значение. Кроме того, магнитные свойства могут быть связаны с энергией *ци* – жизненной энергией, необходимой для достижения внутреннего баланса. В традиционной китайской медицине магниты применяли в лечебных практиках: их прикладывали к определенным точкам на теле или встраивали в иглы для акупунктуры, полагая, что магнитное поле усиливает поток энергии *ци* и способствует исцелению. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания притягательной силы объединения, которое, подобно магниту, привлекает все больше стран: ряд государств, включая Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопию, стали полноправными членами БРИКС в 2024 году.

- 金砖与全球南方：吸引发展中国家的磁石。БРИКС и Глобальный Юг: *магнит* для развивающихся стран (中国新闻网 26.10.2024).
- 金砖国家是一个强大且严肃的联盟，“一块吸引许多国家的磁石”。БРИКС – мощный и серьезный альянс, «*магнит*, который притягивает многие страны» (TV BRICS 02.05.2024).
- 宛若巨大的磁石，金砖吸引着越来越多的“全球南方”国家走近它、融入它。Подобно гигантскому *магниту*, БРИКС притягивает к себе все больше стран Глобального Юга (新华社 27.10.2024).

притяжение; привлекательность; влияние; интерес

催化剂 «катализатор»

Стимул, ускоряющий и усиливающий процессы изменений.

催化剂 *cuīhuàjì*: 催 «торопить, подгонять»; 化 «превращаться»; 剂 «средство; реактив; препарат».

Лексема «催化劑» в китайском языке – «катализатор», фактор, запускающий или ускоряющий какой-либо процесс. Метафорически «催化劑» обозначает элемент, способствующий развитию событий, ускоряющий достижение целей и стимулирующий изменения.

«催化劑» подчеркивает эффективность и оптимизацию процессов. Например, введение новой политики может стать катализатором социальных реформ (社会改革的催化劑). В качестве запускающего фактора «催化劑» также часто используется метафорически для описания начального события или поворотного момента, который запускает серию цепных реакций. Он может быть незначительным сам по себе, однако его появление нарушает первоначальное равновесие и инициирует новый динамический процесс. Так, международная конференция может выступать катализатором межрегионального сотрудничества (区域合作的催化劑). Исторические события нередко выступают в роли катализаторов. Например, Опиумные войны (鸦片战争, 1839–1842; 1856–1860) или Синьхайская революция (辛亥革命, 1911–1912) стали катализаторами социальных и культурных изменений в Китае, повлияв на литературу, политику и общественное сознание. Опиумные войны подтолкнули страну к переосмыслению внешнеполитических стратегий, а Синьхайская революция запустила процесс трансформации политической системы от монархии к республиканской форме правления, что повлекло за собой глубокие изменения в общественной структуре, образовании и национальной идентичности. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует объединение как силу, ускоряющую и усиливающую процессы глобальных изменений: сотрудничество БРИКС инициирует создание альтернативных финансовых механизмов, укрепляет межрегиональные связи и формирует новые форматы взаимодействия.

- 金砖国家合作是全球经济治理改革的**催化劑**。Сотрудничество стран БРИКС является **катализатором** реформы глобального экономического управления (中国日报 09.07.2015).
- 金砖五国：合作发展的谈判者、资助者和**催化劑**。Страны БРИКС: переговорщики, спонсоры и **катализаторы** развития сотрудничества (新浪新闻 23.06.2022).

изменение; трансформация; ускорение; усиление процесса

РАЗДЕЛ 11. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МИР РАСТЕНИЙ»

花卉 «цветы»

**Гармония, процветание и положительные результаты развития;
политическая «привлекательность», «мягкие» формы влияния.**

花卉 huāhuì: 花 «цветок»; 卉 «травы, растительность».

Иероглиф «花» – пиктограмма; он визуально напоминает цветок с пышной листвой и мягким стеблем. Иероглиф «卉» согласно «Шовэнь цзецзы» (说文解字, словарь китайских иероглифов) являлся «общим названием для травянистых растений». В широком смысле под термином «花卉» понимают не только привычные декоративные травы, но и другие цветущие растения: кустарники, деревья, а также бонсай и оранжерейные декоративные виды растений. Сочетание «花» и «卉» появилось позже.

Цветы занимают особое место в китайской культуре. Их образы пронизывают различные сферы жизни: от искусства и литературы до философии и повседневных обычаев. Цветы встречаются на керамике и тканях, в народных праздниках и ритуалах. Пион почитается как «король цветов»; в эпоху династии Тан (唐朝, 618–907) о пионах (牡丹花) говорили: «Краса Китая и небесный аромат» (国色天香); цветок считается символом богатства, процветания и знатности. Лотос (荷花), растущий в мутной воде, но остающийся чистым, олицетворяет духовное просветление и нравственную чистоту. В буддизме это священный цветок, символизирующий чистую землю и возрождение. Цветы сливы, или *мэйхуа* (梅花), – символ непоколебимого духа, так как распускаются в зимний период и не боятся холодов. Особое место цветы занимают в традиционной китайской живописи, где они стали основой отдельного жанра, который называется «цветы и птицы» (花鸟画). Этот жанр оформился в X веке и получил широкое распространение при династии Сун (宋朝, 960–1279). Эта традиция символики цветов находит отражение и в современном политическом дискурсе. В обсуждениях роли БРИКС метафора репрезентирует уникальность и вклад каждой страны в общее развитие объединения. Она наглядно иллюстрирует принцип «единства в многообразии».

- *五国如五彩花卉吐露芬芳, 各领风骚, 共同装点起金砖国家这座大花园。 Каждая из пяти стран БРИКС как яркий ароматный **цветок**. Вместе они создают прекрасный сад (央视 03.09.2017).*

гармония; многообразие; обновление, мягкая сила

花园 «сад»

Пространство для диалога и совместных решений.

花园 huāyuán: 花 «цветок»; 园 «сад».

Иероглиф «园» впервые появился в текстах периода Сражающихся царств (战国时期, 476/403–221 до н. э.). Первоначальное значение «园» – «место для посадки фруктов, овощей, цветов и деревьев»; в более широком смысле оно означало место для отдыха и осмотра достопримечательностей.

Китайское классическое садовое искусство – это уникальное достижение традиционной архитектуры и важная часть мирового культурного наследия. Высшая цель китайского садового искусства – достичь духовного измерения природы и воплотить эстетический идеал. Поворотным моментом в развитии китайских садов стали эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (魏晋南北朝时期), тогда распространение буддизма и популярность философии Лао-цзы (老子) и Чжуан-цзы (老庄) привели к новому отношению к природе: ее стали особенно почитать, а сады начали не просто воспроизводить природные ландшафты, но и выходить за их рамки. Особое внимание уделялось созданию иллюзии бесконечности: небольшие пространства визуально расширялись за счет продуманного размещения элементов и использования «сквозных видов», когда один пейзаж плавно перетекает в другой. Зрелости китайские сады достигли в эпохи династий Тан и Сун (唐宋, 618–907; 960–1279). В это время чиновники и литераторы участвовали в создании садов. Они проектировали, обустраивали собственные участки, интегрировали в ландшафтный дизайн поэзию и живопись, благодаря чему сад превращался из ремесленного шедевра в произведение искусства. Растения подбирались так, чтобы сад оставался живописным в любое время года, – от цветущей сливы ранней весной до заснеженных сосен зимой. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует БРИКС как сад, в котором укрепляются связи между странами и процветает сотрудничество, создавая благоприятные условия для совместного роста и развития.

- “金砖合作不是封闭的俱乐部，而是开放的大花园。Сотрудничество в рамках БРИКС – это не закрытый клуб, а открытый сад (新华社 04.09.2017).
- 金砖成员间贸易蓬勃发展，“金砖”花园中各种文明交融共生。Торговля между странами БРИКС выходит на новый уровень, а «сад БРИКС» демонстрирует пример того, как разные цивилизации могут сосуществовать и развиваться вместе (中国新闻网 24.08.2023).

взаимодействие; диалог; партнерство; сотрудничество

РАЗДЕЛ 12. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «АРТЕФАКТ»

灯 «лампа, фонарь, светильник»

Ориентир, задающий общее направление и объединяющий усилия тех, кто движется вперед.

灯 dēng.

Изначально иероглиф «灯» имел форму «燈». Замена радикала «металл» (金) на радикал «огонь» (火) образует иероглиф «燈», который позже был упрощен до «灯». Единица «灯» в китайском языке – осветительное устройство, использующее в качестве источника света факелы, свечи, электричество или другие источники.

В Древнем Китае в эпоху Сражающихся царств (春秋战国, 770–476/403 до н. э.; 476/403–221 до н. э.) были усовершенствованы бронзовые лампы (青铜灯); во времена династии Хань (汉朝, 206 до н. э. – 220 н. э.) появились лампы, оснащенные дымоотводными трубками (釭灯); во времена династии Тан (唐朝, 618–907) были созданы маслосберегающие лампы (省油灯); во времена династии Сун (宋朝, 960–1279) получили широкое распространение лампы из керамики и фарфора, покрытые цветной глазурью (彩釉陶瓷灯具). На этой основе развилось и искусство китайских фонарей – ярких нарядных конструкций, изначально выполнявших не только функцию освещения, но и важную роль в праздничных ритуалах. Фонари стали особенно популярны в эпоху династии Тан, когда совершенствование технологий позволило создавать легкие и красочные конструкции разных форм и размеров. Их часто украшали узорами, иероглифами с пожеланиями удачи и изображениями драконов, фениксов, пионов и лотосов. Красные фонари, символизирующие удачу и процветание, со временем превратились в неотъемлемый атрибут китайских праздников; их развешивают на улицах во время празднования Нового года (春节) и Праздника фонарей (元宵节). В эти дни города наполняются мягким светом тысячи разноцветных фонарей. В метафорическом смысле единица «灯» часто используется для обозначения духовной силы или предмета, способного рассеять тьму, указать направление и принести тепло и надежду. В дискурсе о БРИКС метафора используется для описания роли объединения как источника позитивного влияния: оно освещает путь к гармонии, миру и сотрудничеству, указывая вектор общего развития в глобальном масштабе.

- 金砖是一盏明灯, 可以领导这个世界走向和谐、和平、合作与共同发展。БРИКС как яркий **фонарь**, который может вести мир к гармонии, миру, сотрудничеству и общему развитию (光明日报 21.04.2023).

направление; поддержка; надежда; безопасность

工具 «инструмент»

Средство достижения политических целей и воздействия на геополитические процессы.

工具 gōngjù: 工 «работа»; 具 «орудие, инструмент».

Первоначальное значение иероглифа «工» – «человек, обладающий циркулем и угольником» (规矩), позже значение расширилось до «ремесленника» и «работы». Древняя форма иероглифа «具» напоминала две руки, держащие треножник (鼎). Первоначальное значение «具» – «обеспечить едой и питьем», позже значение расширилось и стало обозначать «предметы или инструменты». «工具» – физический инструмент или приспособление, предназначенное для выполнения конкретной практической задачи. В переносном значении – любое средство, которое человек или организация использует для достижения цели.

К типичным инструментам Древнего Китая относятся орудия для перекачивания воды, такие как колодезный журавль (桔槔), лебедка (辘轳) и водяное колесо (水车); орудия для пересечения водных преград, такие как плоты и лодки (筏和船); орудия, приводимые в движение водой, – водяная мельница (水磨); орудия для контроля уровня воды: бамбуковая измерительная рулетка (竹卷尺), линейка для измерения уровня воды (水则). Также широко использовались плуг (犁) и мотыга (锄), которые играли основную роль в развитии земледелия и повышении урожайности сельскохозяйственных культур. В дискурсе о БРИКС метафора подчеркивает роль объединения как средства укрепления международного права и продвижения совместных решений. Страны БРИКС используют платформу сотрудничества в качестве инструмента для отстаивания интересов развивающихся государств, содействия экономическому росту и выстраивания более сбалансированной системы международных отношений.

- 金砖国家已经创立了两个最重要的工具 其一是新开发银行(NDB)和应急储备安排(CRA)。Страны БРИКС создали два важнейших **инструмента**:

Новый банк развития (НБР) и Механизм резервирования на случай непредвиденных обстоятельств (МРН) (观察者网 22.04.2023).

- *金砖国家是减少各国对美元依赖的重要工具，大马能从中受益。БРИКС – важный **инструмент** для снижения зависимости стран от доллара США, и Малайзия может извлечь из этого выгоду (光明日报 07.09.2024).*

**достижение целей; механизм воздействия; практическая польза;
регулирование**

РАЗДЕЛ 13. ДРУГИЕ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ

巨人 «великан, гигант»

Политический актер, меняющий баланс глобальных сил.

巨人 jùrén.

Иероглиф «巨» встречается в бронзовых надписях времен династии Западная Чжоу (西周, 1027–770 до н. э.). Первоначальное значение «巨» – «прямоугольный столярный угольник» (直角的曲尺), который позже стал обозначаться иероглифом «矩» (jǔ). В современном китайском языке значение «巨» – «крупный», «огромный». Лексема «巨人» в китайском языке имеет несколько значений. В прямом смысле она обозначает человека аномально высокого роста, что может быть связано с гиперфункцией передней доли гипофиза (巨人症). В сказках «巨人» относится к персонажу, который значительно выше среднего роста и часто обладает сверхчеловеческой силой. В переносном значении «巨人» – «великая фигура», символ масштаба и влияния.

В китайском политическом дискурсе «巨人» метафорически обозначает влиятельного игрока на мировой арене, обладающего колоссальными ресурсами, экономической силой или политическим влиянием, отражая развитие и потенциал усиления влияния, противопоставляя его «маленьким группам» или «слабым объединениям». В дискурсе о БРИКС метафора используется для репрезентации объединения как формирующегося центра силы, способного оказывать влияние на мировую экономику и международный порядок.

- *再看经济，这个所谓的“小团体”，GDP 总量已经超过全球的 40%。就这体量，还能叫“小团体”？这更像是一个正在崛起的巨人，而不是一个准备散伙的草台班子。Если взглянуть на экономику, этот так называемый*

«малый кружок» уже производит свыше 40 % мирового ВВП. Можно ли его называть «маленьким»? Это скорее восходящий **гигант**, а не разваливающийся временный коллектив (央视 26.07.2024).

- **金砖国家正逐步成长为世界经济版图上的巨人，不断改变国际力量对比格局。Страны БРИКС постепенно превращаются в **гиганта** на карте мировой экономики, меняя баланс глобальных сил (环球时报 28.07.2024).**
- **这个巨人的步伐越来越坚定，任何试图阻碍其崛起的外部势力都将徒劳无功。Шаги этого **гиганта** (БРИКС. – Прим.) становятся все более уверенными, и любые внешние силы, пытающиеся помешать его подъему, обречены на провал (人民日报 29.07.2024).**

влияние; значимость; ведущая роль; потенциал роста

梦想 «мечта»

Образ желаемого будущего как проект развития и источник мотивации.

梦想 mèngxiǎng: 梦 «сон, мечта»; 想 «думать, размышлять, желать».

Иероглиф «梦» впервые встречается в *цзягувэнь* (甲骨文) периода династии Шан (商朝, 1600–1046 до н. э.). Первоначальное значение слова «梦» – «сон», которое впоследствии расширилось до значения «иллюзия» или «фантазия» (虚幻, 空想). Лексема «梦想» трактуется как «сильное желание» или «цель на будущее» (未来的强烈愿望或目标).

В китайской культуре «мечта» отражает устремленность к лучшему будущему и воплощает идеалы, направленные на долгосрочное развитие. Это источник мотивации, который вдохновляет человека преодолевать трудности, раскрывать свой потенциал и стремиться к высоким целям. В Китае понятие «мечты» исторически не ограничивалось индивидуальными стремлениями, а соотносилось с идеями общественной гармонии, благополучия народа и процветания государства. Ключевой концепцией последних лет является «китайская мечта» (中国梦), официально сформулированная председателем КНР Си Цзиньпином как «великое возрождение китайской нации» (中华民族伟大复兴). Данная концепция объединяет идеи национального единства, экономического развития, социальной справедливости, культурного возрождения и экологической безопасности. 29 ноября отмечается День китайской мечты (中国梦想日) – праздник, учрежденный в честь того, что именно в этот день в 2012 году во время посещения выставки «Путь к возрождению» в Национальном музее Китая Си Цзиньпин впервые озвучил эту концепцию. День китайской мечты служит напоминанием о коллективных

целях нации и вдохновляет граждан, особенно молодежь, вносить личный вклад в возрождение страны. В политическом дискурсе метафора «梦想» часто обозначает национальную или коллективную цель, к которой стремится страна или группа стран. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует стремление объединения к равноправному, многополярному и справедливому миру.

- 而今，因为有着共同的发展梦、图强梦，四大洲的新兴力量代表国家聚合在一起，“金砖梦”成为这些国家的求和平、谋发展、促合作、图共赢的共同梦想。Страны с четырех континентов объединились в стремлении развивать свою национальную мощь и воплощать общую мечту. «Мечта БРИКС» – это путь к миру, развитию и взаимовыгодному сотрудничеству (人民日报 17.07.2014).
- 没人想到金砖国家承载着全球南方国家金融自主梦想的机构。Никто не предполагал, что страны БРИКС возьмут на себя роль «носителя» мечты стран Глобального Юга о финансовой независимости (环球时报 03.07.2024).

идеал; мотивация; проект будущего; коллективные стремления